

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовский государственный аграрный университет
имени Н.И. Вавилова»**

ИСТОРИОГРАФИЯ

КУРС ЛЕКЦИЙ

Саратов 2014

УДК 93
ББК 63.2

Историография: курс лекций для аспирантов / Составитель Н.В. Шалаева.
– Саратов, 2014. – 109 с.

Курс лекций по дисциплине «Историография» составлен в соответствии с требованиями ОПОП ВО и предназначено для аспирантов, обучающихся по направлению 46.06.01 Исторические науки и археология, профиль подготовки Отечественная история. Пособие содержит материал по основным вопросам и проблемам историографии России с момента зарождения науки до наших дней, рассмотрены вопросы теории и генезиса исторической науки, выделены этапы развития историографии, дана картина эволюции исторической мысли и исторических школ, основных концепций. Пособие направлено на формирование у аспирантов навыков профессионального анализа общего и особенного российской исторической мысли в ее социокультурных и конкретно-исторических измерениях, их отражение в исторических источниках, и применение во всех видах профессиональной деятельности.

Материалы пособия распределены по соответствующим разделам и темам, содержание которых раскрывается с учетом современной их трактовкой в научной исторической литературе.

УДК 93
ББК 63.2

© Н.В. Шалаева, 2014
© ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Курс лекций написан в соответствии с учебным планом по направлению подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология, профиль подготовки Отечественная история дисциплина «Историография» включена в вариативную часть профессионального цикла ОПОП ВО.

К исходным требованиям, необходимым для изучения дисциплины «Историография», относятся знания, умения и виды деятельности, сформированные в процессе изучения Отечественной истории и вспомогательных исторических дисциплин при получении высшего профессионального образования.

Целью дисциплины «Историография» является получение навыков анализа важнейших историографических концепций, опыта ведущих научных школ и направлений отечественной и зарубежной историографии, методов историографического исследования и их применение в профессиональной деятельности.

Структура дисциплины включает в себя следующие разделы: Историография средневековой Руси. Историография России XVIII в. Историография России XIX в. Советская и постсоветская историография XX-XXI вв.

В процессе изучения дисциплины используются как традиционные педагогические технологии, так и методы активного обучения: лекция/занятие-визуализация, лекция/занятие дискуссия, метод кейса.

Выпускник, освоивший программу аспирантуры, должен обладать следующими компетенциями:

- «способностью к критическому анализу и оценке современных научных достижений, генерированию новых идей при решении исследовательских и практических задач, в том числе в междисциплинарных областях» (УК-1);

- «способностью самостоятельно осуществлять научно-исследовательскую деятельность в соответствующей профессиональной области с использованием современных методов исследования и информационно-коммуникационных технологий» (ОПК-1);

- «способностью использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории, источниковедения, специальных исторических дисциплин, историографии и методов исторического исследования, теории и методологии исторической науки» (ПК-4);

- «способностью осуществлять поиск информации, формировать и анализировать на уровне экспликации парадигмальных оснований научную базу исследований, и применять их результаты при решении конкретных образовательных и исследовательских задач» (ПК- 5).

В результате освоения дисциплины аспирант должен:

знать: этапы развития исторического знания в России; основные историографические школы, концепции и подходы в историческом знании;

уметь: анализировать исторические исследования на основе научной методологии и методов историографического анализа; свободно оперировать основными теоретическими понятиями курса; систематизировать историографические факты и формировать на этой основе аргументированные выводы; использовать междисциплинарные подходы в процессе изучения формирования исторических школ и направлений;

владеть: основными понятиями, методами научного исследования в области историографии; самостоятельного историографического анализа исторической литературы.

Общая трудоемкость дисциплины – 3 зачетных единицы (108 часов, из них аудиторная работа – 54 часа, самостоятельная работа – 54 часа).

В конце курса предусмотрена промежуточная аттестация в форме зачета (3 семестр).

ТЕМА 1

Введение в историографию Отечественной истории

Термин «историография» употребляется в нескольких смыслах:

1. Историография – это история исторической мысли, сближая это определение предмета истории исторической науки с историей философии, социологии, общественной мысли.

2. Расширение понятия предмета историографии (А.Л. Шапиро, С.О. Шмидт, Л.В. Черепнин) вплоть до распространения исторических знаний в обществе и отражения прошлого в произведениях литературы и искусства, т.е. историография — история исторических знаний.

3. Историография – история исторической науки (А.М. Сахаров, М.В. Нечкина, Е.Н. Городецкий и др.).

Гносеологической основой такого разброса в определении предмета историографии является многообразие форм познания прошлого. Как подчеркивает А.В. Клименко, оно может происходить:

1. в форме философских теорий, социологических схем;

2. путем создания художественных образов в литературе, искусстве, формах устного предания, воспоминаниях, публицистических выступлениях (основа – исторические факты);

3. с помощью научных исследований, основанных на критическом подходе к историческим источникам.

Большинство современных исследователей в вопросе об определении предмета историографии разделяют точку зрения А.М. Сахарова. Под историей исторической науки они понимают процесс развития исторической науки и всех её подсистем, а под историографией – науку, изучающую этот процесс. Таким образом, в широком смысле историографией называют специальную историческую дисциплину, которая изучает сложный, многогранный и противоречивый процесс развития исторической науки и его закономерности.

Необходимо учитывать многозначность употребления термина «историография». Академик И.Д. Ковальченко в монографии «Методы исторического исследования» отметил основные варианты использования этого понятия:

- историография как совокупность научных трудов о какой-либо проблеме или периоде, общественно-исторического развития (историография народничества и т.д.). В этом случае под историографией понимается вся историческая литература, созданная по данному вопросу на протяжении времени его научного изучения;

- историография как совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную эпоху, на том или ином этапе исторической науки безотносительно к их тематическому содержанию (историографии советского общества);

- историография как работы по истории исторической науки.

К спорным вопросам в определении предмета историографии относится проблема включения в него исторических взглядов деятелей культуры, философов, социологов, общественных деятелей.

Для большинства современных ученых историография – *это наука о развитии научного исторического знания, либо как совокупность трудов (представлений) по истории изучения какого-либо события или процесса.*

Длительное время историография считалась вспомогательной исторической дисциплиной, задачей которой было обеспечить историков знаниями об их предшественниках в изучении той или иной конкретной исторической проблемы. От историографов требовали практических рекомендаций по проблемам в исторической науке, что было изучено и на каком уровне, в каком объеме, на что следует обратить пристальное внимание в собственном научном исследовании. Во второй половине XIX в.

историография получила статус специальной отрасли исторических знаний со своим предметом, объектом и задачами.

История исторической науки тесно связана с историей общественной мысли, которая является частью национального самосознания, активно влияющей на развитие исторической науки, что делает историографию составной частью истории культуры в целом.

Историография тесно связана с другими специальными историческими дисциплинами – источниковедением, археографией, архивоведением, археологией и др. Это выражено в том, что историография изучает историю развития этих дисциплин, историограф в своей работе использует их инструментарий. Благодаря этим наукам историограф получает знания о том, какие теоретические идеи и источники были в распоряжении исследователя в данных конкретных условиях, каковы были методы и методика их изучения, чем определялась проблематика исторических исследований. Все это в свою очередь связывает историографию с историей философии, социологией, историей культуры, исторической психологией, собственно историей России, позволяет ей отойти от описательности, библиографичности, простой регистрации вышедшей литературы, изложении ее содержания и сосредоточиться на изучении истории исторической науки.

Предмет и задачи историографии. Как любая научная дисциплина, историография имеет свой объект и предмет изучения, выполняет определенные задачи, использует большой набор принципов и методов историографического исследования.

Объектом историографии в настоящем учебном пособии является история дореволюционной, советской и современной отечественной исторической науки. История эмигрантской российской исторической науки затрагивается лишь частично в связи с судьбами конкретных российских историков, вынужденных в силу различных обстоятельств покинуть Родину и продолживших свое научное творчество за границей.

Предмет историографии – изучение отечественной истории в исторической науке нашей страны.

Важнейшие задачи историографии:

- изучение закономерности смены и утверждения исторических концепций и их анализ;
- анализ теоретико-методологических принципов различных направлений в исторической науке и выяснение закономерностей их смены и борьбы;
- исследование процесса накопления фактических знаний о человеческом обществе, введения в научный оборот источников;
- изучение процесса изменения и совершенствования методов и приемов источниковедческого анализа;
- анализ закономерностей изменения проблематики исторических исследований;
- изучение исторических научных учреждений, системы подготовки кадров историков;
- распространение исторических знаний, состояние научной и научно-популярной периодической печати;
- исследование международных связей отечественной исторической науки, воздействие философии, истории Запада на российских ученых;
- изучение объективных условий развития исторической науки (особенно политики правительства).

Все эти составные части историографии рассматриваются в неразрывной связи друг с другом с учетом воздействия на них внутренних и внешних факторов.

Принципы и методы историографии.

В основе историографического познания лежат мировоззренческие принципы, объединяющие историографию с другими историческими науками. Важнейшим принципом для историка исторической науки является принцип историзма, суть которого заключается в том, что любое историографическое явление (концепция ученого, позиция

направления, школы) должно рассматриваться в развитии в связи с обусловившими его факторами. Впервые принцип историзма в российской исторической науке успешно применил крупнейший историк XIX в. С.М. Соловьев.

При анализе историко-научного факта необходимо прежде всего учитывать достигнутый уровень развития исторической науки, объективные возможности для научного творчества, состояние исследований в смежных областях знаний и др.

Современные российские историки выдвигают принцип целостности, который ориентирует исследователя не на необходимость подходить к изучению каждого периода или направления в истории исторической науки как в системе взаимосвязанных элементов исторического знания и причин, определяющих их изменения. Так изучение исторических взглядов любого ученого предполагает анализ концепций исследователя, проблематики его трудов, состояние источниковой базы, методов и приёмов источниковедческой критики т.д. Все эти компоненты связывает воедино методология исторического познания. Именно она выступает в качестве ведущего элемента исторических взглядов ученого.

Историки исторической науки руководствуются принципом целостного подхода, особо выделяя те идеи положения и явления в прошлом, которые имеют значение для современных исследователей.

Методы историографического познания

В современной историографической науке под методами понимается совокупность мыслительных приемов или способов изучения прошлого исторической науки. Выделяют следующие методы историографического познания:

- сравнительно-исторический метод, позволяющий проводить необходимые сравнения различных исторических концепций с целью выявления их общих черт, особенностей, самобытности и степени заимствования;
- хронологический метод, направляющий на анализ движения научной мысли, смену концепций, взглядов и идей в хронологической последовательности, что позволяет вскрыть закономерности накопления и углубления историографических знаний;
- проблемно-хронологический метод, позволяющий расчленить широкие темы на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. Некоторые ученые (например, А.И. Зевелев) считают хронологический и проблемно-хронологический методы приёмами изложения материала, а не исследования прошлого;
- метод периодизации, направленный на выделение отдельных этапов в развитии исторической науки с целью обнаружения ведущих направлений научной мысли, выявления новых элементов в её структуре;
- метод ретроспективного (возвратного) анализа, позволяющий изучить процесс движения мысли историков от современности к прошлому с целью выявления элементов старого, сохранившего знания, проверить выводы прежних исследователей данными сегодняшнего дня;
- метод перспективного анализа, определяющий перспективные направления, темы, проблемы будущего науки на основе достижения современной историографии.

Историографический факт, историографический источник

В основе современных представлений об историографическом факте, историографическом источнике лежат взгляды известного русского историка А.М. Сахарова, суть которых в следующем.

Главным историографическим фактом А.М. Сахаров считал концепцию ученого, которая может быть выражена не в одной, а в нескольких работах. Содержание концепции и её воплощение не всегда совпадают (влияние политики, настроения научного общества и т.д.). Историографическим источником А.М. Сахаров считал труды историков в особой форме (монографии, статьи, заметки, выступления, тезисы, черновики и т.д.). Кроме того, к историографическим источникам относят документацию научно-исследовательских

организаций (протоколы съездов, конференций, круглых столов историков стенограммы дискуссии т.д.).

Особый вид историографических источников представляют рецензии на исторические исследования, которые не только не отражают процесс утверждения концепции в науке, но и отражают гипотезы и позитивные решения.

Таким образом, историография является важной частью исторического знания для формирования и развития профессионального историка, позволяющей дополнить знания по истории общественно-политической мысли, расширить представления о закономерностях научного познания, систематизирует знания обо всем историческом процессе, позволяет понять его во всем многообразии.

Важной стороной прикладного значения историографии является использование полученных при её изучении знаний для написания исследовательских работ, в которых должен быть самостоятельный историографический образ. Задачами такого образа являются:

- подведение итогов предшествующего изучения объекта исследования (выделение этапов, направлений в изучении данной темы, раскрытие методологических подходов, анализ источниковой базы предыдущих исследователей, оценка их труда);
- выявление на этой основе тех аспектов исторической реальности, которые либо совсем не изучены, либо недостаточно;
- определение исследовательских задач.

Принципы периодизации. Периодизация истории исторической науки позволяет не просто определить этапы развития, но и выделить главное в эволюции историографии. Первые попытки периодизации историографии относятся ко второй половине XIX – началу XX в.

1. Начало развития русской историографии – XVIII в., связывая с деятельностью В.Н. Татищева и первых иностранных историков, приглашенных для работы в Российской академии наук.

Принципы периодизации истории исторической науки в России были различными. И.В. Лашнюков и В.О. Ключевский исходили из ее тесной связи с положением страны. Они писали о важной роли крупнейших событий в развитии исторической науки.

2. Периодизация П.Н. Милюкова: конец XVII в. (с «Синописа») до 30–40-х гг. XIX в. Здесь учитывалось значение идей Н.М. Карамзина для развития русской исторической науки, профессионализм кадров историков, степень западноевропейского влияния на них.

3. Советская периодизация истории исторической науки соответствовала марксистской концепции исторического процесса, в основе которой лежал формационный подход:

- феодальная историография;
- буржуазная историческая наука;
- кризис буржуазной исторической мысли и создание марксистско-ленинской науки;
- историческая наука советского периода.

В каждом из указанных периодов существовала своя периодизация, как правило, связанная с этапами развития Российского государства (историография Древнерусского государства, феодальной раздробленности Руси, централизованного Русского государства), с определенной фазой общественно-экономической формации (историография формирования капиталистического уклада, кризиса феодально-крепостнической системы, пореформенного развития, империализма), с этапами развития советского общества (историография периода борьбы за построение социалистического общества, упрочения и развития социалистического общества, развитого социализма).

3. Периодизация В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева, А.М. Сахарова:

- феодальный: выделялись этапы: возникновения и накопления исторических знаний (с древнейших времен до второй половины XVII в.); превращения исторических знаний в науку (конец XVII – середина XVIII в.); формирования, при господстве дворянской

историографии, буржуазного и революционного направлений (вторая половина XVIII в.); кризиса дворянской историографии, утверждения буржуазной и оформление революционно-демократической историографии (первая половина XIX в.).

- капиталистический: представлен этапами утверждения капитализма – до середины 90-х гг. XIX в. и империализм.

4. Современная отечественная историографическая литература:

- Дореволюционная историография делится на феодальную и капиталистическую. Современные историографы развитие дореволюционной историографии связывают с существованием в стране научных направлений и школ (А. Л. Шапиро, В. П. Макарихин, Г. Р. Наумова и А. Е. Шикло, коллектив авторов под редакцией М. Ю. Лачаевой).

- Советская историография. Обобщая результаты исследований историографов советского периода, периодизацию советского периода истории исторической науки в России можно представить следующим образом:

- 1920–1930-е гг.;
- 1941–1945 гг. – период Великой Отечественной войны;
- 1945–1955 гг. – первое послевоенное 10-летие;
- 1955 – середина 1960-х гг. – период «оттепели»;
- 1960–1980-е гг.

Высказывается мнение о чередовании в развитии советской исторической науки более либеральных (нэповское 10-летие, эпохи «оттепели», «перестройки»), более консервативных (сталинизм (1930-е — середина 1950-х гг.) и «ресталинизация» (1970—1980-е гг.)) этапов. Некоторые историографы делят советскую историческую науку на 1920-е и 1930—1980-е гг. (О. А. Васильковский, В. Д. Камынин).

- Современная историография. В рамках современного периода выделяют этапы:
  - «перестройки» исторической науки,
  - первая половина 1990-х гг.,
  - вторая половина 1990-х гг. – первые годы XXI столетия (Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин, Ю. А. Поляков).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.

2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.

3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. / М.А. Барг. - М., 1984.

2. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2

3. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 2. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2

4. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2

5. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4

6. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 2

Этапы становления и развития историографии древней Руси (IX–XV вв.)

Русские летописи восемь столетий являлись идеологическим стержнем, соединяющим прошлое и настоящее, поддерживающим идею единства народа и государственности – от легендарных Кия, Щека и Хорива и полулегендарных Рюрика с братьями до Московского царства XVI–XVII вв.

Летописи чаще всего привлекаются как исторический источник или явление литературы. Со времен А. Шлецера (к. XVIII – н. XIX в.) летописание рассматривалось как некое единое древо, продолжаемое или редактируемое летописцами иных эпох. В XIX в. неоднократно указывалось на необоснованность такого подхода: интересы разных слоев общества в любые времена неизбежно различны, и от летописцев нельзя ожидать какой-то «усредненной», всех устраивающей интерпретации событий. Поэтому одна из задач, встающая перед исследователем, – определение условий и цели создания того или иного летописного сборника.

В большинстве своем летописи – это сборники, своды разнообразного материала, некогда существовавшего в виде особых сочинений или в составе других компиляций. Для современного историка особый интерес представляют компиляции, созданные из чисто познавательного интереса. В таких сводах часто объединяются противоположные версии и суждения, и не потому, что сводчик не замечал противоречий, а потому, что воспроизведение их являлось одной из возможных целей компилятора.

Еще одной характерной особенностью работы сводчиков и компиляторов является проявление их заинтересованности при описании современных им событий. Тексты же более ранних летописных произведений передавались с точностью, едва ли не благоговейной, что и позволяет реконструировать эти, недошедшие в оригиналах, сочинения. Позднее, в XVII в., переделкам будут подвергаться как раз то, что считалось ранее незыблемым: начало славян, начало Руси, истоки народа и его культуры.

«Повесть временных лет». В большинстве летописных сводов XV–XVI вв. в основании лежит «Повесть временных лет» (нач. XII в.), которая воспринималась как первоначальное сочинение, принадлежавшее одному автору. Чаще всего назывались имена Нестора или Сильвестра. Нестора упоминали южнорусские летописные сборники XV–XVI вв., Сильвестра – летописи Северо-восточной Руси. Шлецер в работе («Нестор»), посвященной «Повести...», пытался реконструировать предполагаемый первый исторический труд путем сличения всех сохранившихся и выявленных списков. При таком подходе противоречия внутри «канонического» текста просто устранялись, а с их устранением существенно обеднялась идеологическая жизнь первых веков истории Руси.

Нестора в качестве автора «Повести...» называет Хлебниковский список Ипатьевской летописи, относящийся к XVI в. Поскольку в расчете лет при введении хронологической сетки конечной датой названа кончина Святополка, обычно предполагается, что в 1113 г. и составлялась «Повесть...», причем чаще всего автором называют печерского монаха Нестора, а Сильвестру отводится роль либо переписчика, либо редактора.

«Повесть...» замышлялась как труд исторический. В заголовке сочинения обозначены три вопроса: «Откуда есть пошла Русская земля», «Кто в ней начал первее княжити», «Откуда Русская земля стала есть». В «Повести...» воспроизводятся две версии начала Руси: миграция славян и руси с верховьев Дуная из Норика по традиционному Дунайско-Днепровскому пути, и миграция славян, варягов и руси по Волго-Балтийскому пути.

Различно решается и вопрос о происхождении княжеской династии. Киевский летописец писал о княжеских достоинствах Кия, называя его первым князем. В Новгороде княжескую династию вели либо от Игоря, либо от Рюрика, причем впервые это имя носил (княжеские имена обычно повторялись в следующих поколениях) правнук Ярослава Мудрого Рюрик Ростиславич (вторая половина XI в.). А «Слово о полку Игореве» вообще не знало легенды о Рюрике и вело русских князей от легендарного Трояна.

Внутренне противоречив рассказ о крещении Владимира. В «Повести...» представлено более трех версий (три летописец обозначил, но предупредил, что имеются и иные): принятие послов от разных конфессий, направление собственных послов в разные страны, исторические события, связанные с восстанием в Византии 988 г.

В летописях сохранилось несколько версий о возрасте и происхождении Ярослава Мудрого. В ходе борьбы с полоцкими князьями сыновьям Ярослава важно было опереться на «старшинство» своего отца среди потомков Владимира Святославича. И возраст его в статье о «завещании» – детям значительно завышен, тогда как Ярослав старшим не был. По разным летописям в 1016 г. возраст Ярослава определялся в 18, 28 и 38 лет.

В литературе начала XX в. велось обсуждение вопроса о соотношении летописных и внелетописных текстов, говорящих об одних и тех же событиях. А.А. Шахматову представлялось, что внелетописные тексты XI столетия являлись извлечениями из летописи. Н.К. Никольский доказывал обратное. Так, летописная статья 1015 г., рассказывающая о гибели Бориса и Глеба, является чересполосным соединением текстов «Сказания о Борисе и Глебе» монаха Иакова и «Слова о том, како крестися Владимир возьмя Корсунь».

В основе описания событий IX-XIII вв. традиционно лежат три летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская. Реконструкция раннего новгородского летописания по старшим спискам новгородских летописей привела некоторых авторов к выводу, что новгородского летописания XI в. вообще не было. В Новгородской Первой летописи даже новгородские известия даны в киевской редакции, т.е. в редакции «Повести...», доведенной до 1115 г. А собственно новгородская редакция этих известий сохранена лишь сводами второй половины XV столетия.

Списки сводов, содержащих текст «Повести...» сохранились в центрах княжеств, где сидели сыновья Владимира Мономаха. Польские хронисты в ряде случаев использовали иные летописные традиции, в частности традиции Галицко-Волынской Руси. Богатым и своеобразным было ростовское летописание, представленное в Киево-Печерском патерике («Летописец старый Ростовский»), а также в «Истории...» Татищева. Какую-то неизвестную в наши дни «Ростовскую летопись» Татищев подарил Английскому королевскому собранию. Ростовские материалы сохраняются и в позднейших рукописях, до сих пор практически не исследованных.

Во всем летописном древе особое место принадлежит Лаврентьевской летописи, поскольку именно ее текст обычно лежит в основе любого издания «Повести...», ее текст содержит наиболее ранние чтения по сравнению с другими летописями. Название «Лаврентьевская» дается по списку, сделанному в 1377 г. группой писцов под наблюдением монаха Лаврентия. Переписывали они летопись с какой-то ветхой рукописи, доведенной до 1305 г. и, видимо, созданной около этого года. Из записи монаха Лаврентия в конце рукописи следует, что список составлялся для тестя Дмитрия Донского князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича.

Из-за утраты ряда листов в Лаврентьевском списке трудно оценивать характер летописания конца XIII в., отраженного в летописи. Но можно указать на одного приметного летописца, чей почерк просматривается в описании событий с 20-х до начала 60-х гг. XIII в. Владимирское летописание середины и второй половины XIII в. лучше сохранилось в летописных сводах XV столетия. Близкая ей Радзивилловская летопись, сохранившаяся в списке (с миниатюрами) XV в., обрывается на 1206 г. С наибольшей полнотой Лаврентьевский и Радзивилловский списки совпадают до 1193 г. После этой даты материалов, совпадающих в главных летописях обеих традиций, уже не будет.

В предшествующий период пересечение традиций осуществлялось неоднократно. В Суздальской Руси прослеживаются материалы южнорусского летописания, на юге же, в рамках традиции Ипатьевской летописи, около того же 1193 г. привлекалось владимирское летописание. Своеобразным же связующим центром оказывается Переяславль Русский. Переяславское летописание строилось в основном на киевском

материале, обычно так или иначе его сокращая. Сокращения часто нарушают логику изложения, а потому для прояснения содержания необходимо постоянно обращаться к Ипатьевской летописи. Собственно же владимирское летописание просматривается лишь после переезда в 1155 г. на северо-восток Андрея Боголюбского.

1156 г. как важный рубеж в истории летописания был выделен еще Татищевым. И важен он именно для Северо-Восточной Руси, поскольку сам переезд сюда Андрея Юрьевича был актом серьезной политической борьбы, в ходе которой с политической арены отодвигались одни силы и центры и поднимались другие.

В Переяславле Русском со второго десятилетия XII в. велись и собственные летописные записи. Но здесь летописцы не претендовали на особое положение, поскольку земля не претендовала на политическое лидерство. Практически это означает, что и «Повесть...» здесь передали примерно в том объеме, в каком получили в одном из киевских монастырей (Печерском или Выдубецком), а некоторые сокращения по сравнению с редакцией Ипатьевской летописи могут объясняться небрежностью летописцев или переписчиков.

В редакции Лаврентьевской летописи изложение завершается рассказом 1110 г. о «знамении» над Печерским монастырем, после чего следует итоговая запись Выдубицкого игумена Сильвестра, прямо утверждающего, что эта летопись написана им. Сама запись о «знамении» подтверждает его слова: «...явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в 1 час ночи (т.е. в 7 часов вечера), и весь мир видел это». Летописец объяснил появление «столпа» как явление ангела, который в следующем году возглавит победоносный поход русской рати на половцев.

В Новгородской Первой летописи отразилась редакция киевской летописи, доведенная до 1115 г. Но эта летопись еще не знала договоров Руси с греками. Одно из главных отличий Новгородской летописи от «Повести...» – полное отсутствие дунайских сюжетов. Именно на этом основании Шахматов считал, что этнографическое введение «Повести...» с лежащим в его основе сказанием о славянской грамоте – творчество составителя летописи, предположительно Нестора.

Поляно-славянская версия начала Руси ПВЛ в настоящее время находит убедительное разъяснение в археологическом материале. Археологов с XIX столетия интересовали труположения в могильниках Киева и прилегающих поселениях. Они обычно сопровождались оружием, иногда конем и рабыней. Норманнистам было соблазнительно увидеть в них скандинавов-варягов времен князей Олега и Игоря. Но как показала на антропологическом материале Т.И. Алексеева, облик их отличался от германцев больше, нежели любая группа славян. С.С. Ширинский указал и археологические параллели: так хоронили умерших на христианских кладбищах Моравии. И в Киеве многих умерших сопровождали крестики, а вытянутые вдоль тела руки указывали на западный обряд погребения. Эти параллели объяснили появление в Киеве во второй четверти X в. христианской общины, составлявшей значительную часть княжеской дружины и имевшей свой храм Св. Ильи. Эти параллели объясняют и записанное богемскими хрониками предание о князе Олеге – сыне Олега Вещего, изгнанного двоюродным братом Игорем из Киева, бежавшим в Моравию, отличившимся там в борьбе с венграми и ставшим королем. Но после поражения он, уже после смерти Игоря, с которым помирился, вернулся на Русь, где и умер в 60-е гг. X в.

В этих сообщениях есть и объяснение появлению имени «Олег» в чешских документах (С. Гедеонов видел в этом аргумент против норманнского происхождения Олега Вещего), и объяснение появления версии прихода на Днепр славян и руси из Норика – области, примыкающей к Дунаю с юга и являвшейся в религиозном отношении спорной территорией между Моравией и Баварией. А Норик X в. – это Ругиланд, называвшийся, как и всюду, где расселялись руги, также «Руссией», «Рутенией» и другими проходящими по источникам вариантами этого этнонима. Археология и летопись

в данном случае дополняют и помогают понять друг друга: летописец еще непосредственно общался с этими переселенцами.

Частью поляно-славянской концепции начала Руси является рассказ об обычаях племен, в которых поляне заметно отличаются от славян и формой семьи, и формой брака, и обрядом погребения (поляне не знали обычного славянского трупосожжения). «Полянскому» брачному обряду, по которому «не хожашу жених по невесту, а привожаю вечер, а заутра приношаху по ней что владуче» (здесь имеется в виду совершенно несвойственный исконным славянам покупной брак), ближайшие параллели можно найти в баварском и готском праве, включая характерное германское «моргенгабе» — утренний дар после первой брачной ночи. Судя по данным летописца X в., переселенцы из Норика-Ругиланда говорили в это время на славянском языке, но сохраняли давние традиции ругов-русов на протяжении ряда веков и в Прибалтике, и в Причерноморье, и на Дунае, соприкасавшихся с готами и противостоявшими им.

В Новгороде была привлечена киевская летопись, доведенная до 1115 г. и именно в редакции Лаврентьевской летописи. Но в части до 945 г. материал был заменен отчасти собственно новгородским, отчасти галицким. В этой версии (отраженной и Длугошем) Олег Вещий представлен не князем, а воеводой Игоря. Сама хронология событий перенесена с конца IX – начала X в. на 20-е гг. X в., когда, судя по богемским источникам, шла борьба Игоря с Олегом – сыном Олега Вещего.

Неоднозначность новгородского летописания вытекала из долговременного сосуществования различно ориентированных политических институтов: княжеской власти, архиепископской кафедры, владык, так или иначе посторонних по отношению к Новгороду, и собственно городской, связанной с институтом посадничества. Различались по направленности и новгородские монастыри – древние библиотеки и литературные центры. И киевский текст здесь привлекался, видимо, в окружении одного из присланных из Киева князей (при Мстиславе или его сыне Всеволоде), но он мог попасть сюда и через Галицкую Русь. Позднее герой битвы на Калке Мстислав Удалой будет постоянно «разрываться», между Новгородом и Галичем. А интересовало летописца, привлекавшего киевскую летопись, прежде всего начало династии киевских князей, которая связывалась с пришедшим из Новгорода Игорем.

Летописание второй половины XIII–XV вв. В целом переписчики XIII–XV вв., благоговейно переписывавшие древние рукописи, на самом деле сохраняли уже неосознаваемые эпизоды труднейшей, нередко кровавой борьбы, и политической, и религиозной, столкновения Земли и Власти, и борьбу за Власть и Собственность внутри господствующих слоев.

О монголо-татарском нашествии и разорении Руси в 1237–1240 гг. остались отрывочные современные записи, в которых не всегда осознавались причины и последствия страшных разорений и опустошений. Естественно, трагедия воспринималась как наказание Божье за грехи. Но немногие, подобно владимирскому епископу Серапиону, могли разъяснить, в чем же эти грехи заключались: не смогли собраться и объединиться для достойной встречи врага, который пришел убивать и грабить. В позднейших сказаниях, вроде «Повести о разорении Рязани Батыем», появятся герои сопротивления. Но это будет уже в то время, когда призыв к борьбе мог быть услышан.

Пока же связь земель была практически разорвана, а во многих случаях разорвана и связь времен. Это касается, прежде всего, Киева, где, по сообщению проезжавшего через остатки города в Орду римского посла монаха Карпини, в 1246 г. насчитывалось не более двухсот домов, а по всей округе оставались неубранные останки погибших людей. Сам Киев надолго выпадал из поля зрения летописцев Северо-Восточной Руси. Упадок, естественно, коснулся всей письменности, и не случайно в 1377 г. у Лаврентия не нашлось списка летописи, по которой он мог бы восстановить истлевшие строки и страницы оригинала 1305 г.

В XIV в. летописание продолжается в Новгороде, зарождается в Твери и Москве. Но древнейший текст Тверской летописи – Рогожский летописец, сохранившийся в списке середины XV в., оставляет впечатление подготовительных материалов для составления свода. Обстоятельные записи отдельных лет и событий перемежаются многолетними перерывами или же обрывками фраз, которые нелегко осмыслить и датировать.

О том, что в Москве в XIV в. велось летописание, сомнений у специалистов нет. Но в 1382 г. войско Тохтамыша разорило и сожгло Москву. В начале XV в. составитель Троицкой летописи запишет: «Книг же толико множество снесено со всего города и из загорожья и из сел, и в зборных церквах до тропа наметано, сохранения ради спроважено, то все без вести створиша». Какие-то записи велись в других местах, и отдельные сюжеты восстанавливаются с начала столетия со времен Даниила Александровича и Юрия Даниловича. Но часть записей были безвозвратно потеряны. Так, например, отсутствует первоначальная запись о Куликовской битве. Из-за обрывочности сведений позднейших летописей с трудом можно восстановить суть сложной борьбы, развернувшейся в канун нашествия Тохтамыша.

Куликовская битва на протяжении столетий будет знаменем для сторонников решительного противостояния Орде и Литве. К Литве склонялись оба Василия, сын и внук Дмитрия Донского, поскольку Софья Витовтовна оказалась весьма политически активной женщиной. «Сказание о Мамаевом побоище» станет на целое столетие своеобразным тестом: отношение к Дмитрию, татарскому игу и Литве. Поскольку первичный текст не уцелел, его заменяли воспоминания и переделки.

В середине XV в., как верно отметил А.А. Зимин. Русь (еще не Россия) стояла как «витязь на распутье». И всплеск летописания приходится на 40-е гг. XV в., когда «витязю» приходилось выбирать, каким именно путем идти. Это касалось и межкняжеских отношений, и отношений внутри церкви. После Флорентийского собора 1439 г., активное участие в котором принял митрополит Исидор (последний грек на русской митрополии), на Руси резко возросло стремление к автокефалии, причем особенно настаивали на этом последователи Юрия Галицкого, занимавшего московский стол в 1433-1434 гг. И не случайно, что именно сын его Дмитрий Шемяка, на короткое время в 1446 г. овладевший Москвой, пригласил в качестве местоблюстителя митрополичей кафедры рязанского епископа Иону. И хотя Шемяка московский стол не удержал, Иона в 1448 г. был избран митрополитом советом епископов без утверждения Константинополем, который теперь представлялся как бы утратившим православную чистоту.

Летописание XV в. Одним из наиболее спорных вопросов в историографии является история создания Никоновской летописи, списки которой широко распространялись еще в XVII в. Ее древнейший список относится примерно к 1520 г., хотя запись текста продолжалась до конца 50-х гг. XVI в.

Оригинальным сводом Никоновская летопись является именно в пределах до середины XV в. Уникальные сведения о послах из Рима, начиная с X в., вполне объяснимы в свете острого обсуждения поездки большой русской делегации на Флорентийский собор: об этой поездке сохранилось несколько записей современников. Привлечение фольклорных материалов – в этом летопись уникальна – может быть как-то связано с падением авторитета княжеской власти. Внимание к генеалогии увязывается с идеей равенства «великих» княжений. А подобная идея «равенства» вполне естественна для времени противостояния. После же того, как в 70-е гг. XV в. окончательно определится приоритет Москвы, о «равенстве» можно было говорить только в форме оппозиции притязаниям московских князей. Такое допустимо до конца XV – начала XVI в., когда шла усобица между двумя претендентами, неосторожно противопоставленными самим Иваном III (Дмитрий – внук и Василий), и уже совершенно невероятно для более позднего времени.

К 40-м гг. XV в. ведет большой и тонкий сюжет летописи, в котором осуждается Василий Дмитриевич за его отход от линии Дмитрия Донского и митрополита Алексия. Речь идет о пролитовской ориентации зятя Витовта и соответственно и определенном влиянии католицизма. Свое же право на критику летописец аргументирует отсылками к Сильвестру, которому Владимир Мономах позволял говорить правду. И, наконец, значительный комплекс рязанских известий, отсутствующий в других летописях, вполне объясняется прибытием Ионы в Москву из Рязани.

Редакция летописи (нач. XVI в.) существовала: из 8 епископов, обозначенных в начале списков, 5 занимали епархии именно в начале столетия. Киноварные заметки на полях Симеоновской летописи (конец XV в.), касавшиеся преимущественно Рязани, указывают опять-таки на связь с Рязанью. Также вероятна и редакция летописи в канцелярии митрополита Даниила, занимавшего митрополичью кафедру в 1522-1539 гг. Хотя Даниил тоже был «резанцем», рязанские записи начала XVI в., сохранившиеся в рязанских рукописях, в летопись не попали. В целом после 40-х гг. XVI в. это уже обычный летописный стиль.

Проигравшая в феодальной войне сторона – сыновья Юрия Галицкого подвергнуты анафеме. На самом же деле шла серьезная борьба о путях направленности дальнейшей политики, и многие идеи оппонентов линии двух Василиев были восприняты поистине великим князем Иваном III.

Московское летописание активно развивается в 70-е гг. XV в. в условиях завершения объединения земель вокруг Москвы. Иван III определяет для себя титул «государь», отказавшись от предложения Рима принять титул короля, что могло означать зависимость от Империи, тогда как «государь» предполагал полную независимость от кого бы то ни было. Этот титул бросал вызов хану Золотой Орды Ахмату и предполагал доведение борьбы с Ордой до конца, что и произошло с минимальными для Руси потерями.

Выражая идею единодержавия, Иван III согласно Московскому своду определил связь московских и киевских князей: «И от того Рюрика даже и до сего дня знали есте один род тех великих князей, прежде Киевских, до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода (Дмитрий было христианским именем Всеволода Большое гнездо) Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрите начнете».

Идея единства княжеского рода от Киева через Владимир к Москве будет активно эксплуатироваться в публицистике конца XV – начала XVI в. И она теперь будет как бы расщепляться. С одной стороны, начнутся поиски далеких легендарных предков Рюрика, с другой – все Киевское княжество будет восприниматься как законное наследство, временно захваченное литовскими князьями и польскими королями. При этом многие варианты идей, воплощенных в памятниках, близких «Сказанию о князьях Владимирских», возникали в русских областях Великого княжества Литовского, Спор велся и о происхождении Гедимина – родоначальника литовских князей. И все три главные версии оказывались русскими. Литовской знати приходилось поднимать роль Гедимина в соперничестве с поляками и ливонцами, которые не признавали за литовскими князьями права на королевский титул, а опору приходилось искать в русских преданиях.

Многие предания пересказывал в дошедших и недошедших сочинениях Спиридон-Савва по прозвищу «Сатапа». По собственной инициативе он в 1476 г. отправился из Твери в Константинополь, «за мзду» был поставлен митрополитом в Литву, а непринятый Казимиром, снова бежал на Русь. Здесь он был заточен в Ферапонтовом монастыре, где и занимался литературной деятельностью.

В главном сочинении Спиридона-Саввы – «Послании» – просматривается знание определенных римских источников. Но подводит он именно к Августу, который начинает «ряд покладати на вселенную». В числе «братьев» он называет Пруса, который получает побережье Балтики от Вислы до Немана с городами Марборок, Торун, Хвоиница «и

пресловы Гданеск». Новгородский воевода Гостомysl перед смертью советует новгородцам послать в Прусскую землю посольство, призвать князя «царя Августа рода». Таким оказался Рюрик с братьями и племянником Олегом. Эти сюжеты в той или иной мере отражаются в летописных сводах конца XV в.

Другой сюжет в этом сочинении – получение Владимиром Мономахом от Константина Мономаха царских регалий, унаследованных от римских цесарей. Но этот сюжет, видимо, предполагает уже время Василия III Ивановича, который и упоминается как «волный самодержец и царь Великия Росия». Легенда, однако, тоже, видимо, имела предысторию: «чин венчания» Дмитрия-внука вполне сопоставим с торжествами посвящения византийских императоров.

Еще одна линия отхода от традиционного мировидения связана с падением Константинополя. Согласие Византии на унию в 1439 г. освободило массовое сознание на Руси от привычки смотреть на Константинополь с долей покорности. Приверженцы византийского благочестия останутся и много позднее, а поставление Ионы митрополитом без оглядки на Константинополь осуждали некоторые провизантийски настроенные церковные служители. Но умерший в 1461 г. Иона уже в 1472 г. стал восприниматься святым, что подтвердилось канонизацией 1547 г.

Падение Константинополя создавало новую обстановку. Появились посвященные крушению Византии повести, в ряду которых особое место занимает «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера. Он был очевидцем событий, попав в юности в плен к туркам. Участвовал он и во взятии Константинополя турками. Автор, по его собственным словам, уклоняясь под тем или иным предлогом от обязанностей, «писах в каждый день творимая деяния». Впоследствии повесть будет многократно переписываться и переделываться. Здесь появится пророчество о будущем торжестве над «измаилтянами» русского рода, который овладеет сечьмохолмым Царьградом.

В рамках повестей о падении Константинополя складывалась концепция «Москва – Третий Рим». Складывалась она в условиях мистического всплеска конца XV в., связанного с ожиданием «конца света» в 7000 (1492г.). Естественны были, поэтому обращения к библейским пророчествам. Но идея «сменяющихся царств» жила и вне Библии. Другое дело, что оптимистическое восприятие будущего беспрепятственно могло развиваться лишь после 1492 г., когда предсказание «конца света» не сбылось. Тогда и началось активное создание теории «Москва – Третий Рим». Наиболее известны послания игумена псковского монастыря Филофея, относящиеся ко времени княжения Василия III. Это означало, что теория получила широкое распространение, в ней пропагандировалась «чистота» русского православия по сравнению с предшественниками.

Горячие идеологические споры по самому широкому кругу вопросов в конце XV – начале XVI в., при постоянном перемещении религиозных и политических проблем – тема конкретно-историческая и публицистическая. В борьбе нестяжателей и иосифлян обязательно присутствовали исторические аргументы. Это касалось и прочтения Нового Завета, и прав, и обязанностей церкви, монастырского землевладения (отношения к реформам митрополита Алексия), и собственно политического устройства государства. На новом уровне споры эти оживут уже в середине XVI столетия.

Летопись возникла на Руси вместе с письменностью и принятием христианства. Зародилась летописная традиция в недрах церковно-учительной литературы. Отношения Руси и Византии в первые века христианства определяли характер политического звучания летописания, Первое историческое произведение «Сказание о первых русских христианах» охватывало историю более чем столетия и доказывало право Руси на церковную и политическую самостоятельность. Русская летопись и русская жизнь были связаны самым прочным образом, что отразилось в простом и доступном летописном языке.

В первое время большое влияние на содержание и язык летописей оказал фольклор, а затем воинские и вечевые речи, посольские переговоры. В дальнейшем форма летописей,

их стиль, состав, характер работы авторов менялись в зависимости от областей, заказчиков и целей.

С конца XI – начала XII вв. летопись носит официальный характер. Первою летописью Киевского княжеского дома стала «Повесть временных лет», соединившая в себе документы, отрывки византийских хроник и литературных произведений. Летописец впервые осмыслил русскую историю с точки зрения единства земли и княжеского рода и вывел Русь на мировую историческую арену. Это – первая полная, народная история Руси.

На ней воспитывались многие поколения русских людей. В XII–XIII вв. все летописание зависит от местных традиций и тенденций политического дробления Руси. Вся культура интенсивно развивается по областям. В Чернигове, Галиче, Новгороде, Владимире появляются свои формы летописания. Князья, городские собрания (вече), монастыри и отдельные церкви ведут собственные летописи.

Появляются семейные, родовые и личные летописцы. В Новгороде летописание демократизируется и отражает узкоместные интересы, приобретает антикняжеский характер. В то же время создаются произведения, посвященные только одному событию – причине раздоров князей. Исторические повести специально включаются в летопись для оправдания одной стороны и осуждения другой. Однако чувство единства Русской земли не покидало летописцев. В XII–XIII вв. владимирско-суздальское летописание неуклонно стремится стать общерусским.

Ордынское нашествие в определенной степени стимулировало собирание Русской земли. Идеино в летописании это произошло раньше, чем в политической жизни. Москва в конце XIV–XV вв. соединяет в своем летописании новгородские, тверские, ростовские, владимирские летописи, возрождает традиции киевского летописания. На основании московских сводов в Новгороде, Твери, Пскове, Ростове создаются общерусские своды. Идея единства побеждает раньше самого политического единения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.

2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.

3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. / М.А. Барг. - М., 1984.

2. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2

3. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2

4. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 3

Русская историография XVI–XVII вв., особенности ее развития

В отечественном культурном наследии особое место занимает время, когда начинается диалог культур России и Запада. Основным фактом этого времени является образование централизованного государства, ставший рубежом между Древней Русью и Россией. Осваиваются пришедшие, благодаря браку Ивана III с Софьей Палеолог, культурные богатства и создаются собственные. Накопление исторических знаний и изучение отечественной истории должно было включиться в систему всемирной истории. К этому же времени относится распространение на Руси сочинений в области физики, астрономии, астрологии, космографии и всемирной истории. Среди многочисленных иностранцев, приехавших в Россию, дипломаты, купцы и эмигранты-греки. В XVI–XVII вв. образ России за рубежом необычайно популярен. Появился даже особый вид литературы, посвященный Московии и получивший в дальнейшем название «Россика».

Со стороны Московского государства интерес к Западу был не столь активным. Достаточно большое количество собственных неосвоенных земель и духовное неприятие «еллинских учений» сосредоточивали внимание русского мыслителя на собственном самосознании. Центрами книжности, распространения идеологии и развития исторических знаний оставались монастыри. Иосифлянская группировка церковников в течение всего XVI в. принимала активное участие в церковной и политической жизни Русского государства.

Роль иосифлянских публицистов в разработке и пропагандировании официальной идеологии постоянно возрастала. Идея богоизбранности Руси получила развитие в теории «Москва – Третий Рим». Она отражала враждебные католицизму настроения русских церковников. Филофей говорил, что «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Главой православного христианства после взятия Константинополя турками стала Москва. Теория «Москва – Третий Рим» служила укреплению авторитета Русской православной церкви. В то же время Московское правительство использовало теорию Спиридона-Саввы, декларированную в «Послании о Мономаховом венце» (1510–1520 гг.) и «Сказание о князьях Владимирских», связывающую русскую государственность с мировыми державами прошлого. Одновременно получают развитие богословские споры, выступают с критикой официальной церкви боярин Федор Карпов и Матвей Башкин, Артемий и Феодосии Косой; распространяет свои писания кружок Максима Грека; в защиту официальной церкви произносит свои проповеди митрополит Даниил. Политическая борьба переносится в публицистические сочинения Андрея Курбского и Ивана Грозного, Ивана Пересветова и Ермолая.

В XVII в. получили развитие исторические повести, посвященные отдельным событиям и отдельным лицам («Житие» протопопа Аввакума», «История о вере», «История о невинном заточении... боярина Артемона Сергеевича Матвеева»). Вот в общих чертах мир, окружавший и занимавший историка XVI–XVII вв. Мы видим, насколько усложнились проблемы, но в то же время расширился кругозор и увеличились возможности тех, кто пытался осмыслить происходящее.

Новые формы исторических сочинений и летописи XVII в. В XVII в. характер государственного летописания видоизменяется, и оно по преимуществу становится частным делом отдельных авторов. В некоторой степени летописание сохранилось в Новгороде, Пскове, по монастырям, отдельным церквям, в архиепископиях.

Летопись в Москве уже не удовлетворяла запросов жизни. Потребность в исторических справках, особенно у дипломатов, а также у патриархии, в архивах, отдельных приказах диктовала новые формы исторических произведений. Создаются обзоры русской истории воспитательного и ученого характера. Никоновский свод был уникальным, но очень громоздким произведением и неудобным для пользования. В XVII

в. утверждаются исторические повести, хронографы и степенные книги, создаются сложные компиляции («Латухинская степенная книга», «Новый летописец»).

События Смуты вызвали подъем исторической мысли и появилось громадное количество исторических произведений, повестей. В них сохранился летописный способ изложения. Дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике» дал своего рода методическое обоснование этого: «предняя последи писать, последняя же наперед, ниже подробну». Самая ранняя из исторических повестей о Смуте – повесть 1606 г. в составе «Иного сказания» полностью сохранила летописную точность и хронологическую последовательность изложения. Летописи – общенародная память об исторических событиях – органически вошли в состав повестей XVII в. («Извет старца Варлаама», «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича», повесть «О рождении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», «Сказание Авраамия Палицына», «История о первом Иове, патриархе московском» и многие другие).

Во второй четверти XVII в. интерес к летописанию вновь возрастает. Многие из произведений исторического характера дополняются заметками летописного характера. Возникают такие произведения, как, например, «Новый Летописец», своего рода рассказ, составленный за один прием.

Утратив свой официальный характер, летописание сохраняется по областям, монастырям и все больше переходит в частные руки. Местная летописная литература даже перестав быть официальными, областные летописи возвращаются к старым, традиционным формам и в то же время в них проникает простой разговорный язык, фольклор, рассказы очевидцев. Новгородские и Псковские летописи этого времени стоят на стороне мелкого люда против «властителей». Среди прочих особенно выделяются Уваровская, Забелинская и Погодинская летописи. Развитие городского летописания сопровождалось появлением новых летописных скрипториев (мастерских) как в Москве, так и в Астрахани, Архангельске, Устюге Великом, Вологде, Холмогорах, Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде, Тамбове. Летописанием занимались дворяне, монахи, приказные подьячие и церковные дьячки, горожане, стрельцы, казаки и даже крестьяне.

Исследования последних десятилетий позволили опровергнуть мнение об «угасании» русского летописания к концу XVI столетия. В трудах академиков М.Н. Тихомирова и Л.В. Черепнина, крупных ученых А.Н. Насонова, А.А. Зимины, В.И. Корецкого, В.И. Буганова, С.Н. Азбелева, К.Н. Сербиной, А.П. Богданова и многих других убедительно доказывается, что летописная деятельность в конце XVI и XVII вв. значительно расширяется, в последней четверти XVII в. происходит эволюция русского летописания, продолжающаяся и в XVIII в.

Летописные центры официального характера объединяли творческие силы окружения российских патриархов и служащих Печатного двора. Помимо свода 1652 г., исторических компиляций и сводов 70–90-х гг. XVII в., здесь были созданы оригинальные летописи, посвященные древним и современным событиям – Мазуринский летописец, Летописец 1686 г.

Посольский приказу В XVII столетии расширился не только круг авторов, но и круг учреждения, занимавшихся рукописным делом. Помимо монастырей, одним из таких учреждений, в стенах которого составлялись исторические книги, был Посольский приказ. В разное время его возглавляли Иван Грамотин, Петр Третьяков, Алмаз Иванов, Афанасий Ордин-Нащокин, Артамон Матвеев, Василий Голицын, Емельян Украинцев. Это о них подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин писал в XVII в.: «...хотя породю бывает меньше, но по приказу и по делам выше всех». Посольский приказ был не только учреждением, осуществлявшим внешнюю политику Российского государства. Постепенно он превратился в культурный центр страны. В нем работала большая группа переводчиков, толмачей, сюда стекались многочисленные сведения о событиях за рубежом. Здесь находился архив и большая библиотека с печатными и рукописными книгами, географическими картами, хранилось немало различных художественных

произведений иностранных живописцев и золотописцев. В стенах приказа зародилась мысль о необходимости составления трудов по истории страны, которые отражали бы величие России и утверждали ее международный авторитет. Во второй половине XVII в. здесь составлялись исторические и переводились иностранные сочинения, содержавшие сведения по русской истории, внешним связям, а также книги об избрании на царство и родословные московских государей. Особую известность получил «Титулярник».

С 20-х гг. XVII в. при Посольском приказе регулярно переводились и распространялись так называемые летучие листки (или вестовые письма) – донесения о важных международных делах. На их основе появилась первая газета для царя и Боярской думы – «Куранты». В ней содержались сведения о военных и политических событиях в других странах, о международных переговорах, рассказывалось о необычных происшествиях (пожары, стихийные бедствия), помещались различного рода притчи. Материалы для газеты поставляли приезжавшие из-за границы русские и иноземные дипломаты, купцы, монахи-паломники и др. Глава Посольского приказа А. Ордин-Нащокин впервые в России наладил почтовое сообщение.

Наиболее примечательный след в составлении книг по истории оставил Артамон Сергеевич Матвеев. Начальник Посольского приказа, талантливый дипломат, книжник, писатель, историк, основатель русского придворного театра, человек бурной и драматической судьбы. А. Матвеев отличался приверженностью к европейским обычаям, как дипломат был в Литве и Польше, активно выступал за сближение со Швецией, выступал за присоединение Украины к России. В 1672 г. Матвеев добился соглашения с польскими послами, по которому Киев окончательно оставался в составе Русского государства. Он участвовал в следствии по делу патриарха Никона (1667 г.), подавлении Московского восстания (1662 г.) и разгроме разинского бунта (1667–1671 гг.).

А. Матвеев, став во главе Посольского приказа, развернул невероятно активную деятельность по составлению трудов по истории России. По его инициативе был создан коллектив, в котором Матвеев выступал как организатор, составитель и редактор. Самым знаменитым произведением книгописной мастерской Посольского приказа этого времени стал «Титулярник». В этой книге впервые воспроизведена иконография московских государей и патриархов с конца XVI в., а также портреты и титулы тех монархов Европы и Востока, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения. Текст написали дипломат и писатель, выходец из Молдавии Николай Гаврилович Милеску-Спафарий и подъячий Посольского приказа Петр Долгово. В создании миниатюр «Титулярника», имевших портретное сходство, принимали участие ученики С. Ушакова (И. Максимов, Д. Львов, Г. Благошин). В «Титулярнике» были воспроизведены государственный герб России, отдельных княжеств, а также гербы западных и восточных государств. Тематика и идейное содержание «Титулярника» направлено на доказательность законности и преемственности династии Романовых от Рюриковичей, ее богоизбранность, темы – церковная власть в России, патриархи и патриаршество, посольские дела.

Богатый архив Посольского приказа стал источниковой основой для описания отношений России с государствами Запада и Востока. Особое внимание составители обратили на Крымское и Ногайское ханства, их состояние и политику ханов в отношении России. В целом дипломатическая история России прослеживается, начиная от правления последнего Рюриковича Федора Ивановича и до Михаила Федоровича Романова, минуя царствование Бориса Годунова и Смуту. Тем самым еще раз подчеркивалась связь царствующего дома с предшествующей династией, растущее всемирно-историческое значение России. «Титулярник» – это не только справочно-информативное издание, но к тому же и первая книга по истории внешней политики России.

Какие же источники использовали авторы «Титулярника»? Для второй половины XVII в. набор был достаточно традиционным: «Степенная книга», «Тверденная грамота 1613 г. об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», «Новый

летописец», «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета», акты земских соборов, сказания и повести о Смутном времени и князьях Владимирских, статейные списки (отчеты) русских послов и различные летописцы. После гибели Матвеева в 1682 г. текст «Титулярника» пытались продолжить, с ним знакомили наследников престола, на него ссылались, копировали и издавали в XVIII в.

Под руководством Матвеева была составлена еще одна книга – «История о невинном заточении ближнего боярина А.С. Матвеева». Цель ее – обосновать законность династии Романовых и связать ее с предшествующим царствованием Ивана IV. В книге отрицательно оценивались правление Бориса Годунова, В. Шуйского и правительства «семибоярщины». Особое внимание уделялось борьбе с польской интервенцией, венчанию на царство Михаила Федоровича, возвращению из «плена» Филарета Романова. Источниками труда послужили две редакции «Книги об избрании и венчании на царство Михаила Федоровича», ее первоисточник «Утвержденная грамота об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова», другие грамоты и акты.

Сочинения о разинском восстании. Следующим циклом памятников исторической мысли конца XVII в. стали повести, написанные после окончания крестьянского восстания под предводительством Ст. Разина (1667–1671 гг.). Всего известно четыре повести: «Астраханское сказание Петра Золотарева», «Известие о бунте и злодействах донского казака Стеньки Разина», «Сказание о явлении и чудесах пресвятыя владычцы нашей, нарицаемая Тихвинская, об избавлении града Цивильска от нахождения казаков Стеньки Разина с товарищи» и «Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшего от воров и изменников воровских казаков». К ним примыкают обнаруженные недавно «Чудеса Боголепа Черноярского», а также новые списки рассказа о восстании С. Разина в «Гистории о царе и великом князе Михаиле Федоровиче и наследниках его (1613–1700)» в летописном своде 1652 г. Наиболее примечательно произведение служилого человека, сына боярского Петра Алексеева Золотарева. Краткий вариант золотаревского «Астраханского сказания...» был составлен через год после гибели митрополита Иосифа, казни С. Разина и его сподвижников.

Повествование носит форму распросных речей соборных попов Кирилла Елисеева и Петра Иванова. Однако в стране оставалась достаточно тревожная обстановка, волновались казаки, продолжалось восстание в Соловецком монастыре, волнения на Дону и в Поволжье. Чтобы воздействовать на народ, Золотареву было предложено составить пространный вариант «Сказания...» в «память предыдущим родам» и в напоминание о мучениках, «которые за православную веру и российского самодержца пострадали от воров и изменников». Среди источников «Сказания...»: дневниковые записи самого Золотарева, материалы приказной палаты, архиерейского дома, житийная литература и устные свидетельства очевидцев.

Отличительная сторона «Сказания...» заключается в том, что это уже не летопись. В содержании мы видим смешение различных стилей, «чудеса» и «знамения» перемеживаются с реальным, последовательным изображением астраханских событий и военных действий обеих сторон. Автор подробно описывает грабежи, расправы над служилыми людьми, сражения, перечисляет множество имен. Следует также отметить еще одно новое явление – сам Золотарев – лицо светское, поэтому и произведение его отличается попыткой выявить не только реальные связи в описываемых событиях, но и дать им свое толкование.

Другие вышеупомянутые повести и сказания, хотя и написаны с позиций провиденциализма, тем не менее их авторы также обращают внимание на реальные причины исторических событий, конкретные действия людей, логику их поведения и жизненные обстоятельства. В результате можно утверждать, что к концу XVII в. исторические труды становятся более целенаправленными и социально злободневными.

«Синописис». Во второй половине XVII в. центром науки и просвещения Восточной Европы стала Киево-Могилянская Академия. Это учебное заведение славилось своими демократическими и вольнолюбивыми традициями. Бесплатное обучение, выборность ректора, профессоров и всесословность учащихся способствовали ее популярности в международных масштабах. Из стен Академии вышли такие знаменитые проповедники, как И. Борецкий, Л. Баранович, И. Гизель. Здесь была написана первая и самая популярная в конце XVII-XVIII вв. учебная книга по русской истории «Синописис» (дословно - общий взгляд, краткий обзор, в данном случае «Обозрение Российской истории»). Автор излагает русскую историю на 200 маленьких страницах печатного текста в легкой литературной форме, что обеспечило произведению популярность у читателя XVII в. С 1672 по 1836 г. вышло 30 изданий «Синописиса». Читателями были государственные деятели, дипломаты, ученые, крестьяне и особенно мещане. По «Синописису» изучал русскую историю М.В. Ломоносов.

Традиционно авторство приписывается архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю. Но в средневековой Руси сокращенное творчество было имперсонально, анонимно, творили «по благословию и во славу Божью», поэтому авторы большинства произведений того времени нам неизвестны. По мнению исследователей «Синописиса», (А.С. Лаппо-Данилевского, И.А. Шляпкина, И. Максимовича и др.), И. Гизель был скорее цензором, редактором и публикатором изданий в типографии Киево-Печерской лавры.

Протестант, крестившийся в православие и принявший в Киеве постриг, крупный политический деятель И. Гизель был духовным писателем философско-схоластического направления, читал курс философии, написал труды: «Мир человека с Богом», «О истинной вере» и др. Иннокентий Гизель был представителем украинской церковно-феодальной верхушки, что не могло не повлиять на его отношение к событиям прошлого, на трактовку отношения украинской истории к московской. В «Синописисе» он обошел все те вопросы, которые неизбежно вели к вскрытию противоречий в украинской и московской позициях. Накануне заключения «Вечного мира» (1686 г.) он сформулировал идею об общности славянских народов, на примере Киева показал переплетение их исторических судеб, подчеркнул предопределенность воссоединения и призвал к совместным действиям России и других славянских стран в борьбе с османскими завоевателями. Он специально ввел в содержание описание Чигиринских походов, чтобы показать, как можно реализовать идею общности и предотвратить дальнейшие захваты турками славянских территорий.

Отдельного упоминания заслуживает отношение автора к историческим источникам. В основе методики работы И. Гизеля лежала компилятивность. В самой заглавии указано: «Синописис, или Краткое собрание из разных летописцев». Историки считают «Синописис» сокращением «Хроники» Феодосия Сафоновича, компиляцией из «Хроники» М. Стрыйковского, автор ссылается на труд «Преподобного Нестора» - создателя «Повести временных лет», в содержание полностью вошла третья редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и значительная часть Густынской летописи, привлечены данные античных и средневековых авторов: Меховского, Длугуша, Вельского, Ботера, Кромера, Гваньини, использованы греческие хронографы, немецкие летописцы и церковная всемирная история Барония и др. На полях издания автор систематически дает указания на источники сообщений об излагаемых фактах и событиях. В ряде случаев в «Синописисе» отмечены противоречия и разноречия в использованных источниках, беллетризируются описания военных баталий. Отсюда был уже один шаг к следующему этапу в отечественной историографии – к сопоставлению и проверке источников.

Зарождение критики источников. Расширение круга источников и их изучение привело к тому, что в последней четверти XVII в. получает распространение критика источника. Начало этому новому явлению было положено в церковной среде, а побудительным фактором стало исправление церковных книг и раскол церкви.

Исключительным образцом такой критики стало определение Собора 1673 г. о мощах Анны Кашинской, После открытия мощей в 1650г. в Кашине, которое происходило в присутствии самого царя Алексея Михайловича, духовенство объявило ее святой. Однако вскоре произошло изменение церковно-политической обстановки. На иконографии святой оказалось двуперстное сложение, осужденное соборным постановлением против раскола. Патриарх направил в г. Кашин следственную комиссию, а за этим последовало соборное определение 1673 г. Комиссия дала образец совершенно четкого применения критики текста.

Был составлен акт из 13 пунктов. В первых восьми были установлены расхождения жития с Троицкой летописью; затем в пяти пунктах было проведено сличение свидетельств жития с актом Непосредственного «досмотра» мощей. Из двойного ряда противоречий был сделан вывод о подложности жития и самих мощей, В данном случае мы видим, как практические цели побуждали к следующему этапу развития исторического самопознания. Историки, достигшие нового Уровня исторического понимания, не могли уже довольствоваться летописями, хронографами, «Степенной книгой» или историей дьяка Грибоедова.

В XVI вв. летопись является выразителем строго официальной точки зрения, но утрачивает значение государственного документа. Государственный архив и архив Посольского приказа становятся конкурентом летописи. Последняя превращается в чисто литературное произведение и приобретает воспитательный характер. Приказное делопроизводство и повествовательная литература вытесняют летопись, как таковую, выделяя из нее новое историческое повествование типа «Степенной книги», исторических повестей и сказаний. В то же время летопись становится сводом, описью исторического материала. Она уже не могла удовлетворить усложнившихся политических потребностей. Непосредственно документ и историческая беллетристика заменяют официальное летописание. Сказание о Смуте, «Новый летописец», «Летопись о многих мятежах» уже по существу летописями не являются. Благодаря Смуте усиливается летописание па местах (Новгород, Псков), но это неофициальные летописи. В них в большей степени оказывается частная инициатива и демократические тенденции, а также стихия фольклора. На протяжении семи веков существования летопись постоянно была связана с жизнью, отражала все общественно-политические сдвиги. В этом причина ее живучести и огромного влияния. на русскую действительность.

В XVII в. появляется немало новых форм исторического повествования. Помимо новых летописных сводов, летописей и летописцев тиражируются сотнями списков «Русский хронограф» и «Степенная книга». Люди самого разного происхождения и социального положения делают свои повременные записи летописного характера, вносят дополнения, исправления и продолжения в исторические тексты. Можно сказать, что в это время зарождается мемуарная литература. В конце XVII в. получили развитие исторические и автобиографические повести, посвященные отдельным событиям и лицам, такие, как «Житие» протопопа Аввакума Петрова, «История о вере» Саввы Романова, «История о невинном заточении... боярина Артамона Сергеевича Матвеева» и др.

Самыми крупными произведениями, в которых тщательно продуманный замысел сочетался с внимательным отбором источников и сопоставлением сведений, стали «Созерцание краткое» – и «Известие истинное» Сильвестра Медведева, «История...» Федора Грибоедова, три редакции Латухинской «Степенной книги» Тихона Макарьевского, «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова и «Скифская история» А.И. Лызлова. Эти и ряд подобных произведений знаменовали начало нового этапа в развитии русской историографии, связанного с переходом от накопления к ученому осмыслению исторических знаний. Последние противоречат распространенному мнению о возникновении научного подхода к истории в России только во второй четверти XVIII в. во времена В.Н. Татищева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. / М.А. Барг. - М., 1984.
2. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
3. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 2. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
4. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2
5. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4
6. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 4

Становление исторической науки в России XVIII в.

Петровские реформы оказали значительное воздействие на всю культурную жизнь России, и в том числе на историографию. Правда, в средних учебных заведениях, созданных при Петре Великом, история как особый предмет не преподавалась. Как отметил С. Л. Пештич, такого рода предмета не было в программах цифирных школ и Школы навигацких наук, и только в частной школе Феофана Прокоповича было предусмотрено преподавание истории. Появление военных и гражданских светских учебных заведений, введение более легкого для восприятия гражданского алфавита и печатание светских книг, появление газеты и другие меры культурного характера способствовали последующим успехам в деле создания и распространения исторической литературы. Первым историко-публицистическим произведением, напечатанным гражданским алфавитом, было «Рассуждение о причинах свейской войны» П. П. Шафирова, выдержавшее за шесть лет три издания тиражом в 20 тыс. экземпляров.

Особо должно быть отмечено развитие светского образования, освобождение научных знаний и всей культуры от преобладающего влияния церкви и религии. Без такой секуляризации науки и культуры в России невозможно было создание в послепетровское время новой, нетеологической дворянско-абсолютистской концепции русской истории и развитие исторической критики религиозных мифов и легенд о чудесах, невозможно было утверждение построений, в которых события совершались без вмешательства божественных сил.

Соответствующее поручение было дано справщику московской типографии Ф. Поликарпову. Петр не забывал о своем поручении, знакомился с опытами Поликарпова, но остался не вполне доволен ими, хотя и наградил автора двумястами рублями. «История» Поликарпова никогда не была напечатана. Больше в этом отношении повезло «Ядру Российской истории», написанному А. И. Манкиевым во время его пребывания в шведском плену в период Северной войны. «Ядро» было напечатано в 1770 г. Но поскольку к моменту издания оно уже безнадежно устарело, да и в момент написания не отличалось новизной трактовок, нет надобности на нем особо останавливаться.

Новые черты исторического познания, о которых шла речь в прошлой лекции, в петровское время ярко проявились в тех опубликованных произведениях, которые были посвящены новейшей истории, прежде всего Северной войне и в меньшей степени реформам. Историей войны и реформ заняты были виднейшие военные и политические соратники Петра. В составлении «Гистории Свейской войны», которая в рукописных редакциях начала XVIII в. называлась «Журнал или поденная записка Петра Великого», принимали участие Шафиры и Прокопович под главенством царя. Он же выступал и в качестве автора представляющих наибольший интерес абзацев.

Исходя из новых светских представлений о справедливости или несправедливости войн Шафиры старался опровергнуть распространявшиеся шведские утверждения, «будто его величество [царь Петр] оную войну без правильных и законных причин начал». Шафиров доказывал, что Петр «не токмо должен, но и необходимо принужден был начать сию войну против короны шведской», которая была враждебна России. Шафиров писал, что русский государь проявлял в ходе войны умеренность и склонность к примирению, нежели к войне, тогда как политика шведов была обратной. Шафиров не был беспристрастен в суждениях и поэтому старался как можно основательнее документировать свой труд. Для него специально подбирались интересные данные из дипломатических русско-шведских документов и договоров XVI–XVII вв.

«Гистория Свейской войны» написана в духе лучших традиций военной историографии эпохи древнего мира и периода Возрождения. В ней сообщается о замыслах командования и приводятся данные о силах сторон, об обстановке, в которой осуществлялись эти замыслы. Ход боев излагается с точностью и скрупулезностью. Для

истории боевых действий русской армии в Северной войне «Гистория» является незаменимым источником, причем множество драгоценных деталей и оценок внесено рукой Петра I как, например, с характеристикой значения битвы под Лесной 1708 г. Подробно описав ход Полтавского сражения, авторы заключают, что «с легким трудом и малою кровию» достигнута «совершенная виктория (которой подобной мало слыхано)». До «Гистории» в русской исторической литературе так внимательно не был проанализирован ход военных действий.

В соответствии с расширившейся при Петре регламентарной деятельностью государства в «Гистории Свейской войны» и в исторических записках видного петровского дипломата Б.И. Куракина находим данные о разнообразных законах и постановлениях петровского правительства. Так, Б.И. Куракин сообщает об указах носить «новоманерное» платье, заведении школы математической, секуляризации монастырских доходов, начале строительства вышневолоцкой водной системы, введении налогов с бань, ульев, мостов и перевозов и о многом другом, что входило в сферу законодательной деятельности петровского правительства.

В первой четверти XVIII в. в России предпринимались шаги к расширению источниковедческой базы исторических работ. Помимо включения в «Гисторию Свейской войны», в книгу Шафирова и в записки Куракина копии и подлинных документов заслуживают внимания и специальные указы Петра Великого об отыскании, копировании и сохранении исторических источников. В 1720 г. он предписал губернаторам и вице-губернаторам собирать жалованные грамоты, письма, исторические рукописные и печатные книги для переписки и пересылки на хранение в Сенат, а в последствие и в Синод.

В петровское время были начаты исторические исследования выдающегося русского историка, географа и этнографа XVIII в. В.Н. Татищева (1686–1750 гг.), который был активным участником реформаторской деятельности правительства, выступавшим на военном, дипломатическом и административном поприщах. Аристократ по происхождению, он стал участником петровских войн и походов.

В конце петровского царствования Татищев был послан в Швецию знакомиться с горным и монетным делом и мануфактурами, а заодно с тайной миссией передавать настроения, разговоры и помыслы шведов. Татищеву было также поручено «наведаться тамо о людех ученых и призвать в профессоры» в организуемую Российскую Академию наук.

Татищев, как и другие дворяне, выступил в 1730 г. сторонником некоторых конституционных ограничений самодержавия. Однако они решительно предпочитали самодержавие олигархии. Да и самые умеренные конституционные прожекты очень непрочны обосновывались в их сознании. Во всяком случае, во второй половине 1730-х годов в трудах Татищева эти прожекты никак не проявлялись. Бироновский режим был глубоко антипатичен Татищеву и дворянам его круга. А с А. П. Волынским и с привлеченными по его делу «конфидентами» (сообщниками) у Василия Никитича были тесные связи. По свидетельству самого Татищева, Бирои «говорил, яко бы Татищев главный враг немцев». Обвиненный во взяточничестве, Татищев до 1734 г. находился под судом, затем его освободили от суда и вновь послали на Урал «для размножения заводов». За день до смерти к Татищеву приехал курьер с сообщением о снятии с него всех обвинений и с указом о награждении орденом Александра Невского, который он не принял, сославшись на то, что дни его сочтены.

Биография В.Н. Татищева мало походит на биографии ученых-теоретиков. Активная практическая деятельность должна была, конечно, оказать влияние и на ход научной работы, и на его научные воззрения. Как и другие деятели петровского времени, он стремился заимствовать полезное из-за рубежа, чем отличался от официальных историков-патриотов XVII в. Борьбу с западными порицателями русской истории,

утверждавшими, что Россия «историей древних не имела», В.Н. Татищев считал своей главной задачей.

«История Российская» В.Н. Татищева состоит из четырех частей:
первая посвящена древнейшей истории страны и доводится до 860 г.,
вторая – охватывает время от Рюрика до татарского нашествия,
третья – «от пришествия татар до 1480 г.
четвертая – от Ивана III Великого до 1613 г.

В первую часть «Истории» вошли сведения о скифах, сарматах и других народах, населявших Восточную Европу, и прежде всего о древнейших судьбах славян. При этом автора особенно интересовали проблемы этногенетических связей между народами.

Одновременно с переработкой и составлением второй редакции второй части «Истории» и с написанием первой ее части Татищев в 1740-е годы подготовил материалы и писал третью и четвертую части. Хотя работа и не была завершена (примечания не составлены, некоторые разделы еще носили фрагментарный характер), все же было создано цельное историческое произведение, начиная с древнейших времен и кончая бурными событиями начала XVII в.

Должно было пройти без малого двадцать лет, прежде чем в 1768 г. «Историю» начали печатать. А что касается последней, четвертой, части, то она вовсе затерялась и вышла из печати лишь после обнаружения ее М.П. Погодиным в 1840-е годы. Полное же научное издание «Истории Российской» было осуществлено по инициативе академика М. Н. Тихомирова в 1960-е годы.

Кроме «Истории Российской» перу В. Н. Татищева принадлежит ряд других трудов. К их числу относится «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ». Помимо обстоятельных доказательств важности, насущной необходимости распространения просвещения и «высоких философских» наук здесь развиваются философские воззрения самого автора и дается обоснование идей естественного права. Ряд соображений в пользу своей концепции русской истории Татищев выдвигает и в записке «о правлении государственном», отражающей споры дворян, собравшихся в 1730 г. в Москве. Отдельные мысли по истории рассыпаны и в экономических сочинениях. В настоящее время мы располагаем превосходным научным изданием всех этих сочинений.

Основываясь на теории естественного права и общественного договора, Татищев писал о «естестве», которое нас учит тому, что необъединенный в сообщество человек («единственный», как его именует Татищев) не способен создать себе спокойную жизнь и приобретать «пользу и удовольствие». Так обосновывается необходимость договоров о сообществе, начиная с простейшего договора мужа с женой, и на примере этого договора доказывается, что «никакое сообщество, малое или великое, без начальства и власти быть не может». Уже в семье властелином и главою становится мужчина, поскольку он «от естества» обладает большей способностью, т. е. большим проворством, искусством, силой или «можностью». Умножение детей привело к необходимости сообщества родового, тоже основанного на твердой власти и родовом «правительстве». Забота «родовладыки» о своих «чадах и приимышах», а также благодарность и верность последних лежат в основе родового сообщества. Подобные патриархальные отношения легли затем в основу монархического правления. Однако прежде чем возникла монархия и другие формы государства, по Татищеву, появились сообщества домовные или хозяйственные. Если первым сообществом была семья, вторым – род, включавший кроме разросшейся семьи и приемышей, то третья форма сообщества включала также слуг и холопов. Домовное сообщество основывалось на добровольном договоре будущих господ и будущих холопов. По мере размножения людей на земле некоторым, особенно старым, «з достаточным имением и смыслом», не хватало сил для работы и самообороны, у других же были здоровье, молодость и силы, но не было искусства и необходимого «наставления». Эти последние «согласились на таком договоре, что старейший имеет власть» ими повелевать и «на все полезное наставлять», а «младший» обязался все

«повеления» старшего «прилежно исполнять». Принявший в услужение становился господином, а «поддавшиеся служители» именовались холопами. Так идеи общественного договора используются у Татищева для объяснения и оправдания холопства.

В. Н. Татищев отделял вытекающее из договора холопство от насильственного порабощения и отличал холопство от рабства. Власть господина над холопами уподобляется власти родительской. Господин не причиняет вреда своим служителям (холопам, крепостным), а неприятель, насильственно захвативший раба, имеет власть поступать с ним по своей воле. Сообщества, в которых господствует такое насильственное порабощение, нельзя считать «порядочными». Поэтому раб или невольник имеют право «неволи своя свободиться, если только случай улучит». А поскольку холопство происходит из договора, холопы «не имеют власти своему господину возпротивиться». К крепостным крестьянам этот запрет относился в полной мере.

Позднее домовных сообществ возникли их объединения в городах и других селениях. У греков они именовались ПОНЯТИЯМИ или правлениями гражданскими. Причинами их появления являлись грабежи и убийства, вызванные возрастанием зависти, ненависти и злости в сердцах нечестивых. Но кроме насилий в числе причин появления государств Татищев называет развитие ремесел и торгового обмена, не позволявшее ограничиваться рамками домовных сообществ и требовавшие создания гражданского правления и начальства. Дело, видимо, началось с собраний хозяев домов «для всякого совета и суда». Имели место и общие сходы для обсуждения важных дел.

В трактовке проблемы возникновения государства Татищев стоял ближе к Гроцию, чем к Гоббсу. У последнего первобытное естественное состояние выступало лишенным какого-либо развития и изменения. Кроме того, оно характеризовалось отсутствием земледелия, промышленности и даже общества. Поэтому не понятно, почему потребность в государстве возникла не раньше, чем оно было создано. Гроций же связывал возникновение потребности в государстве с развитием земледелия, скотоводства и ремесла. Но земледелие, скотоводство и ремесло создают условия для возникновения государства лишь тем, что развивают изобретательность, хитрость и соревнование, которые, в свою очередь, приводят к увеличению числа насилий и зверской дикости. И именно для борьбы с насилием и дикостью люди создали государство.

Последующая разработка идеи общественного договора в XVII – начале XVIII вв. заключалась не только в ее приспособлении к теологическим концепциям и к дворянско-крепостническим интересам. Философы и историки замечали слабость построений Гроция и особенно Гоббса. В.Н. Татищев принадлежал к ученым, которые стали рассматривать образование государств не как одноактный и никак не связанный с изменчивыми условиями жизни переход от войны всех против всех к государству, а как длительный процесс. Татищеву как историку, изучавшему древнейшие судьбы своего и других народов, именно такой подход представлялся правильным. После первого шага по пути к образованию государств, заключавшегося в собраниях домохозяев для решения отдельных вопросов, а также общих собраний домовных сообществ был сделан следующий шаг. Он заключался в избрании «неколько способнейших к правлению» людей. Так возникало аристократическое правление, которое затем было заменено более совершенной формой государства – монархией. Эти представления об этапах складывания государства не означали отхода от теории общественного договора; начало каждого нового этапа сопровождалось новым общественным договором. Образование государства уже представлялось как результат не одного, а серии последовательных общественных договоров.

В. Н. Татищев принадлежал к числу поборников теории естественного права, которые старались примирить ее с теологическими, провиденциалистскими концепциями доброго старого времени. Естественный закон, по его словам, «во всем, паче же в главнейшем согласен с письменным, законом», т. е. со священным писанием. А в числе причин, без которых в человеческой истории ничто «приключиться не может», он различает причины

от бога и от человека. Но признавая теоретически возможность провиденциалистского объяснения событий, Татищев на практике не приводит в своей «Истории» никаких причин от бога. В какой-то мере признание теологического объяснения событий нужно было Василию Никитичу, чтобы избежать обвинений со стороны церкви. Ведь даже такой далекий от церковного мракобесия представитель духовенства, как Феофан Прокопович, выразил недовольство рационализмом Татищева, когда тот позволил себе сказать, что царь Соломон написал «Песнь песней», «распалась похотью к царице египетской».

Татищев должен был считаться с тем, что, минуя церковную цензуру, нелегко будет печатать свои сочинения, и тем не менее он высказывал неодобрительные отзывы о духовенстве: упадок просвещения после татарского нашествия был вызван ослаблением власти государей и увеличением значения духовных, а им «для приобретения больших доходов и власти полезнее явилось народ в темноте неведения и суеверия содержать». В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» церковь обвиняется в том, что такие «высокого ума и науки люди, как Ян Гус, Коперник, Галилей, Декарт и Пуфендорф, были невинно оклеветаны и преданы проклятию от пап». Признавая существование святой, или, «лучше сказать, божественной», а также церковной истории, Татищев отделял от них гражданскую, или светскую, историю, которой он занимался и в которой на деле не оставлял места для провиденциализма.

При этом у Татищева рассуждения не об истории, а об историях древних, новых и «настоящих времен». Эти многочисленные истории не связывались в единый последовательно идущий процесс. И все же представление о повторяющихся в силу неизменности естественной природы человека историях сочетается у Татищева с представлениями о развитии и изменчивости человеческого общества. Суть этого развития заключается в умственном росте человечества. Он насчитывает три великих «способа всемирного умопросвящения»: 1) от «обретения букв», иначе говоря, с появлением письменности, 2) в результате пришествия Христа и 3) «через обретение книг», т. е. книгопечатание. Усматривая в просвещении и совершенствовании человеческого разума сущность поступательного движения истории, Василий Никитич в своей классификации исторических наук наряду со священной, церковной и светской историями определяет в качестве самостоятельной отрасли историю «наук и ученых». Если мы вспомним о ранее названных этапах образования государств, мы должны будем признать, что идеи общественного развития не были ему чужды.

Татищев принимает аристотелеву классификацию государств и признает, что в городах-государствах и других ограниченных по размерам областях демократия способна сохранить спокойствие и может быть полезна. В более крупных, но от нападения «не весьма опасных» государствах (вроде окруженной морями Англии) аристократия «довольно способною быть может». В обширных же государствах с открытыми границами «нужно быть монархии». Монархия особенно необходима там, «где народ учением и разумом не просвящен» и потому должен содержаться в страхе. Обращаясь к опыту мировой истории, Татищев старается доказать, что как превращение демократии в аристократию, так и превращение республик в монархии способствовало росту могущества и славы государств. Падение же великих монархий оборачивалось для государств бедою. При этом падение монархий древнего мира связано было с «дерзновениями» подданных «власть монархов уменьшать».

Для России искони характерно было не просто монархическое правление, а правление «самовластных государей». Они обеспечивали спокойствие и безопасность еще в те далекие времена, когда славяне входили в состав народов, именуемых греками общим названием скифы. В течение многих столетий славяне «ненарушимо содержали» самовластных государей.

Схема русской истории, изложенная В. Н. Татищевым и развиваемая им в последующих томах «Истории» и в других произведениях, убеждала читателей, «сколько

монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчие умаляется и гаснет».

Татищевская концепция, подобно концепциям русских историков XVI–XVII вв., должна была служить идеологической опорой самодержавного строя. Однако система аргументов Татищева существенно отлична от аргументов официальных историков Московской Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.

2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.

3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. / М.А. Барг. – М., 1984.

2. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2

3. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 2. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2

4. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2

5. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4

6. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 5

Историография Российской истории середины XVIII в.

Вопрос о времени возникновения научного исторического знания в России до сих пор остается предметом полемики в отечественной историографии. Начало исторической науки связывается и с созданием Петербургской Академии наук, и с написанием первого обобщающего труда по русской истории В.Н. Татищевым, и с публикацией «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина.

Для полноценного функционирования исторической науки как определенной *системы получения и распространения знаний* необходимы не столько научные прозрения одиночек, сколько наличие определенной профессиональной исторической корпорации, ее включенность в научную и образовательную структуру общества, существование и взаимодействие школ и направлений, наличие массового потребителя производимых знаний.

Для XVII–XVIII вв. говорить о существовании такой системы еще рано. В этом смысле историческая наука как система начинает развиваться в России не ранее 20–30-х гг. XIX в. В то же время нельзя отрицать того, что многие исторические произведения, написанные в XVII–XVIII вв., носят принципиально иной характер, чем исторические сочинения средневековья. Отдельные тексты того времени соответствуют многим критериям научности. Поэтому кажется, наиболее рациональным рассматривать конец XVII–начало XIX в. как период становления исторической науки в России.

Петровские преобразования предъявили государственный спрос на новую историческую картину мира, в которой творцом выступал человек, руководимый теми или иными идеями. Они сформировали поколение людей, которые были рационалистами, прагматиками, стремящимися и в историческом прошлом России увидеть действие человеческих сил.

Просвещенческие идеи Т. Гоббса, Вольтера, Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо попали в России на подготовленную ходом исторического развития страны в первые десятилетия XVIII в. почву. Произведения первых отечественных национальных историков (В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, Н.М. Карамзин) убедительно свидетельствуют о вполне просвещенческой основе их мировоззрения,

Важной особенностью этапа становления исторической науки в России стало ее формирование в результате взаимодействия двух творческих сил. Первой из них стала Петербургская Академия наук, деятельность связанных с ней историков-профессионалов, правда иностранного происхождения. Второй творческой силой выступили отечественные историки-самоучки, наиболее талантливые из которых сумели создать первые обобщающие труды по русской истории, заложившие фундамент наших представлений об историческом прошлом России.

Между представителями этих творческих начал научной историографии в России периодически возникали дискуссии (норманская и антинорманская теории), но их взаимодействие оказалось крайне благотворным для быстрого становления исторической науки в стране. Соединение передовой на тот момент немецкой исторической школы, особенно сильной в приемах работы с источниками, с патриотическим энтузиазмом и увлеченностью национальных историков уже на рубеже XVIII–XIX вв. создало фундамент, на котором выросла и государственная школа, оказавшаяся высшим достижением отечественной историографии XIX в.

Среди иностранных ученых, приглашенных в разные годы для работы в Академию наук, наибольшую роль в становлении русской исторической науки сыграли Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер.

К числу их заслуг следует отнести следующие:

1. Привнесение и распространение в России уже господствовавшего в европейской исторической мысли рационалистического взгляда на историю, что значительно ускорило усвоение аналогичного взгляда отечественными авторами.

2. Применение самых передовых по тому времени приемов и методов работы с источниками, их научной критики, принципов построения научных исследований, образно говоря, обучение русских историков «азам профессионализма».

3. Организация целенаправленной работы по поиску, систематизации, научной обработке и публикации источников по русской истории, особенно по древнейшему периоду. Собственно говоря, их усилиями и началось введение в научный оборот ценнейших материалов летописного и актового характера, в том числе и Начальной русской летописи (более известна впоследствии как «Повесть временных лет»).

4. Проведение оригинальных исследований по частным сюжетам русской истории.

5. Распространение в Европе достоверных знаний о русской истории. А.Л. Шлецер по возвращении в Германию стал одним из создателей немецкой школы русистики.

Варяжская версия впоследствии была опровергнута в основном своем тезисе о решающей роли иноземного элемента в формировании древнерусской государственности. В выдвижении подобной точки зрения решающую роль (за исключением Г.З. Байера) играли не идеологические, а чисто научные причины. Это реальное состояние обнаруженных ими русских источников и господствовавшая в европейской исторической науке того времени так называемая теория завоевания.

При всей ошибочности варяжской версии сам факт ее выдвижения сыграл в конечном итоге позитивную роль в становлении отечественной исторической науки, став мощным стимулом для полемики, двинувшей вперед все историческое знание в стране.

Отечественные историки XVIII в. в отличие от своих иностранных коллег являлись в науке дилетантами. Как правило, исследовательская деятельность совмещалась у них с той или иной государственной службой, иногда весьма заметной. Обращение к истории проистекало, как правило, из начальных патриотических побуждений, стремления противопоставить искаженным представлениям о России, господствовавшим в Европе, знание истинное, основанное не на легендах, а на точно установленных фактах.

Обратной стороной дилетантизма стали ошибки в работе с источниками, неверная трактовка тех или иных сюжетов. Если иметь в виду таких историков, как В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, то правильнее будет говорить об их «блистательном дилетантизме», умении самостоятельно, не обладая надлежащей выучкой и школой, создавать, тем не менее, произведения, не уступающие работам профессионалов.

По праву первое место среди этих историков отводится В.Н. Татищеву. Его «История Российская» явилась первым нелетописным систематизированным изложением русской истории с древности почти до конца XVI в.; изложение проведено с последовательно рационалистических позиций, основано на уникальных источниках, часть которых была впоследствии утрачена; содержит первую целостную концепцию русской истории, традиционно называемую «монархической».

С монархических позиций рассматривали русскую историю практически все авторы XVIII–XIX вв., которые сходились в том, что монархия выступает главной движущей и организующей силой русского исторического процесса (М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, Н.М. Карамзин). Но само понимание монархии у разных авторов далеко не совпадало.

Русскими историками XVIII в. монархия понималась:

- как наиболее рациональный способ организации общества, обеспечивающий в максимально возможной степени интересы всего общества как целостности;
- как определенный морально-этический принцип, обеспечивающий соответствие между способом управления и нормами православно-христианской этики.

Применительно к В.Н. Татищеву можно говорить о преимущественно первом понимании монархии. Здесь сказалась его принадлежность к кругу петровских администраторов, разделявших предельно рационалистический взгляд Петра I на

монархию как образцово организованное полицейское (т.е. надзирающее за жителями) государство. В.Н. Татищев считал необходимым нарастание организованности, управляемости обществом со стороны верховной власти в лице князя, великого князя, царя, наконец, императора. Не менее важно в представлении В.Н. Татищева то, что повышению уровня управляемости общества, повышению качества монархического института в России прямо способствовали успехи просвещения в России, распространение знаний и образования.

Закономерно и то, что монархизм В.Н. Татищева носил ярко выраженный дворянский характер. Именно в служивом дворянстве он видел не просто самую верную опору монархического трона, но и инструмент упорядочивания общества и системы власти в целом.

Поэтому общий подход В.Н. Татищева к русской истории можно было бы охарактеризовать как рационально-монархический, имея в виду тождественность для него понятий «монархия» и «рационально организованное общество».

Князю М.М. Щербатову принадлежит вторая после В.Н. Татищева попытка дать целостное хронологическое описание русской истории. Наряду с летописями он первым широко использовал разнообразный актовый материал. М.М. Щербатов впервые использовал периодизацию русской истории по правлениям князей и царей – это деление оказалось заразительным даже для историков середины следующего века.

Главным достоинством этого труда является иная трактовка монархического принципа и в соответствии с этим иная, зачастую диаметрально противоположная по отношению к татищевской «Истории», оценка событий и персонажей отечественной истории. На исторические взгляды М.М. Щербатова решающее влияние оказала его общемировоззренческая позиция. В ее основании лежало убеждение в ключевой роли в историческом процессе морально-этических принципов, воплощенных не только в монархии как институте и в царе как личности, но и в потомственной, родовитой аристократии как хранительнице и носительнице этих высших этических ценностей и высшего, подлинного знания.

Морально-аристократический монархизм стал для М.М. Щербатова основой его «Истории Российской». Подобный подход закономерно приводил к рассмотрению допетровской, традиционно-сословной Руси с игравшей значительную роль в управлении Боярской Думой как своего рода высшей точки развития российской государственности. М.М. Щербатов дал критическую оценку деятельности Петра Первого и его наследников, предпочитавших видеть в роли главной опоры трона служивое, зачастую совсем не родовитое и малокультурное дворянство.

Определенная архаичность такой позиции, ее несозвучность екатерининской эпохе, в которую создавался и публиковался труд М.М. Щербатова, привели к непопулярности и сравнительной малоизвестности этого сочинения среди современников. Способствовали этому и намеренно усложненные, далекие от бытового языка екатерининского времени стиль и язык сочинения М.М. Щербатова. Тем не менее, историки последующих десятилетий охотно пользовались этим трудом, черпая из него не только фактический материал, которым он был обильно наполнен, но и отдельные оригинальные оценки и суждения.

И.Н. Болтин, третий виднейший отечественный историк XVIII в., в отличие от своих коллег не оставил после себя каких-либо монументальных обобщающих трудов или отдельных статей исследовательского характера. Его произведения были исполнены в виде развернутой аргументированной критики чужих исторических сочинений, поэтому сегодня нет развернутого систематизированного изложения собственных исторических воззрений И.Н. Болтина. Однако разбросанные по страницам его критических трудов соображения, замечания, сопоставления, фрагменты собственных изысканий оказались во многих случаях настолько оригинальны и ценны, что позволили такому авторитету, как К. Н. Бестужев-Рюмин, особо выделить И.Н. Болтина среди авторов XVIII – начала XIX в.

Общий взгляд И.Н. Болтина на русскую историю весьма близок позиции В.Н. Татищева и резко противостоит его основному отечественному оппоненту М.М. Щербатову. Рациональный *монархизм* И.Н. Болтина отличается лишь усиленной полемичностью, поиском все новых и новых аргументов, доказывающих позитивную роль дворянского сословия в централизации страны и, напротив, негативную роль в этом удельной княжеской и боярской аристократии.

Наиболее ценным в творческом наследии И.Н. Болтина оказались те его оригинальные подходы и соображения, которые впоследствии развивались в отечественной историографии XIX в.:

1. Широкое применение сравнительно-исторического подхода, позволившего сделать вывод о значительной идентичности исторического развития России и большинства западноевропейских стран. Исходя из этого, И.Н. Болтин высказал предположение о существовании в России этапа феодализма, аналогичного французскому.

2. Указание на исключительную роль в российской истории географического фактора как с точки зрения неблагоприятных климатических условий, так и постоянной внешней опасности.

3. Подчеркивание роли колонизации в русской истории, которая носила характер не завоевания, а мирной ассимиляции.

Историография М.В. Ломоносова. Больше значение для развития отечественной историографии оказала деятельность М.В. Ломоносова, результатом деятельности которого стало формирование основ национального самосознания. На развитие исторических взглядов М.В. Ломоносова оказали влияние труды и деятельность В. Татищева. В посвящении первой части «Истории Российской» Ломоносов пишет о том, что занятие историей является патриотическим делом, мотивом которой является «искренняя любовь и горячие усердие к отечеству». В основе историографии у Ломоносова, как и у Татищева, заложен принцип изучения деятельности монархов, которая тесно переплетается с жизнью народов и которым народ обязан своей славой.

Для Ломоносова характерно стремление понять прошлое своего народа в рамках всемирно-исторического процесса, представляющего собой последовательную смену ряда народов, проходящих циклы своего развития от расцвета до заката. «Начинаются народы, когда другие рассыпаются; одного разрушение даст происхождение другому».

Изучение истории Ломоносова убеждает в том, что дела «смертных», преходящие «труды» отдельных лиц сообщают бессмертие народу. Всемирно-исторический процесс, по его мнению, свидетельствует о прогрессивном движении человечества, во время которого оставляют свой след в прошлом люди разных поколений и народы разных времен. И историческая наука должна по этим следам воссоздать путь развития от прошлого к настоящему. История – это движение, она не знает ограниченных рамок времени и пространства, она дает беспредельные возможности дальнейшего роста.

Ученый поднимает вопрос о том, как из действий людей ряда поколений слагается история человечества. Если люди разных времен выступают раздельно, то история объединяет их деяния в общем всемирно-историческом процессе. Эта трактовка представляет значительный шаг по сравнению с развитым Татищевым пониманием истории как науки, изучающей цепь человеческих «деяний» и «приключений», к мысли об их преемственности и непрерывности. Ломоносов выдвигает задачу выяснения общих начал и черт своеобразия в развитии отдельных народов. При этом он исходит из идеи повторяемости явлений у народов, одновременно выступающих на всемирно-исторической арене. Ломоносов сравнивает политическую историю России с историей Древнего Рима. Если римская история началась с единовластия «королей», то история России – с единовластия князей. Период, когда в Риме установилась республика, напоминает Ломоносову время феодальной раздробленности на Руси. Наконец, Римская империя, на его взгляд, аналогична по своему характеру «самодержавству государей московских». Таковы черты сходства истории русской и римской.

Ломоносов не только сопоставляет, но и противопоставляет историческое развитие России и античного Рима. Это противопоставление производится с целью доказать, что абсолютизм содействовал росту могущества России. Таким образом, «в единоначальном владении залог... блаженства» России. И в данном случае, выявляя параллели в истории отдельных народов и указывая особенности их исторической жизни, Ломоносов, выступая с позиций просвещенного абсолютизма, ушел значительно вперед от схемы Татищева с его выделением в развитии народов четырех «станов», подобных возрастам отдельных людей.

Сама идея «бессмертия» народа получила яркое звучание лишь в трудах Ломоносова с их демократической направленностью. Как и Татищев, Ломоносов поднимает вопрос о пользе истории. Он видит ее в правдивости изображения прошлого, которая является условием морального воздействия (силой примера) на людей. Представление о значении славных подвигов исторических деятелей прошлого как примера для последующих поколений свидетельствует о большом патриотизме Ломоносова. В то же время на исторических фактах он обосновывает роль просвещенного абсолютизма в развитии человечества. История «дает государям примеры правления, подданным – повиновения, воинам – мужества, судиям – правосудия, младым – старых разум, престарелым – сугубую твердость в советах, каждому незлобливое увеселение, с несказанною пользою соединенное». Здесь ученый в свете рационалистического мировоззрения рисует и сущность государства, и характер исторического процесса, подчеркивая также моменты, помогающие их пониманию, как «разум», «польза», «правосудие», «твердость», «мужество» и т.д.

По Ломоносову, «Древняя Российская история» делится на две части: 1) «О России прежде Рюрика»; 2) «От начала княжения Рюрика до кончины Ярослава первого». Первый вопрос, который ставит Ломоносов, – это вопрос о древнем населении России и происхождении русского народа. Автор указывает, что по летописным данным «старобытными» жителями России являются славяне и чудь. В этом нет ничего унижительного для русских, так как «ни в едином языке утвердить невозможно, чтобы он сначала стоял сам собою без всякого применения». И далее Ломоносов выдвигает интересную мысль о том, что народы как этнические категории формируются в процессе «переселений» и «странствований», «в таком между собою сплетении», что часто нельзя сказать, какому народу отдать преимущество в смысле древности. Словом, не бывает «чистых» народов.

Затем исследователь подробно рассматривает данные древних и средневековых писателей (Плиния, Тацита, Птолея, Прокопия Кесарийского, Иорнанда и др.) о славянах и их роли во всемирной истории. Он стремится доказать древность «словенского племени». Автор отмечает, что славяне, «ненавидя римского ига и любя свою вольность», сыграли свою роль в падении Римской империи. В этих утверждениях, подкрепляемых ссылками на источники, было много верного, несмотря на ряд наивных суждений, вроде того, что венеды переселились из Трои. Ломоносов проявил и известный критицизм в отношении легендарного материала, подвергнув, например, сомнению наличие грамоты Александра Македонского «славянскому народу», отметив вымышленный характер имен славянских князей Славена и Руса.

Специальные главы «Древней Российской истории» посвящены чудь и варягам. В данном случае высказывается (вслед за Байером) неверное соображение о том, что чудь (финны, ливы, эсты) – это скифы. Варягами, по мнению Ломоносова, именовались вообще северные народы. Варягов-россов Ломоносов отождествляет с пруссами, говорившими на языке, близком к литовскому, который являлся «отраслью» языка славянского. Говоря о быте восточных славян до вокняжения Рюрика, Ломоносов указывает, что они жили семьями «рассеянно», редко имели «общих государей» и города. Киевские славяне (поляне) давали дань хазарам, новгородские – варягам. «Самодержавства российского основатель» Рюрик рассматривается Ломоносовым как «герой», отличающийся «разумом

и мужеством». Утверждение «самодержавства», по Ломоносову вызывало сопротивление сторонников «общенародного прежнего владения».

Вторая часть книги Ломоносова разбита на главы, посвященные отдельным княжениям (Рюрика, Олега, Ольги, Святослава, Ярополка, Владимира, Святополка, Ярослава). Изложение построено на данных летописи, а также некоторых византийских источников (например, при описании походов Святослава в Болгарию). История Киевской Руси изложена хорошим языком, просто и доступно, в некоторых случаях имеет характер литературного произведения. Летописные тексты даны в пересказе на современном Ломоносову русском языке.

При рассмотрении внутренней истории Древней Руси проводится мысль о том, что киевские князья вели борьбу за единое государство, добиваясь включения ряда славянских и неславянских племен в российское подданство. Эта борьба расценивается как выражение заботы об этих племенах. В такой концепции, несомненно, сказалось присущее Ломоносову стремление подчеркнуть роль просвещенных государственных правителей. До нас, к сожалению, не дошли комментарии (цитаты, тексты документов и т.д.), которые Ломоносов предполагал приложить к своему труду.

В 1759 г. ученым был написан (а в 1760 г. издан) «Краткий Российский летописец» с родословием, посвященный царевичу Павлу Петровичу. Этот летописец состоит из трех частей. В первой части дан краткий очерк (на основе «Древней Российской истории»), посвященный древнему населению на территории России и истории славян до вокняжения Рюрика. Изложение пронизано идеей величия славянского народа. Во второй части помещены сжатые сведения о русских князьях и царях, кончая Петром Великим. Эта часть написана А. Богдановым и отредактирована Ломоносовым. Последняя часть содержит материал, касающийся брачных связей и генеалогии русских князей и царей вплоть до Петра I и его потомства.

Для понимания исторических взглядов Ломоносова представляет интерес его рукопись «Идеи для живописных картин из российской истории». Это – сюжеты исторических картин. Они могут быть разбиты на несколько групп:

1. Темы из истории государства (единодержавия – абсолютизма) в России.
2. Темы национально-освободительной борьбы.
3. Темы, касающиеся международного значения России. Самая идея создания живописных картин на исторические сюжеты показывает, что Ломоносов придавал большое воспитательное значение истории.

Среди исторических тем, интересовавших Ломоносова, важное место принадлежит сюжетам, относящимся ко времени Петра I. В 1757 г. ученый написал примечания на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом», составленной по предложению русского правительства Вольтером. Кроме внесения в текст Вольтера ряда поправок фактического характера, Ломоносов исправляет также его неверные утверждения, касающиеся уровня экономического, политического и культурного развития России.

Поправки Ломоносова отличаются заботой об историческом достоинстве русского народа. Вольтер указывает, что земля около города Архангельска стала известна в Западной Европе лишь в XVI в. Ломоносов же поправляет этот текст и утверждает, что датчане и другие северные народы торговали по Двине еще в XII в. Характеристику Вольтером Москвы как «нарочитого города» Ломоносов отказывается признать достаточной и с чувством законной гордости пишет: «Москва великий город, первого рангу во всей Европе».

Ломоносову кажется оскорбительным («бесчестным и поносительным») для русского народа, что Вольтер, описывая Лапландию, самоедов и т.д., обходит молчанием такие «многолюдные, плодоносные и наполненные городами... провинции», как Ярославская, Тверская, не упоминает Нижний Новгород, Владимир и «великое множество городов около Оки и других рек великих».

Примечания Ломоносова исполнены заботой и о военной славе России. На утверждение Вольтера, что в первое восемнадцатилетие XVIII в. единственным героем на севере был шведский король Карл XII, Ломоносов возражает, что «геройские дела», «великие предприятия и труды славны» Петра I стали известны еще до сражения при Лесной и Полтавской победе, а Карл XII своим бегством после Полтавской битвы показал задолго до 1718г. «больше себя героя в Петре Великом...». Совершенно неудовлетворительным разделом труда Вольтера признал Ломоносов текст, касающийся «стрелецких бунтов», и предложил исправить его на основе составленного им самим описания этих событий.

«Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи», принадлежащее Ломоносову, сохранилось во французском переводе не дошедшего до нас оригинала. Это рассказ о политической борьбе конца XVII в., облеченный в художественную форму, с пересказом речей действующих лиц и психологическими мотивировками их поступков, с известной драматизацией всего происходившего. Рассказ написан живо и интересно. В целом выступления стрельцов характеризуются Ломоносовым как действия «солдатчины, всегда готовой к бунту». Говоря о стрелецких казнях, организованных Петром I, Ломоносов выступает с позиций просвещенного абсолютизма и пишет, что царь «заглушил в себе милосердие и обрушил справедливую кару...».

Характеристика Петра I и его царствования Ломоносовым в «Слове похвальном блаженныя и вечностойныя памяти государю императору Петру Великому», написанном в связи с празднованием дня коронации Елизаветы Петровны в 1755 г. Это – настоящий панегирик (в торжественной форме художественной прозы) Петру. Ломоносов говорит о распространении в России при Петре просвещения, развитии промышленности, торговли, создании регулярной армии и флота. В своих похвалах Петру Ломоносов выступает борцом за самостоятельное экономическое и культурное развитие России, все время проявляет интерес к производительным силам страны, заботится об условиях для их роста, о преодолении отсталости. Раньше, указывает Ломоносов, соседи России с основанием говорили, что это великое сильное государство не может организовать металлургическую промышленность, производство собственного вооружения, «не имея в недрах своих не токмо других металлов для монетного тиснения, но и нужнейшего железа к приготовлению оружия...». Благодаря деятельности Петра «исчезло сие нареkanie... отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются из них металлы... Обращает мужественное российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор российских, российскими руками».

Конечно, Ломоносов понимал, какое значение для экономического и культурного подъема России, для усиления сношений с окружающими странами, а также для защиты имеет использование окружающих страну морей. Поэтому он считает особым достижением Петра I строительство флота; указывает на роль флота и в распространении торговых связей, и для географических открытий.

Демократические тенденции в трудах Ломоносова проявляются в его характеристике Петра I. Он стремится подчеркнуть, что Петр не только управлял как государь, но и трудился как рядовой подданный.

Для мировоззрения самого Ломоносова важно, что, возвеличивая Петра, он искал в нем такие черты, которые, по мысли автора, должны были приблизить его к людям труда.

Петр «собственным примером побуждал к трудам подданных!».

Несмотря на демократические тенденции в творчестве Ломоносова, его неумеренная идеализация абсолютизма Петра объективно означает и признание крепостничества. Так, введение подушной подати рассматривается как шаг к уравниванию в повинностях трудолюбивых людей и лентяев, к уничтожению бродяжничества, праздности и нищеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. / М.А. Барг. – М., 1984.
2. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
3. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
4. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2
5. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4
6. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 6

Просветительская историография во второй половине XVIII в.

В XVIII в. и особенно во второй его половине происходили крупнейшие сдвиги в экономической и социально-политической жизни народов континентальной Европы. Этот период характеризуется успехами капиталистического производства и торговли, развитием производственных отношений, буржуазной идеологии. А конец XVIII в. ознаменовался буржуазной революцией во Франции, давшей толчок политическим движениям в других европейских государствах.

В России, где во второй половине XVIII в. сложился капиталистический уклад и в 1773–1775 гг. разразилась крупнейшая крестьянская война, просветительская идеология тоже стала пробивать себе дорогу. Но здесь она отличалась рядом особенностей. Своя специфика была присуща и просветительской идеологии в других европейских странах.

Просвещение приобретало различную направленность в соответствии с социальными нуждами и интересами выступавших против феодализма крупной буржуазии, мелкой буржуазии и рабочих. Различия эти особенно отчетливо проявлялись в отношении просветителей к разным формам собственности. Принципы просветительской идеологии определяли и характер исторических произведений, возбуждавших в читателях гнев против лжи и невежества, суеверия, фанатизма, тирании и угнетения масс, против религиозных и династических войн и кровавых дел инквизиции. Определяя главную задачу просветительской историографии, Вольтер писал: «Человек со здравым смыслом, читая историю, занят главным образом ее опровержением». Опровержение истории и отрицание исторического прошлого было исполнено могучей созидательной силой и гуманистического стремления, как говорил Вольтер, «научить людей не преследовать людей».

Когда в 1750-х гг. писалась «Древняя Российская история», Ломоносов усомнился в происхождении Москвы от Мосоха и от мосхов. «Великий перерыв времени, в кое о москах не упоминают внешние и домашние писатели, не позволяет утверждать о единоплеменстве мосхов и славян московских без должного свидетельства». Однако в деле критики исторического баснословия Ломоносов безусловно уступал Татищеву. Так, Татищев доказывал легендарность известия о пребывании апостола Андрея Первозванного в Киеве и Новгороде, а Ломоносов объявил Байера «полоумным» как раз за опровержение этого известия. Легенду о происхождении Рюрика от Августа, отвергнутую не только Татищевым в XVIII в., но и Юрием Крижаничем в XVII в., Ломоносов считал частично достоверной. По его предположению родственники какого-нибудь римского кесаря могли прибыть в балтийскую Русь, и, таким образом, Рюрик мог оказаться их «сродником».

В «Слове похвальном» Петру татарское иго объясняется тем, что бог был раздражен «предков наших враждами, неправдами, грабленями, и братоубийствами». Промысел божий в этом произведении усматривается и в том, что от времени до времени рождались великие государи. Впрочем, политическая деятельность этих государей приписывается им самим, а не направляющей деснице господу. Обращения к провидению, скорее, косят у Ломоносова характер риторических оборотов и не могут быть истолкованы как показатель провиденциалистского мировоззрения автора.

Если в исторической критике Татищев превосходил Ломоносова, то в литературности, доступности и красоте изложения первенствовал Ломоносов. Татищев сам это великолепно понимал. Когда он решил посвятить первый том своей «Истории Российской» великому князю Петру Федоровичу (Петру III), он попросил составить текст посвящения именно Ломоносова. Для сравнения стиля Татищева со стилем Ломоносова сопоставим вводные слова того и другого о значении исторических знаний.

В.Н. Татищев писал, что история нас «ово от своих собственных, ово от других людей дел учит о добре прилежать, а зла остерегаться». У М.В. Ломоносова история «дает

государям примеры правления, подданным – повиновения, воинам – мужества, судиям — правосудия, младым – старых разум, престарелым – сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное».

М. В. Ломоносов сочинил значительное количество од, посвященных торжественным датам и официальным празднествам и воспевавших императоров, и императриц периода дворцовых переворотов. Этому жанру литературы в России и на Западе всегда был присущ панегиризм, гиперболизм и непомерная восторженность оценок прославляемых, вне зависимости от того, были ли они действительно выдающимися деятелями или представляли собой совершенное ничтожество.

А. Н. Радищев писал, что не завидует Ломоносову, когда он, «следуя общему обычаю ласкати царям», «льстил похвалою в стихах Елизавете».³⁰ Вместе с тем следует отметить, что какому бы царю ни посвящалась ода, Ломоносов переключал внимание своих читателей на Петра Великого и здесь уж достигал высокой художественной впечатляемости, так как стиль еды соответствовал восторженному отношению автора к герою. Мы уже говорили об отношении Ломоносова к Петру Великому. В одах, посвященных преемникам Петра, это отношение остается неизменным. В соответствии со своим пониманием задач истории, Ломоносов использует историческую тему в одах, чтобы дать государям пример мудрого правления.

Заканчивая характеристику ломоносовских работ по истории, напомним оценку С. М. Соловьева, признававшего, что В. Н. Татищеву и М. В. Ломоносову «принадлежит самое почетное место в истории русской науки в эпоху ее начальных трудов». С критическим отношением к историческому прошлому общества у просветителей или, во всяком случае, у некоторых из них сочеталось стремление понять законы, на которых основывается жизнь общества. Монтескье и другие ученые эпохи Просвещения настойчиво искали причины происшедших событий, законы истории. Было бы странно, считал Вольтер, если бы вся природа повиновалась законам и лишь человек, «небольшое животное в пять футов», мог бы действовать по своей прихоти. Подобно тому как все тела подчиняются закону тяготения, а грушевые деревья не могут приносить ананасы, каждое историческое событие подчинено необходимости. «Когда я хочу сделать то, что хочу, тогда я свободен: но я хочу в силу необходимости, ибо иначе я хотел бы беспричинно, что невозможно».¹

Выдающиеся успехи естественных наук, открытие ранее неизвестных законов природы приводили ученых XVII в. к мысли о господстве закономерности и в обществе. Об этом, как мы видели, говорил Гоббс, и эту мысль просветители XVIII в. усвоили у философов XVII в. Аналогии, которые по традиции устанавливались между законом всемирного тяготения и законами общества, приводили иногда просветителей к механическим представлениям об общественной жизни. Законы, управляющие этой жизнью, представлялись такими же вечными и неизменно действующими, как закон тяготения. К таким же представлениям приводили традиционные идеи о неизменности человеческой природы, которая определяет причины человеческих поступков.

Но рядом с утверждениями о тождественности законов природы и общества и бесконечно повторяющихся в круговороте явлениях общественной жизни ученые XVIII в. развивали мысль о коренном различии природных и общественных закономерностей. Вольтер признавал прогресс и считал его движущей силой разум, идущий по пути накопления знаний. Новые научные открытия и распространение просвещения преобразуют человеческую жизнь, совершенствуют земледелие, ремесла, мануфактуры, развивают мореплавание и торговлю, повышают благосостояние людей. Человеческий разум приводит к достижениям искусств и преодолению суеверия, к нравственному возвышению и совершенствованию законов и социальных отношений.

Обобщая эти высказывания, Г. В. Плеханов отметил, что они состояли в объяснении «исторической эволюции эволюцией нравов и идей или, как говорили в XVIII веке, мнений». Плеханов показал, что тезис просветителей XVIII в. о том, что «мнения

правят миром», характеризует исторические воззрения даже философов, которые в понимании природы стояли на материалистических позициях (Гольбах, Гельвеций). Этот тезис характерен и для Монтескье, отводившего немаловажную роль в истории географической среде.

Представления просветителей о закономерности общественной жизни и об историческом прогрессе, основанном на достижениях человеческого разума, противоречили их утверждениям о неразумности и противоестественности многовековой истории. Вольтер находил во всей прошлой истории только четыре периода, когда человечество делало большие успехи: век Филиппа Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса.

В эти периоды творили великие ученые, художники, гиганты культуры. На протяжении всей остальной истории человеческий разум был поработан, и господствовали невежество, нетерпимость и инертность. При таком понимании закономерности общественного развития и прогресса возникает вопрос, почему на протяжении четырех коротких периодов разум побеждал нетерпимость и инертность, а на протяжении всей остальной истории человечества оставался побежденным. Ни Вольтер, ни другие просветители не давали ответа на этот вопрос.

Отрицая рабство, феодализм, деспотизм и другие многовековые формы социального и духовного гнета, просветители еще не открыли, что в ходе своего исторического развития одни и те же общественные институты из разумных и прогрессивных превращаются в неразумные, реакционные и нуждающиеся в ликвидации. Не умея диалектически подойти к явлениям прошлого, они, таким образом, не могли согласовать закономерное и прогрессивное развитие общества с революционной идеей отрицания и опровержения исторического прошлого. Но глубокая внутренняя противоречивость исторических взглядов просветителей не может служить помехой признанию их выдающихся философско-исторических достижений. Как критика и опровержение феодальных порядков, идеологии и понимания истории, так и идеи закономерности и прогресса в общественной жизни были для своего времени крупным научным достижением.

К числу достижений просветительской историографии XVIII в. должно быть отнесено и расширение тематики исторических трудов. Мы уже отмечали, что, по сравнению со средневековыми историками, историки Возрождения и особенно XVII в. стали больше изучать правительственную деятельность, касающуюся просвещения, наук, судопроизводства, полиции, хозяйства и быта. Историки Просвещения сделали дальнейший шаг вперед. В поле их зрения не только правительственная политика, относящаяся к просвещению, экономике или народному быту, но и само развитие просвещения, экономики, быта, не только государи, но и ученые, художники, другие создатели нового. Вольтер писал, что под историей он понимает «не пустую и бесплодную науку о событиях и датах, которая ограничивается тем, что выясняет, когда умер такой-то человек, бесполезный или пагубный для мира; не науку, сообщающую одни только справочные сведения, которые обременяют память, не просвещающая ума. Я говорю о науке, которая изучает нравы, которая, обнаруживая ошибку за ошибкой, предрассудок за предрассудком, рисует нам последствия человеческих страстей, показывает нам, какие бедствия причинили невежество или превратно понятая ученость, и в особенности прослеживает успехи искусства на протяжении веков, ознаменованных ужасающими столкновениями стольких держав и крушениями стольких царств. Вот чем мне дорога история». Приведенное высказывание Вольтера подчеркивает стремление просветителей подрывать устои прошлого. В этом они видели главную задачу исторической науки. В то же время высказывание Вольтера четко формулирует задачу перехода от чисто политической и военной истории к истории культуры.

В то же время характерная для многих просветителей надежда на просвещенных монархов и на возможность привлечения их к делу реформ, надежда на то, что философы

смогут убедить монархов доводами, основанными на всемогуществе разума, побуждала просветителей искать в прошлом образцы великих реформаторов и разумных правителей. А это приводило к выдвиганию на первый план великой исторической личности. Характерно, что Вольтер возмущался историками, которые ограничивались показом смены одного недостойного правителя другим. Такие же выдающиеся государи, как Генрих IV или Петр Великий, привлекали интерес историков Просвещения. Более того, они считали подобных государей способными коренным образом изменить жизнь и нравы своих подданных.

Существенной особенностью просветительской историографии является отказ от средневековых теорий избранных народов, от теории четырех монархий, от европоцентризма. Внимание просветителей привлекали и неевропейские, особенно азиатские народы. Вольтер считал Индию колыбелью знаний и обращал внимание на высокую цивилизующую роль арабов в период средневекового мракобесия в Европе. Чтобы хорошо познать человека, писал английский просветитель Болингброк, «мы должны видеть и понять его во всех возрастах, во всех странах, во всех государствах, в жизни и смерти — и только история может нам так его изобразить». Философские уроки могут быть извлечены из истории греков и римлян, европейских народов, перуанцев и мексиканцев, китайцев и татар. Географическое расширение исторической тематики объясняется не только тем, что просветители находили в прошлом неевропейских народов примеры, подтверждающие их концепции, но и их гуманистическим отношением к людям, которых они считали равными от рождения.

Говоря об историографии Просвещения, необходимо остановиться на развитии источниковедческих приемов исследования. Срывая ореол святости и величия с религиозных и феодальных кумиров, просветители должны были решительнее критиковать исторические источники, создававшие такой ореол. Вольтер обращал внимание на широкое распространение лжи в печати даже в XVIII в., когда существовало тысячи книг, газет и журналов, способных опровергнуть эту ложь. Как же можно верить писателям древних времен, которые собирали слухи, писали все, что им в детстве рассказывали бабушки, и при этом твердо верили, что «никакая критика не откроет их погрешностей». «Ложь в фактах», распространенная во всей исторической литературе начиная с Геродота, приобрела разные формы. Самым грубым и в то же время самым соблазнительным «является чудесное: оно господствует во всех старых историях без единого исключения». Но историческая критика должна избегать и «ораторской лжи», которая заключается в том, что деятелям прошлого приписываются речи, которые они никогда не произносили, а также И «лжи в портретах, заключающейся в описаниях неизвестной внешности исторических лиц».

Критерий здравого смысла недостаточен для всесторонней критики источника, поскольку с его помощью можно только доказать недостоверность невероятных фактов. Но ведь известна множество показаний источников о фактах, которые вполне вероятны, а тем не менее являются вымышленными. Кроме того, необходимо учитывать, что самый здравый смысл не является вечно неизменной категорией. Марк Блок писал, что представления и логика людей прошлого далеко не всегда соответствовали современному. Вольтеровской критике, основанной на здравом смысле, он противопоставляет критику Мабильо-на, основанную на испытующем сомнении.

К историческим сочинениям Вольтера относятся: «История Карла XII» (1731 г.), «Век Людовика XIV» (1751 г.), «История Российской империи при Петре Великом» (1759 г.). Историей Петра Великого Вольтер заинтересовался еще в начале 1730-х годов, когда писал своего «Карла XII». И мысль о написании истории Петра с тех пор яе покидала его. В 1737 г. он сообщает, что ему хочется дать сокращенный пересказ не только «великих деяний Карла», но и «плодотворных дел Петра», ознакомить читателей с тем, «что сделал царь для блага человечества». Для осуществления этого замысла необходимы были документальные материалы. В 1740-е гг. Вольтер хлопотал о присылке таких материалов

из России. Но канцлер Бестужев-Рюмин был против написания Вольтером задуманной им книги. Пересылка материалов стала осуществляться лишь во второй половине 1750-х гг., когда по ходатайству влиятельного вельможи И. И. Шувалова Елизавета Петровна официально поручила Вольтеру написать книгу о своем отце. В 1759 г. «История Российской империи при Петре Великом» была напечатана, а в 1760 г. – попала в руки русских читателей.

В связанном с работой над книгой письме, к И. И. Шувалову Вольтер писал о том, что «теперь хотят знать, как росла нация, каково было народонаселение в начале эпохи, о которой идет речь, и в настоящее время», какова была торговля изучаемой нации, «какие искусства возникли в самой стране и какие были заимствованы ею извне и затем усовершенствованы, каковы были приблизительно государственные доходы в прошлом и настоящем, как возникли и развились морские силы; каково было численное соотношение между дворянством и духовенством и монахами и между ними и земледельцами и т. д.». Вольтер задумал написать не биографию царя, а культурную историю народа. Недаром книга получила наименование «История Российской империи при Петре Великом», а не «Петр Великий».

Но решить поставленную перед собой задачу Вольтер не смог. У него было недостаточно знаний по истории русской культуры. Да и твердо усвоенная им концепция петровских реформ не вязалась с планом создания истории страны. Еще в «Карле XII» Вольтер утверждал, что ко времени Петра Великого Россия была менее цивилизована, чем Мексика в момент открытия ее европейцами. Один человек (Петр I) изменил строй самого большого государства. И через 28 лет, когда писалась «История Российской империи», Вольтер оставался при убеждении, что царь один преобразовал страну, превратив свой народ в «настоящих людей».

В примечаниях на книгу Вольтера М. В. Ломоносов отметил немало фактических ошибок в изображении допетровской Руси, как бы сотканной из одних недостатков. В этом не следует усматривать нарочитое стремление Вольтера унижить Россию. Главную роль играла тенденция изобразить Петра Великого творцом всего лучшего, что было в стране. Петр Великий и для других просветителей был образцом монарха-реформатора. Призывая установить новый, справедливый и разумный строй, просветители неоднократно ставили государям в пример Петра. Так, Мабли советовал герцогу Пармскому, для которого написал «Трактат об изучении истории», подобно Петру Великому, стремиться к созданию «новой нации». И для Вольтера царствование Петра было важно прежде всего, как назидание государям, которые согласились бы стать проводниками проповедуемой им разумной политики. Таким образом, с одной стороны, Вольтер стремится отказаться от традиционной истории государей и перейти к истории цивилизаций, а с другой стороны, ему нужно показать именно великие дела образцового государя. В своих исторических трудах он выдвигает на авансцену не народ и его культуру, а государя и его роль в изменении культуры.

Заказчики «Истории Российской империи» упрекали Вольтера за недостаточно возвышенный стиль при описании царской особы. Французский просветитель отвечал, что у хорошего писателя не должно появляться подобных выражений: «Его священное императорское величество соизволил принять лекарство». Превозносить через край всегда опасно, а прятать факты историк не может; сказав один факт, подорвешь значение остальных. Отстаивая свой стиль и свою подачу материала, Вольтер так же, как оплачивавшие его труд мехами и медалями сановные заказчики, оценивал Петра Великого как единоличного творца новой России. Он декларировал, что в результате реформ Петра процветали искусства и знания и даже «народилась новая нация». А ответа на основной вопрос, каковы были предпосылки петровских реформ, каковы были исторические условия народной жизни, их вызвавшие, почему реформы были проведены именно так, а не иначе, Вольтер не дал.

К числу «просвещенных монархов» Вольтер относил наряду с Фридрихом II и Екатерину II, которую называл своей истинной героиней. Но жизнь доказала иллюзорность этих надежд. Так возник вопрос, что делать, если не найдется монарха, устанавливающего разумный и гуманный принцип правления? По мере того как надежды Вольтера на «просвещенных монархов» ослабевали, всемогущество выдающегося политического деятеля в истории тоже переставало играть прежнюю роль, и свобода воли все больше уступала в его исторических воззрениях детерминизму. Именно к позднему периоду творчества Вольтера относятся приведенные выше слова о невозможности беспричинных действий и сопоставление исторической деятельности людей с законом тяготения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

7. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. / М.А. Барг. – М., 1984.
8. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
9. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2
10. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4
11. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 7–8

Российская историография первой половины XIX века.

Историческая концепция Н.М. Карамзина. В 1803 г. приступил к написанию обобщающего труда по российской истории. Он уже был известным русским писателем. В 1816–1829 гг. была опубликована «История государства российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826 гг.), состоявшая из 12 томов (последний том – незавершен). Историк довел свое исследование до 1611 г. Первые восемь томов освещают историю до 1560 года, девятый том – до 1584 г., десятый и одиннадцатый тома повествуют о событиях рубежа XVI–XVII вв., двенадцатый том обрывается на 1611 г. При написании «Истории...» Карамзиным было использовано 40 русских летописей (Щербатов, для сравнения, обращается только к 21 летописи), изучено 350 трудов различных историков. Карамзин в своем исследовании стоял на позициях рационализма. Материал располагается по княжениям и царствованиям, но в то же время имеются главы, которые не укладываются в хронологические рамки повествования. Он применил разбивку текста на основной и примечания (их всего 6548). Основным материалом был изложен хорошим литературным языком, что делало его популярным среди простых читателей, далеких от исторических исследований «Все, даже светские женщины бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Древняя Русь, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом», – так оценил труд историка А.С. Пушкин. Вяземский ему вторил, называя Карамзина «наш Кутузов», давая высокую оценку историческому произведению: «Он спас Россию от нашего забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас Отечество есть...». Жуковский назвал «Историю...» Карамзина «воскрешением прошедших веков нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями ..., теперь они все оживятся, подымутся, получат величественный привлекательный вид».

Для исследовательских подходов Карамзина характерно:

- патриотизм, любовь к Отечеству;
- следование правде истории, как бы горька она не была;
- стремление постичь события изнутри, взглянуть на них не с высоты веков, а глазами современников;
- художественность изложения в историческом повествовании;
- объяснение событий с нравственно-психологических позиций, стремление влиять на чувства читателей (сентиментализм).

Карамзин начал свою «Историю...» с изложения характеристики народов, населявших территорию России с древних времен, указывая на то обстоятельство, что в 8 в. славяне уже вышли из дикого кочевого состояния за несколько веков до рождения Христа. Этому, по его мнению, благоприятно способствовали климат, природные условия.

В основу исторической концепции Карамзин, вслед за историками XVIII в., заложил историю самодержавия, рассматривая ее как органически присущей для России форму государственного управления. Самодержавие, по его мнению, – надклассовая, общесословная сила, обеспечивающая нормальную деятельность государственного организма. Оно было призвано обеспечить внешнюю безопасность народа, оберегать общество от насилия, злоупотреблений властью имущих и от опасности жестокого народного бунта. Самодержавие и дворянство, как его опора, обеспечивали независимость страны, ее прогрессивное развитие. «Самодержавие основало и воскресило Россию; с переменою государственного устава она гибла и должна погибнуть», но его следовало отличать от тирании.

По мнению Карамзина, движущей силой исторического процесса является власть и государство. Вся русская история представлялась как борьба самодержавных начал с народоправством, олигархическим или аристократическим правлением, удельными тенденциями. В России сначала происходило становление единовластия, а потом –

самодержавия. Единодержавие было уже с Рюрика и до начала XII века (до раздробленности), а потом в XII–XV вв. наступил период уделов. С Ивана III происходит восстановление единовластия, а с Петра I восстанавливается самодержавие.

Карамзин являлся сторонником норманнской теории. Призвание новгородцами варягов, по его мнению, положило основание монархическому государственному строю. Начиная с Ивана III и Василия III в Московской Руси окончательно устанавливается самодержавие. Покорившись князьям, славянский народ сохранил некоторые вольности (новгородская республика). Раздробленность он рассматривает как катастрофу для Киевской Руси, имевшей отрицательные последствия. В качестве причины раздробленности он выделяет конфликт между здоровой политикой киевских князей и слепой родительской любви. В качестве причин покорения русских земель монголо-татарами он называет численное превосходство монгольского войска над русскими дружинами. В установившемся иго он видел и отрицательное (нравственное уничтожение людей, культурные потери), и положительное (способствовало возвышению Москвы, укреплению позиций православного духовенства, истреблению городских вольностей и утверждению самодержавия). К тому же нужно учитывать, что без ханской власти Литва, Польша, Венгрия, Швеция разделили бы между собой русские земли; Русь могла бы погибнуть от междукняжеских усобиц. Период XV – начала XVII вв. считал этапом подлинного национального возрождения, связанного с развитием истинного самодержавия. Нор процесс был Оно осложнен негативными личными качествами носителей самодержавной власти (например, Иван IV Грозный).

Русскую историю Карамзин предложил делить на 3 периода. 1-й – древнейшая история (от Рюрика до Ивана III), 2-й – средняя (от Ивана III до Петра I), 3-й – новая (от Петра I до Александра I). Наибольших успехов Россия достигала, когда опиралась на крепкую центральную власть. «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием».

Карамзин старался критически оценивать того или иного государственного деятеля, указывая на положительные, и отрицательные черты. К примеру, он критиковал Ярослава Мудрого за введение системы уделов, Юрия Долгорукого – за коварство и жестокость, Ивана III – за жестокость (бросил в темницу своего внука Дмитрия), Ивана IV – теория «двух Иванов», давал образ свирепого царя, таким не должен быть монарх, неистовый тиран; указывал на бедствия страны, тяготы опричнины; отмечал его необузданный характер, патологические свойства безнравственной души, склонность к разврату и душегубству.

В трактате «Записка о древней и новой России» Карамзин подверг резкой критике реформы Петра I, которые он рассматривал как разрыв с русскими традициями и устоями. По его мнению, сближение с западом происходило постепенно, органически сочетаясь со старыми ценностями. Петр ввел новое своими реформами, которые Карамзин рассматривал как насильственные. Критике со стороны историка подверглась и Екатерина II за аморализм, а политику Павла назвал жалкими заблуждениями. Подверг критике идеи реформ Александра I. Считал, что республика является идеальным, но утопическим вариантом государственного строя. Реальная степень развития России больше соответствует идеалу просвещенной монархии.

Таким образом, Н.М. Карамзин сделал историю предметом общественного интереса, изложив ее образно и доступно, литературным языком, вовлек в научный оборот огромный материал источников, выявил немало сходства в развитии Руси и других стран. В то же время нравоучительный, назидательный подход к исследованию приводил нередко к субъективному изложению материала, вольному обращению с фактами; концепция Карамзина ограничивалась историей самодержавия, историей правления великих князей и раскрытием сугубо специфического пути развития России.

В конце жизни Н.М. Карамзин написал: «Может быть, я заблуждаюсь, но совесть моя спокойна. Любезное Отечество ни в чем не может меня упрекнуть. Я всегда был готов служить ему, не унижая своей личности».

П.Я. Чаадаев. Историческая полемика 30–40-х гг. XIX в. по своим формальным признакам вряд ли может быть отнесена к числу событий истории исторической науки в России. Уже один тот факт, что основными действующими лицами этих споров, традиционно определяемых в литературе как спор западников и славянофилов, были кто угодно, но отнюдь не профессиональные историки (количество которых в России к тому времени измерялось уже десятками), позволяет понять тех историографов, которые либо вообще не касаются этой полемики, либо упоминают ее вскользь в связи с формированием взглядов С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина.

Однако, на наш взгляд, пуризм, проявляемый историографами в этом вопросе, понятен, но способен сильно исказить реальную картину становления исторической науки в России. И дело тут не только в том влиянии, которое эта полемика оказала на формирование собственных мировоззренческих позиций тех или иных профессиональных историков. Речь должна идти о том, что спор западников и славянофилов придал определённую направленность мышлению и отчасти сформировал основное направление исторических интересов целого поколения возникающей русской интеллигенции, являвшейся главным производителем и потребителем исторических знаний. В той или иной мере, но сопоставление русской и европейской истории, поиск ответа на вопрос о характере и причинах своеобразия (или отсутствия такового) русской истории превращается с 30–40-х гг. в явный или подспудный мотив деятельности историков самых разных направлений и интересов.

Именно этот «фон» бытия и развития профессиональной исторической науки в России, который создали и на долгие десятилетия вперед определили далекие от логической стройности факты споры в московских и петербургских салонах николаевского времени, заставляет включить изучение исторической полемики 30–40-х гг. в общий курс отечественной историографии.

Первооснователем дискуссий о судьбе России в русском обществе выступил П.Я. Чаадаев. Публикация осенью 1836 г. первого из его восьми «Философических писем» стала толчком для кристаллизации существовавших прежде в латентном состоянии позиций будущих западников и славянофилов.

«Философические письма», равно как и примыкающие к ним по смыслу «Апология сумасшедшего» и другие малые произведения 30-х – н. 40-х гг., представляют собой многослойный текст, несущий не только историческое содержание. Необходимо также учесть, что в сознании людей XIX в. П.Я. Чаадаев существовал исключительно как автор одного «Философического письма», отнюдь не дающего полноценного представления об его исторической позиции.

С учетом этих обстоятельств можно указать на следующие идеи, высказанные П.Я. Чаадаевым, которые в явном или отраженном виде повлияли на развитие отечественной философской и исторической мысли.

1 Россия представляет собой совершенно особое историческое пространство, принципиально отличное как от европейской, так и восточной цивилизаций.

2. Главным показателем особенности России в мировом историческом пространстве является не просто ее нынешняя социальная и культурная отсталость от Европы, а имманентное пребывание вне времени и пространства мировой истории. Вся история России характеризуется застойностью, принципиальной неспособностью ни создать что-либо оригинальное, ни творчески воспринять заимствования из других культур.

3. Причиной такого состояния России является выбор в начальный момент ее истории ложного варианта христианства, изначально поставившего страну в изоляцию от главного потока мировой истории, отождествляемого с Европой.

В меньшей степени, но также оказала воздействие на последующее развитие русской исторической мысли еще одна идея, высказанная в целостном виде П.Я. Чаадаевым в «Апологии сумасшедшего». Нынешняя отсталость страны способна при определенных обстоятельствах стать стимулом для ускоренного развития за счет учета не только положительного, но и негативного опыта Европы. Иначе говоря, П.Я. Чаадаев первым в русской мысли высказал идею спрямления исторического пути как выхода для стран, отставших в своем развитии от передовых европейских государств.

При всей «провокационности» и некоторой абстрактности историософских построений П.Я. Чаадаева они ставили реальные вопросы, на которые существующая историография либо не давала ответа, либо эти ответы оказывались не слишком убедительными. Те явления, в которых П.Я. Чаадаев видел доказательства застойной отсталости России (прежде всего самодержавное правление и крепостное право), действительно требовали более убедительного исторического объяснения, особенно в глазах нового поколения образованных россиян, на практике, а не из книг знакомых с жизнью стран Западной Европы, свободной от подобных институтов.

Исторические взгляды западников. Развернувшаяся после публикации чаадаевского письма полемика, хотя и охватила лишь небольшой, весьма ограниченный круг интеллектуальной элиты общества, но повлекла за собой формирование двух идейных течений, уже непосредственно повлиявших на ряд историков-профессионалов, прежде всего – будущих основателей государственной школы.

Между тем, как исторические доводы, так и общая логика объяснения мировой и российской истории, те или иные суждения участников споров по наиболее острым проблемам отечественной истории как раз и создавали «фон», в котором происходило естественное становление новых историографических подходов, заявивших о себе в конце 40-х — 50-х гг. XIX в.

Принципиально важным для последующего развития исторической науки в России в дискуссии западников и славянофилов нам представляется то, что в ее ходе был поставлен вопрос о методологической основе исторического знания. В категориях того времени это означало обращение к философии истории, попытку применения тех принципов, что были разработаны в немецкой философской мысли, прежде всего – в учении Гегеля. Собственно говоря, по-разному интерпретированная философия истории Гегеля легла в основание исторических взглядов и западников, и значительной части славянофилов.

Широкие исторические аналогии и сравнения, использовавшиеся участниками споров, вновь привлекли внимание к эффективности сравнительно-исторического подхода к истории, вызвали волну интереса к изучению не только отечественной, но и зарубежной истории. Поэтому совсем не случайно, что именно с Середины XIX в. в России начинают формироваться первые группы античников и медиевистов.

Большое, временами даже центральное, место, уделенное' в ходе споров проблемам духовного своеобразия русской истории, особенностям национальной психологии европейцев и русских, стимулировало развитие культурно-исторического подхода к истории, до сих пор отсутствовавшего в отечественной историографии.

Попытка славянофилов опереться в своих воззрениях на традиции мистического понимания истории, заложенные в учениях восточных отцов церкви, побудила их оппонентов, преодолевая односторонности французского рационализма, обратиться к Поискам лежащих вне человека, но, тем не менее, естественных факторов саморазвития человеческого общества.

И западники, и тем более славянофилы отвергли крайности чаадаевского пессимизма относительно исторического прошлого и настоящего России, однако, они в разной степени, но признали сравнительную отсталость николаевской России по отношению к западноевропейским государствам, наличие в русском обществе многих элементов архаичности. Предложенное обоими течениями объяснение характера и причин таковой отсталости оказалось во многом противоположным.

С точки зрения западников, группировавшихся вокруг их неформального лидера Т.Н. Грановского, экономическая и культурная отсталость сегодняшней России, архаичность ее политических форм носят не абсолютный, а относительный характер. Они порождены неблагоприятными природными и внешними факторами развития страны (природно-климатические трудности, внешние вторжения, среди которых особо регрессивную роль сыграло татаро-монгольское завоевание). Однако общая линия развития России не имеет принципиального отличия от пути европейской цивилизации. На самом деле Россия отстает от Запада лишь по времени, а не по характеру своего развития. Однако само это временное отставание не носит непреодолимого характера.

Закономерно поэтому то внимание, которое западники уделяли петровскому времени. Именно здесь они видели поворотную точку развития России, момент, когда осознавшая свое родство с Европой страна решительно ускорила развитие, направив все свои усилия на ослабление и нейтрализацию тормозящего воздействия неблагоприятных внешних условий. Именно к западникам 1830–1840-х гг. восходит понимание Петра I не просто как реформатора, содействовавшего сближению своей страны с Европой, а как государственного деятеля, поставившего своей целью радикально изменить внешние неблагоприятные условия существования России, смять естественные преграды на пути ее прогрессивного (т.е. идентичного передовым европейским странам) развития.

В известной мере можно сказать, что усилиями западников было заложено первичное представление о неравномерности исторического развития России. Древний период, когда историческое время Киевской Руси было синхронно историческому времени Европы: период средневековья, когда время на просторах Московии как бы потекло медленнее европейского; петровская эпоха, когда бег времени в России стал обгонять европейский; наконец, николаевский режим, почти остановивший бег стрелок на часах Российской империи.

Исторические взгляды славянофилов. Среди ранних славянофилов, в работах которых наиболее четко представлены представления об истории России, следует особо выделить К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, братьев И.В. и П.В. Киреевских. Их исторические взгляды нашли свое отражение в публицистических произведениях и в статьях исторического содержания. В своих работах они обратили внимание на актуальные проблемы русской истории, обращаясь, прежде всего, к древней и средневековой истории Руси, допетровского времени, подчеркивая роль народа в жизни страны. Славянофилы или самобытники активно интересовались петровскими преобразованиями в плане нарушения Петром I идеалов старины.

По мнению славянофилов, у восточных славян до IX века была «благоустроенная форма общежития». Но ее внутреннее несовершенство и внешняя опасность вынудили славян призвать варяжских князей. Это призвание (а не завоевание) предопределило особый путь исторического развития России. После призвания варягов княжеская власть и народ продолжали сосуществовать как отдельные, но дружеские, союзные силы: народ, позволивший установить власть над собой, не имел оснований относиться к ней враждебно, а власть видела в народе не покоренного врага, а свободного подданного. «Внешняя правда – государству; внутренняя правда – земле», «неограниченная власть – великому князю и царю, полная свобода жизни и духа – народу» – основные тезисы славянофилов.

Представители славянофильства считали, что Россия – самобытная страна, не похожая на европейские государства. В основании ее государства лежала добровольность, свобода и мир, тогда как государства Запада основывались на насилии, рабстве, вражде (на Западе – борьба государства и народа, в России – единение). Славянофилы скептически относились к историческим перспективам европейской цивилизации, верили в великое будущее русского народа. Проявляли неприятие индивидуализма, культа стяжательства, выражали идею пагубности западного примера для России. Русскому национальному началу характерно общинное или союзное начало, тогда как в западном

мире – родовой строй индивидуальное начало. Община является вместилищем самобытных начал, нравственным союзом людей, проявлением национальных начал. Русская земля являла собой одну большую общину. На западе народ стремился захватить власть, а в России – нет. В период смуты земское начало вышло на первый план и восстановило государство путем нового призвания – Романовых. Только во второй половине XVII века правительство стало противопоставлять государство «земским людям» и принимало решения вопреки их воле, опираясь на дворянство, интересы которого лишь в это время отделились от интересов народа. Решающим же поворотом в судьбе России стали петровские преобразования. Они нарушили гармонию, единство между народом и властью, что выразилось в следующих моментах:

- реформы Петра I коснулись только высших классов, а простой народ остался вне сферы их влияния, что и привело к нарушению единства высших слоев общества и народа, к нарушению установленных отношений земли и государства.

- заимствование иностранных порядков привело к разрыву связи с национальными традициями.

- с реформами Петра I было связано и закрепощение крестьян. В работе И.Д. Беляева «Крестьяне на Руси» установление крепостничества связывалось с податной реформой, грубыми полицейскими мерами и введением паспортной системы, поэтому следовало отменить крепостное право, чтобы восстановить единство народа и государства.

В качестве конкретных предложений о реформировании России в середине XIX века славянофилы предлагали отменить крепостное право, упростить государственный аппарат, созвать Земский собор, ввести свободное выражение общественного мнения, распространять просвещение среди народа, устранить цензуру и т.д.

Это общие положения, характерные для славянофилов. Теперь отметим то, что отличало взгляды конкретных представителей этого направления, было особенным. Взгляды **И.В. Киреевского** иногда называют «ретроспективной утопией». Он считал, что идеалы следует искать в прошлом (а Хомяков – в будущем). Идеальным для него является христианское общество Древней Руси. Противопоставлял Россию и Запад. Русский народ является продолжателем славяно-византийской традиции. В истории человечества – два пути развития: путь «внутренней правды» и путь «внешней правды». Первым путем шли славяне, которые нашли силу внутренней правды в русской земельной общине. Вторым путем шла Западная Европа, где преобладал внешний закон, ослабляющий нравственное достоинство человека, приучающий его быть правым перед законом. Даже монгольское завоевание являлось для России благом, так как содействовало обособлению от Западной Европы.

А.С. Хомяков – являлся главой московского направления славянофилов. Он считал, что каждый народ обладает особым началом, проявляющимся в ходе исторического развития. Всемирная история представляет собой арену борьбы двух основных начал бытия – свободы и необходимости. Воплощением начала свободы в древности являлись иранские племена, а необходимости – кушитские (эфиопские) племена. В других народах – смешение начал. Русский народ развивался под влиянием иранизма, отсюда его стремление к духовным ценностям. Европейская цивилизация в своей основе являлась иранской, но постепенно под влиянием кушитства выродилась и материальные ценности, эгоизм вышли на первый план. Русская элита с петровских времен заболела этим же недугом, что и западный мир. Началом русского народного бытия является общинность, а началом духовной жизни – православие. В понятие общинность он включал, прежде всего, «этический коллективизм», а общину воспринимал как социальное выражение сущности русского народного духа. Община представляет собой маленькую и несовершенную модель соборного общества. Миссия русского народа – воплотить в своей истории и общественной жизни христианские идеалы. Вершиной прогресса человечества является христианское общество, основанное на высших этических ценностях. Идеал –

общество, в котором социальные связи подчинены нравственным, христианским ценностям, общество социального равенства.

Внутри славянофилов имелись определенные отличия. Например, Самарин считал, что община была присуща не только для России, но и в других странах Западной Европы был распространен общинный быт. Валуев выступал против негативной оценки петровских реформ, считал, что они для 18 века имели большое значение, но в последующем надо было развивать страну по-другому.

Теория официальной народности и историческая наука. М.П. Погодин («О происхождении Руси», «Исследования, замечания и лекции о русской истории») поддерживал теорию официальной народности, выраженную в триаде «православие, самодержавие, народность». Считал, что российская история может сделаться охранительницей общественного спокойствия, следовало лишь обращать внимание на успехи и победы, обходить теневые стороны прошлых веков. Сделал попытку обоснования идеи особого пути российского государства, противопоставлял Россию и Запад. Поддерживал норманнскую теорию, но особо подчеркивал, что в России имело место добровольное приглашение иноземных князей. И это повлияло на все, так как начало государства является краеугольным камнем истории, самой существенной частью, навеки решающей его судьбу. «Взгляните на два зерна: они почти одинаковы... но дайте время этим семенам развиться, вырасти и вы увидите, что из одного возникнет дуб, а из другого пальма...». На Западе происходило покорение: франки покорили галлов, норманны – бриттов, вестготы – испанцев, и у них все время шла борьба. В России же добровольное призвание привело к полному признанию самодержавной власти государя, установилось единение царя и народа, возникли гармоничные отношения между помещиками и крестьянами. Христианство на Западе было введено мечом, в России – крестом. По мысли Погодина, внешние силы играли большую роль в русской истории: норманнами был создан первый период русской истории, монголы определили переход к единодержавию Ивана III, реформы Петра I и влияние европейских идей определили последний период русской истории. Подчеркивал исключительность, богоизбранность русского народа. В России в средние века существовало самоуправление, патриархальные свободы, семейное равенство, общее владение, мирская сходка. К этому Запад будет стремиться в новое и новейшее время, а в России с согласия царя и народа это существовало уже в средние века. В полемике со скептиками признавал «Русскую правду» судебником XI – XII вв., доказывал правильность датировки и достоверность ПВЛ. В работе с источниками использовал так называемый математический метод – выписывал из источников параллельные места и сопоставлял одно с другим, не делая обобщений. Суммирование показаний источников являлось для него конечным итогом всей исследовательской работы, а не отправным моментом исторического анализа. Критически оценивал некоторые положения «Истории...» Карамзина. В частности, писал, что Иван Грозный никогда не был велик, это был ничтожный человек, просто в первый период правления на него влияли люди, заботившиеся о стране, а во второй – о своих интересах. Погодин поддерживал теорию безуказного закрепощения крестьян (Карамзин писал о одновременном закрепощении). Считал, что петровские реформы оказались полезными для России и были осуществлены в соответствии с истинным народным духом. Качества русского народа оценивались Погодиным очень высоко, а о других народах допускались уничижительные высказывания. Русскому народу присуща сила, целостность, единодушие, терпение, покорность. В то время как в других странах существовали распри, дробность, слабость. Разврат во Франции, леность в Италии, жестокость в Испании, эгоизм в Англии.

Н.Г. Устрялов («О системе прагматической русской истории», «Русская история», «История царствования Петра Великого») считал, что в центре внимания историка должны стоять исторические события, в которых проявляла себя государственная жизнь. От монархов и людей, их окружавших зависели переходы из одного положения в другое.

Историк должен показать постепенное развитие общественной жизни. Каждое явление является следствием предыдущего и причиной последующего. Все события связаны неразрывной цепью. Противопоставлял развитие России и Западной Европы. Религия и самодержавие слились с русской жизнью, остались неприкосновенными и служат залогом процветания страны. Русская история носила мирный характер. Устрялов высоко оценивал заслуги Карамзина, в то же время указывал, что надо изображать общие явления, а не биографии князей и царей, находить историческую нить событий. Выделял два периода в русской истории: древняя история - от начала Руси до Петра I и новая история – от Петра до смерти Александра I. Был не согласен с теми, кто выделял среднюю историю. Основная идея и направление русской истории – объединение русских земель в одно государство. Этот процесс един вплоть до Петра I. Возникновение у восточных славян гражданского общества и закрепление территории было связано с установлением власти норманнского князя. Принятие христианства способствовало слиянию разноплеменных областей русской земли в одно государство. Окончательно устройство государства произошло при Ярославе Мудром. Разделение на уделы не привело к уничтожению Руси (распространялся один язык, вера, гражданские уставы, сохранялась мысль о единой державии). Монгольское завоевание, нашествия с Запада привели к разделу Руси на западную и восточную. Монгольское иго не оказало влияния на государственное устройство восточной Руси. В XIV в. происходит великий переворот – собирание земель восточной Руси в Московское государство. Оно избавилось от ига, от удельной системы и образовало Русское царство, во главе с самодержцем. В это же время западные земли соединились в Великое княжество Литовское. Самозванцы попытались уничтожить русское царство, а после смуты русские цари стремились благоустроить государство. Петр совершил беспримерный подвиг, преобразовав себя и свой народ, усвоил плоды европейской цивилизации, превратив царство в империю. Преемники Петра продолжили его дело, завершила которое Екатерина II, соединив почти все русские земли. Петр преобразовал полуазиатскую жизнь россиян в европейскую, преодолел презрительное отношение ко всему иностранному, ненависть к новому и при этом не нанес вреда основным началам народности.

Оформление государственной школы в работах К.Д. Кавелина. К.Д. Кавелин (1818–1885 гг.) является первым теоретиком государственной школы в русской историографии. Труды – «Взгляд на юридический быт Древней Руси», «Мысли и заметки о русской истории», «Краткий взгляд на русскую историю». Государство признавалось творцом истории и высшим достижением человеческого прогресса. Признавал целостность и единство исторического процесса, указывал на постоянные изменения вследствие внутренних причин, показывал взаимосвязь всех явлений и процессов. Весь процесс исторического развития он представил в виде последовательной смены трех основных этапов: на первом этапе господствовали родовые отношения, на втором – вотчинные, на третьем – государственные. Распад кровного родового начала привел к созданию территориальной общины и вотчинного владения, устраняя в результате внутреннего развития вмешательство варяжских дружин. При переходе вотчины в государство в процессе складывания Московского государства была устранена роль монголов. Он считал, что единый княжеский род, сообща владевший русской землей, распался на семьи после Ярослава Мудрого. В результате победы семейного начала над родовым возникли уделы. Вотчинная система, выросшая из уделов, утвердилась в эпоху московских князей, базировалась на частном праве владельца-вотчинника, привела к победе территориальных отношений над кровными. Начало перехода к государственным началам он связывал с деятельностью Ивана Грозного, а завершение – с реформами Петра Великого. Выделял только двух крупных деятелей в русской истории – Ивана IV и Петра I. Кавелин в отличие от предшественников сочувственно относился к борьбе Ивана Грозного с боярством за утверждение самодержавия. Говорил о включенности русской

истории в мировую историю при сохранении своеобразия национального пути развития. Отличительными чертами русской истории он называл:

- принятие христианской веры восточного толка
- постепенное расселение великороссов, колонизация ими земель
- Россия не подвергалась влиянию завоевателей
- Россия не имела в своем распоряжении наследия культурных просвещенных народов
- чрезвычайная замедленность процесса развития личности, выработки норм гражданской жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. / М.А. Барг. – М., 1984.
2. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
3. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 2. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
4. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2
5. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4
6. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Изд-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 9

Российская историческая наука второй половины XIX в.

Государственная школа и деятельность В.О. Ключевского. Последнюю треть XIX в. можно считать наиболее плодотворным периодом развития русской исторической науки. В это время увеличивается количество и качество исследований, в научную жизнь входят десятки новых хорошо подготовленных историков, наука начинает функционировать как целостная система, в которой сосуществуют и взаимодействуют различные направления и школы. Большую роль в развитие общественной мысли и исторической науки сыграли реформы 1860–1870-х гг. Дальнейшее расширение контактов с учеными Европы, признание, которое получил у них ряд новаторских работ российских «всеобщих историков» («русская школа»), также благоприятствовали подъему исторической науки в России,

Обострение идейно-политического противостояния в обществе, оппозиционные по отношению к власти настроения, охватившие значительную часть российской интеллигенции, повлекли за собой усиление тенденциозности в исторических исследованиях. Идейная исходная позиция автора стала оказывать гораздо большее влияние на характер и результаты исследования, нежели это было в предыдущие десятилетия. Подобное явление было характерно для ученых, разделявших демократические взгляды.

В мировоззренческом плане наиболее характерным явлением стало ослабление влияния в России гегельянства и широкое распространение идей позитивистской философии, для которого было характерно преклонение перед наукой, отказом от всеобщей детерминированности и акцентом на выявление конкретных причинно-следственных связей, особым вниманием к социальным факторам развития. Русские историки понимали философию позитивизма узко програтично, обращая внимание на социальные стороны истории, роль личностного фактора, естественно-природные аналогии. В исследованиях преобладали эмпирические методы исследования над анализом, оставаясь равнодушными к общефилософским построениям О. Конта, Дж. С. Милля или Г. Спенсера.

Преобладающее влияние позитивизма в отечественной исторической науке связано с тематикой исторических исследований, приемами работы историков с эмпирическим материалом, в общем, усилении многофакторного подхода в понимании движущих сил исторического процесса.

На отечественную историческую науку так же влияли новейшие веяния исторической науки Западной Европы, переживавшей с середины XIX в. период качественного обновления. Наиболее заметным это влияние было среди отечественных античников и медиевистов, однако в опосредованном виде оно проявилось и в работах по российской истории,

Успехи исторических исследований в России были бы невозможны без существенных сдвигов в источниковой базе, В научный оборот был введен массив документов социально-экономического характера, источников по местной истории, из частных архивов. Большую роль сыграло начало широкого применения археологических данных. Прогресс, достигнутый в области источниковедческого анализа благодаря работам К.Н. Бестужева-Рюмина, А.А. Шахматова, позволил по-новому подойти к пониманию уже хороша известных источников по древней русской истории, прежде всего летописей. Суммарным выражением этих качественных сдвигов в российской исторической науке стали возникновение новых научных направлений и тенденций.

В 1870-е гг. завершилась публикация «Истории России» С.М. Соловьева, дальнейшее развитие получила деятельность К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Развертывалась научная деятельность В.О. Ключевского П.Н. Милюкова, М.М. Богословского, А.А. Кизеветтера.

Основные постулаты государственной школы были выражены в и идее единства и органичности исторического процесса, влияние географической среды, роли государства и его институтов. На рубеже веков они сохранили свое господствующее положение и не подвергались в работах историков этого периода. Однако позитивистские веяния в отечественной мысли не миновали и историков-государственников.

Во-первых, это ослабление свойственной первым работам «государственников» тенденции к поиску глобальных закономерностей исторического процесса и, наоборот, усиление внимания к выявлению конкретных причинно-следственных связей на сравнительно небольших и целостных периодах отечественной истории. Во-вторых, это последовательный отказ от монизма в пользу идеи многофакторности исторического процесса. В-третьих, введение в поле исследований проблем социальной и духовной истории России, которым ранее отводилось незначительное место.

Естественно, что в наименьшей степени подобные новшества затронули основателей государственной школы. Однако последние тома «Истории России», а в еще большей степени некоторые работы С.М. Соловьева 1870-х гг. («Наблюдения над исторической жизнью народов» и «Начала русской земли»), позволяют с большой степенью обоснованности говорить об окончательном переходе историка на позиции многофакторности исторического процесса. Для «позднего» С.М. Соловьева также становится характерным нарастание исторического пессимизма, возникновение сомнений в поступательности и непрерывности исторического развития.

Определенной эволюции подверглись исторические взгляды К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. В работах Кавелина 1870-х – 1880-х гг. носили синтетический характер, в них исторический материал рассматривался в контексте философских размышлений автора. На первый план вышли проблемы личностного начала в истории, относящиеся ко времени петровских преобразований.

Б.Н. Чичерин до конца жизни остался последовательным гегельянцем и противником позитивизма. Основную часть его творчества составили работы по философии, истории политических и правовых учений. Обращение к историческому материалу приняло у него форму анализа юридической стороны русского исторического процесса. Работы Б.Н. Чичерина этого периода в полной мере подтверждали справедливость определения всего направления в историографии как «юридического».

Дальнейшим развитием юридического направления государственной школы стали работы Л.Д. Градовского и В.И. Сергеевича Л.Д. Градовский посвятил свои работы исследованию системы местного и высшего управления в России, В.И. Сергеевич – изучению общей эволюции правовой системы России. Принципиально важным объединяющим моментом их работ стало понимание самодвижения общества как преимущественно саморазвития правовых институтов от частного права к праву публичному.

Решающую роль в развитии государственной школы сыграли работы В.О. Ключевского. На формирование его исторической концепции повлияла философия позитивизма. Свой собственный исследовательский метод он определял как социологический, Его подход к позитивизму носил преимущественно инструментальный характер. В.О. Ключевского интересовали не общетеоретические построения позитивизма, а те познавательные возможности, которые он открывал для конкретного историка. Он считал необходимым ввести в качестве самостоятельных сил исторического развития социальные и экономические факторы. Исторический процесс в его представлении есть результат непрерывного взаимодействия всех факторов, в котором задача историка сводится к выявлению их конкретного взаимоотношения в каждый конкретный момент развития, а не к построению глобальных исторических схем.

Социологический метод означал для В.О. Ключевского тщательное исследование степени и характера хозяйственного развития страны, тесно связанных с природно-географической средой, а также детальный анализ социальной стратификации общества

на каждом этапе. В результате исторический процесс принимал у В.О. Ключевского более объемные и динамичные формы в отличие от его предшественников.

Понимание общего хода русской истории В.О. Ключевский наиболее сжато представил в периодизации, выделяя четыре этапа:

- VIII–XIII вв. – Русь Днепровская, городова, торговая;
- XIII – середина XV в. – Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая;
- середина XV – второе десятилетие XVII в. – Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая;
- начало XVII – середина XIX в. – период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного, земледельческого и фабрично-заводского хозяйства.

Новую трактовку В.О. Ключевский дал проблеме колонизации в русской истории. Разделяя положение С.М. Соловьева о связующей линии колонизационных процессов в формировании Русского государства, он обратил внимание на зависимость от характера колонизируемого пространства направление развития общества. В период массовой миграции населения в районы Северо-Восточной Руси колонизация способствовала становлению вотчинного хозяйства и децентрализации государства, а продвижение населения на восток в последующие века русской истории, наоборот, резко стимулировало становление единого самодержавного государства.

Наиболее значительным научным трудом В.О. Ключевского, в полной мере продемонстрировавшим его исследовательский талант, стала докторская диссертация «Боярская дума Древней Руси». В ней он показал развернутый социальный портрет боярского сословия, его экономическую и социально-политическую роль.

Наиболее известным его произведением оказался «Курс русской истории», в котором В.О. Ключевский дал целостное изложение русской истории на основе социологического метода. Последовательность и логичность изложения, пристальное внимание к социально-экономическим факторам развития, анализ культурной, духовной жизни русского общества на разных этапах его развития, ясный и образный, легко запоминающийся язык обеспечили этому произведению роль основного источника систематических знаний по русской истории. «Курс русской истории» стал ярким явлением в историографии и вышел далеко за пределы чисто учебного издания. Расширенное понимание многофакторности исторического процесса в сочетании с традиционными постулатами государственной школы позволили довести до логического предела ту концепцию русского исторического процесса, которая была заложена С.М. Соловьевым. В этом смысле труд В.О. Ключевского стал рубежным для развития не только собственно государственной школы, но и всей исторической науки в России, завершая традицию века XIX и предвосхищая новаторские поиски XX в.

Московская и петербургская исторические школы. В последние десятилетия XX века можно зафиксировать усилившийся интерес к проблеме региональных школ в исторической науке. «Школьный пласт» исследований предполагает реконструкцию внутринаучных коммуникаций, на что обращают внимание такие отечественные авторы, как Б. С. Каганович, В. С. Брачев, С. Н. Погодин, Г. П. Мягков, Е. А. Ростовцев и др. В центре внимания практически всех современных исследователей является проблема Московской и Петербургской школ русских историков.

Феномен Московской школы не стал до сих пор предметом специальной исследовательской программы, исключение составляют статьи Д.А. Гутнова, Т. Эммонса (профессор Стенфордского университета), А.Н. Шаханова. Более последовательно изучается петербургская историческая школа в работах Б.С. Кагановича, С.В. Чиркова, А. Н. Цамутали, С. Н. Погодина и др. Д.А. Гутнов в статье об исторической школе московского университета придерживается иерархического подхода к определению школы. В тоже время он признает, что в рамках исторической школы Московского университета развивались два самобытных, тесно связанных друг с другом направления

изучения истории – русской (В.О. Ключевский) и западной (П.Г. Виноградов). Гутнов доказывает сходство этих школ по таким параметрам как общие методологические установки (позитивизм), внимательное отношение к историческому источнику, социальная направленность исследования и как отражение этого преимущественное внимание «к изучению социально-политических процессов развития общества». На основании этого он делает вывод о единой исторической школе Московского университета.

Петербургская историческая школа формировалась на протяжении XIX- XX вв. У ее истоков стоял историк-всеобщник М. С. Куторга, а «завершение процесса ее создания стало творчеством А. Е. Преснякова», который впоследствии выступил и ее историком. Доминирующую черту этой школы он охарактеризовал как «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции».

В современных исследованиях можно выделить две точки зрения на эволюцию Московской и Петербургской школ. Для большинства авторов характерно противопоставление этих школ. Так, С.В. Чирков констатирует, что Петербургская историческая школа оказалась сложным и неоднородным организмом и в конце XIX в. распадается на две школы – С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского. С.В. Чирков настаивает на мысли, что, несмотря на различия, их объединяло противопоставление Московской исторической школе. Это обстоятельство связано с особенностями формирования самосознания научной школы, в котором отражаются антиномии социально-психологического порядка: «мы и они». Чирков ставит вопрос о признаках, по которым атрибутировались историки московские и петербургские. Различие между школами он обнаруживает «в нижнем этаже» изучения материала источников, в отношении историков к письменному памятнику и источнику, слову, «в тех корнях исследовательской методики, которую можно обозначить как культуру исследования». С.В. Чирков считает целесообразным различать научные школы как «различные типы научной культуры», т.е. изучать «типологию научной культуры, передача традиций которой “является одной из важнейших функций научной школы».

А.Н. Цамутали, В.С. Брачев, В.П. Корзун полагают, что в начале века происходит сближение школ и складывается так называемая «новая волна» историков. Акцент делается на расширение межшкольных связей между представителями этих школ, на общности исследовательской ситуации рубежа веков, на компромисс С. Ф. Платонова с Московской школой.

Исторические взгляды С.Ф.Платонова. Ярким представителем петербургской исторической школы стал С.Ф. Платонов, на научную деятельность которых оказал влияние профессор русской истории К.Н. Бестужев-Рюмин, а так же лекции профессор-юристов А.Д. Градовского и В.И. Сергеевича. По словам Платонова им он «обязан тем, что сделался историком» и «юные мечты о философско-литературном образовании и поэтическом творчестве... сменились склонностью к изучению русской истории». Особый интерес у Платонова вызвали взгляды московского профессора В.О.Ключевского. Платонова привлекала «широта исторического знания и полная, как ему казалось независимость от корифеев историко-юридической школы».

Формирование взглядов С.Ф. Платонова происходило во время усиления влияния позитивистской парадигмы, сущность которой «можно определить как сугубо сциентистскую ориентацию на превращение истории в точную науку в соответствии с эпистемологическими идеалами определенного этапа и состояния научно-исследовательской практики». Позитивистская парадигма привлекала историков своими идеями о закономерном прогрессивном характере исторического процесса, уверенностью, что в исторической науке можно достичь объективности, как и в естественнонаучных дисциплинах. Представление же о научно-историческом знании на определенных этапах

развития позитивизма было неодинаковым и находилось в тесной связи «с появлением новых научных дисциплин и расширением междисциплинарных научных исследований».

Жесткой позитивистской привязке к источнику следовал Платонов в своей конкретной историографической практике. Уже в ранний период творчества историк очерчивает свой интерес к проблемам Русской Смуты описанием и критикой источников. Платонов считает необходимым изучение историко-социальных вопросов Смуты, но рано убеждается, в неподготовленности источниковой базы для осуществления подобного рода задачи.

Представления молодого С.Ф. Платонова о модели исторического исследования основывались на убеждении в том, что историческая наука в целом еще не готова к широким обобщениям, особенно относительно истории древней, допетровской России. Главную задачу историка он видел в подготовке источниковедческой базы науки, т.е. в открытии и введении в научный оборот новых ранее неизвестных исторических источников.

Он выработал следующий порядок работы:

- выявление всех подлежавших исследованию сочинений, как изданных, так и находящихся в рукописях;
- выделение самостоятельных произведений «из массы компиляций и подражаний»; и их изучение в хронологическом порядке написания, а потом и зависимых от них компиляций и подражаний.

В предисловии к изданию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» Платонов отмечает вопросы, которые ставит перед собой при изучении каждого памятника:

1. определить время его составления и указать личность составителя;
2. выяснить цели, которым руководился составитель, и обстоятельства, при которых он писал;
3. найти источники его сведений и, наконец, характеризовать приблизительно степень их общей достоверности или правдоподобности его рассказа.

Для сбора сведений о неизданных текстах Платонов ездил в Москву и в некоторые монастыри. Но успешно завершить труд помогли ему в Археографической комиссии, обеспечив возможность получения рукописей из провинции (Временник дьяка Ивана Тимофеева). Работа велась собственно в историческом и в источниковедчески-археографическом планах. Это предопределило дальнейший путь исследователя. Платонов, развивая вкус к описанию и публикации рукописных текстов и навыки в этих сферах деятельности, стал выдающимся археографом, участником начинаний Археографической комиссии, а позднее и возглавил ее.

История для Платонова есть наука, «изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места», главной целью которых было систематическое изображение развития и изменения жизни отдельных исторических обществ и всего человечества. Историк отрицательно относится к попыткам ученых раскрыть общие законы общественной жизни, считает их ничем иным, чем присвоением истории задач социологии. Как и Ключевский, Платонов подразделяет историю на всеобщую и местную и реконструирует предметную область каждой из них, но при этом фиксирует особенность русской историографической традиции. По Платонову, русский историк не может руководствоваться широким идеалом обобщения исторического синтеза, воссоздающего общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только в прошлом, но и в будущем человечества.

Историк, по мнению Платонова, изучает только один факт мировой исторической жизни - жизнь своей национальности и таким образом может положить и свой камень в основание общеисторического синтеза. Оставаясь на позициях академического

позитивизма, Платонов считает, что для того, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете.

Задача историка:

- 1) собрать исторические материалы;
- 2) исследовать их достоверность;
- 3) восстановить только отдельные исторические факты;
- 4) указать между ними прагматическую связь;
- 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину.

Платонов ставит также вопрос о практической значимости исторической науки и задачах историописателя. В то же время Платонов осознает сложность механизма проникновения исторических взглядов в массовое сознание: «Историк дает обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него».

С.Ф.Платонова часто называют историком одной темы - а именно - русской Смуты XVII века. Его популярный курс лекций по русской истории дает основание нам говорить об общей концепции истории России. Начальной точкой русской истории Платонов считает образование Киевской Руси. По его мнению, вопрос о начале государства на Руси, связанный с вопросами появления «чуждых князей» - варягов вызвал ряд исследований, не позволяющих вполне верить той летописной легенде, которая повествует о новгородцах, что они, наскучив внутренними раздорами и неурядицами послали за море к варягам-руси с знаменитым приглашением».

Платонов, как и его предшественники Соловьев и Ключевский существенным фактом русской истории считает колонизацию и фиксирует перемещение ядра государственности в Северо-Восточную Русь. По Платонову, отличительные черты истории каждого народа во многом предопределяются природой и географическими условиями страны, которые и определяют «коренные начала» русской истории. Таким "коренным началом", отправной точкой, определившей особенности русской истории на много столетий вперед, является у него военный характер Московского государства. Отметим, что эту мысль последовательно проводил Ключевский в своем курсе русской истории. Уже в XIII веке определились, по мнению С. Ф. Платонова «те обстоятельства, которые направляли в течение многих веков и внешних стремления русского племени и его внутреннюю организацию». Обстоятельства эти – внешняя агрессия, когда почти одновременно с трех сторон, великорусское племя было окружено врагами, действовавшими наступательно: «Главной задачей племени стала поэтому самозащита, борьба не за свободу (она была отнята татарами), а за историческое существование, за целостность племени и религии. Эта борьба продолжалась сотни лет. Благодаря ей легче должно было принять чисто военную организацию и постоянно воевать на три фронта...». С одной стороны, эта борьба «направляла» всю внешнюю политику государства вплоть до Петра Великого, и закончилась уже при Екатерине II достижением «полной безопасности и естественных границ». С другой – чисто военная государственная организация, (закрепление сословий), которую вынуждено было принять сформировавшееся во второй половине XV века национальное Великорусское государство надолго, на много столетий вперед предопределила внутривосточное развитие страны, в т.ч. и знаменитую Смуту начала XVII века.

В концептуальном плане «Лекции» С.Ф. Платонова вобрали в себя все лучшее, что могла дать русская историческая наука конца XIX – начала XX вв. Безусловный интерес представляют лекции С.Ф. Платонова и в методическом плане. Читатель и слушатель должен был размышлять вместе с автором не только об исторических исследованиях, но и о путях признания этих явлений. На это работала структура и язык лекций. «Введение к лекциям» включало два раздела – «Обзор русской историографии и обзор источников русской истории». Платонов, по определению С.О. Шмидта, был замечательным мастером приобщения к своей мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. М.А. Барг. - М., 1984.
2. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
3. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 2. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
4. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2
5. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4
6. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 10

Отечественная историография на рубеже XIX–XX вв.

Кризис исторической науке на рубеже XIX–XX вв. Понятие «кризиса науки» теснейшим образом связано с понятием революции в науке. Кризис выступает как проявление «разбалансированности» парадигмы как сигнал к смене инструментов.

Различные трактовки этого термина отразили серьезную эволюцию научного сообщества, преодолевающего идеологические тиски и стандарты.

В 1920–1940-е гг. понятие кризиса относится к исключительно буржуазной науке. Историки обращают внимание на реакционную окраску поворота исторической науки от материалистического к идеалистическому мировоззрению, констатируют тяготение буржуазных историков к теологии, к «средневековому мракобесию», направленность против идей социализма.

С середины 1950-х гг. в связи с некоторым ослаблением идеологического прессинга, возрождается интерес к проблеме кризиса историографии. Так, А.И. Данилов в статье посвященной анализу идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского подчеркивает, что этот кризис был прежде всего методологическим. В публикации М.А. Алпатова сделал новаторский вывод о том, что «кризис буржуазной исторической науки не означает, что прекращается всякое развитие этой науки».

В 1960–1980-е гг. Л.В. Черепнин считал, что кризис буржуазной историографии «... нашел наиболее яркое выражение в широком распространении реакционных, идеалистических, субъективистских теорий, ставших методологической основой взглядов и концепций».

Неудовлетворенность указанной теоретической моделью кризиса отчетливо обнаружилась в конце 1970–1980-х гг., когда исследователи стали обращать внимание на закономерность, сложность и противоречивость данного процесса, на его социальные и гносеологические корни, хотя постоянно подчеркивался уход от концептуального осмысления истории и широких обобщений. Усложняется само понимание кризиса науки. Исходя из того, что кризисы выступают как существенные моменты в движении внутренних противоречий, присущих явлениям и процессам, авторы (И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло) пытаются обозначить механизм этого движения.

В этот период авторы призывали учитывать внутренние и внешние факторы развития науки. Однако в попытках определить этапы кризиса на первый план выходили проблемы социальности. Такие исследователи как О.В. Волобуев, Е.В. Гутнова, А.И. Данилов, Б.Г. Сафронов, начало кризиса связывают с крахом либерализма в ходе революции.

М.А. Алпатов, И.Д. Ковальченко, А.М. Сахаров, Л.В. Черепнин началом кризиса считали 90-е годы XIX в., когда происходило соединение стихийного рабочего движения с марксизмом. С точки зрения А.Г. Слонимского начало кризиса относится ко времени первой революционной ситуации в России. В отличие от всех вышеназванных авторов, Слонимский акцентирует внимание на процессе создания собственно новых концепций исторического процесса.

В 1990-е гг. был поставлен вопрос: на рубеже XIX–XX вв. был кризис или расцвет исторической науки? Многие исследователи стали рассматриваться рубеж веков как взлет, расцвет и т.д. Интерес представляют в этом плане материалы круглого стола, организованного Научным Советом АН СССР по историографии и источниковедению в Москве в конце 1989 г. Здесь И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло определили кризис как нормальное состояние развития исторической науки, как завершение определенного этапа в развитии явления или процесса. Разрешение кризиса, по их мнению, приводит к возникновению нового качества, т.е. к приобретению новой внутренней сущности, а, следовательно, и нового соотношения единства и борьбы присущих им противоположностей. В дальнейшем кризис стал рассматриваться исключительно как явление политического порядка, и при этом игнорирование внутренних закономерностей

развития науки, и противопоставление логик развития советской историографии и зарубежной (европейской и американской), стало общим местом новых историографических работ.

По мнению Б.Г. Могильницкого, «кризис – это такое состояние науки, когда старая парадигма уже разрушена, или разрушается, а новая еще не создана и в сообществе историков возникает сознание, что что-то не то, что-то не так». Эта позиция историка послужило толчком для перевода проблемы в новую плоскость – изучение формирования нового идеала исторической науки, который является, как правило, плодом длительной рефлексии историка о своей науке; изучение научного сообщества с его настроением.

Конкретные историографические практики, посвященные данному сюжету, убеждают нас, что *кризис науки – это явление не только закономерное, но и плодотворное, отмеченное небывалым интеллектуальным напряжением.*

Говоря о кризисе в русской исторической науке на рубеже XIX–XX веков еще раз подчеркнем, что это не был период «худосочия» научной деятельности, упадка сил историко-научного сообщества. «Плоды созревают осенью». Действительно, именно в этот период появляются работы, являющиеся фундаментальными для современных историков и сохраняющие свою научную ценность. Это труды В.О. Ключевского и Н.И. Кареева, стремительным шагом входила в науку новая плеяда молодых историков П.Г. Виноградова, П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.П. Павлова-Сильванского и др. Выдающиеся историки второй половины XIX в. неизменно входили в круг интеллектуальной элиты своего времени и их влияние простиралось далеко за узкопрофессиональные рамки.

В трудах этой генерации ученых мы встречаемся с фиксацией собственного смутно возникавшего настроения неудовлетворенности, уходил мир ясной наглядности. «Мы знаем, что в исторической жизни, как и во всем мироздании должна быть своя закономерность, необходимая связь причин и следствий, но при наличных средствах исторической науки наша мысль не в состоянии проникнуть в эту логику жизни и довольствуется наблюдением преемственности ее процессов», – писал в 1903 г. в дневнике В.О. Ключевский.

Главной онтологической причиной кризисных явлений в историографии следует признать усложнение существования человечества в XX в., связанное с его вхождением в индустриальную эпоху, эпоху неуклонного развития техники, быстрых политических и социальных преобразований и катастрофического изменения устоев жизни.

Мир на рубеже веков совершенно неожиданно открылся очень глубоким, проявились многие его грани, которые раньше были скрыты от внешнего взора. Телеграфное сообщение, радио «сжало» горизонталь, смогло моментально передавать мысль на громадные расстояния за очень короткие промежутки времени. Открытие сложности и бесконечности атома послужило толчком к изучению микрочастиц. Просыпалось ощущение того, что если физически мир чрезвычайно разнообразен и глубок, то под всем этим кроется глубокая метафизическая основа. В умонастроениях просвещенной публики весьма отчетливо прослеживались мистические ноты, сочетающие безумный восторг, надежды и ужасные предчувствия и внутреннее содрогание от неотвратимости войны и социальных потрясений.

Постепенно начал ощущаться кризис естественнонаучного знания, не поспевающего за широкомасштабными элементами нового в физической, политической, социальной реальности. Начало нового века и нового неклассического естествознания совпали с точностью до нескольких месяцев (открытие рентгеновского излучения, радиоактивности, электрона, явления фотоэффекта, выдвижение гипотезы квантов и теории относительности). Главным из изменений была постепенная девальвация механицизма как универсального подхода ко всем природным и социальным явлениям. Стихийно-материалистическое мышление физиков, сформированное предшествующей эпохой, оказалось не подготовленным к существенной ломке традиционной картины мира. Был

найден выход к феноменализму и агностицизму, центральным тезисом так называемого «физического идеализма» начала века стал тезис «материя исчезла».

Кризис физической картины мира нашел свое отражение и в комплексе социальных наук, где глобальность и сложность социальных изменений и слабость научно-исследовательского и философского инструментария для их осознания были поняты многими учеными. Скепсис по отношению к идее социального прогресса, связанный с научной критикой позитивистского представления о прямолинейности прогресса, упал на благоприятную почву.

Совершенно особым своеобразным мы видим отражение онтологических и гносеологических причин кризиса познания на примере русской исторической науки. В стране, где имела место многоукладная экономика, где еще не завершился процесс капиталистической индустриализации, не закончились процессы классового образования, где лишь зарождались элементы гражданского общества остро стоял вопрос о выборе пути развития. Историческая наука балансировала между стремлением отвечать на запросы жизни, что подпитывалось претензиями позитивизма и классическим историзмом, и желанием отстраниться от идеологической борьбы и политических баталий.

Прежний идеал научного работника, годами и десятилетиями просиживающего за домашним рабочим столом или в архиве постепенно уходил в прошлое. Русские историки активно принимали участие в избрании в Думу (В.О. Ключевский, П.Н. Миллюков, А.А. Кизеветтер), публиковали острые общественные статьи, участвовали в создании и функционировании политических партий. Ресурс времени, который мог быть использован для плодотворной научной деятельности для некоторых историков все больше поглощался непрофессиональной, слабо или вовсе не связанной с исследовательской работой (Н.А. Рожков, М.Н. Покровский).

Быстротекущие социальные процессы смели многие прежние схемы объяснения прошлого. Это настроение разочарования и неуверенности подпитывалось и логикой внутреннего развития науки, что можно проследить по нескольким направлениям.

1) Перед лицом новых исследовательских задач добротный профессионализм европоцентристской модели оказался неэффективным, а сложившиеся под влиянием позитивистской парадигмы методы исследования необходимо было преодолеть. Задачи обобщения, генерализации требовали, преодолеть эту связь с источником путем повышения статуса субъекта исследователя. Позитивистские исследования в самых различных областях истории с неизбежностью привели к постановке проблем о глубоких и разносторонних связях культур и цивилизаций, и, как отметил Л.Февр, познания наши превысили меру нашего разумения.

2) В начале XX века в историографии наблюдаются генерализирующие тенденции, связанные с новым этапом самосознания науки. Глубинные основания данного процесса просматриваются в кризисе позитивистской доктрины, в осознании ценности «целокупного» знания, закономерной смене дифференциации наук интеграцией.

Возросшее самосознание научного сообщества находит отражение в мемуарной и юбилейной литературе, посвященной академической традиции, в новых формах институционализации и организации науки. В связи с этим, особое внимание обращают на себя такие грандиозные, коллективные проекты, как: празднование 200-летия со дня рождения М.В.Ломоносова, создание специальных комиссий («Ломоносов и Елизаветинское время», по празднованию 300-летия дома Романовых, «Русская наука» и др.).

Таким образом, еще на рубеже XIX–XX веков, мы можем наблюдать первые шаги на пути смены индивидуального стиля работы – коллективным. То есть, ситуация в исторической науке подтверждает тезис историка науки С. Д. Хайтуна о соответствии определенных организационных форм науки этапам ее легитимации. При этом он выделяет три этапа эволюции этих форм:

- преимущественно индивидуального научного труда;

- дисциплинарной науки;
- науки, организованной по проблемному принципу.

Такая ситуация в науке, безусловно изменяла конфигурацию традиционных научных школ и сопровождалась конфликтностью.

В историографии проблемы кризиса все исследователи отмечали методологическую напряженность, диалогичность в области поиска новой теории исторического процесса, в частности, обратили внимание на смену методологической проблематики с вопроса о движущих силах исторического процесса к проблемам познания исторического процесса.

Последнее с наибольшей последовательностью и отчетливостью нашло отражение в новой методологической доктрине неокантианства. При этом отечественные историографы проделали эволюцию от отрицательной оценки такой переориентации к признанию значительного вклада в разработку проблем исторического познания и в интерпретацию исторического источника как сгустка культуры., а в конкретно-историческом исследовании расширение проблематики. Общее направление изменения образа науки в конце века достаточно выяснено: разрушалось представление о науке как застывшей форме знаний, содержащей в окончательной форме ответы на все вопросы, утверждался образ науки, находящейся в постоянном движении. В связи с этим остро встал вопрос о субъекте познания, специфике исторического познания. При этом строителями нового образа науки выступили неокантианцы, но проблемы исторической интерпретации разрабатывались и в позитивистской, и в марксистской историографии. Хотя, в целом, тенденция релятивизации исторической гносеологии прошла мимо марксизма, который без гносеологического оптимизма не мог обосновать свою практически-идеологическую значимость. При становящемся типе научности истории, множественность интерпретаций была не просто уделом переходного периода, но нормой самого типа научности, так как нормой становился поиск.

Таким образом, нарастающий перелом, искания новых методологических оснований, новых ценностных ориентиров, переживаемый всей культурой захватывает историческую науку, как социальный институт и одновременно, имманентный. В основе этого сложного процесса лежит совокупность следующих причин:

- онтологических, связанных с масштабностью и быстротой изменения
- основ физического и антропологического бытия в XX в.,
- гносеологических, базирующихся на кризисе естествознания
- вызванного этим появления многообразия историко-научных доктрин,
- аксиологических и мировоззренческих изменений, обусловленных
- трансформацией идеала научного знания под влиянием социальных реалий начала XX века и возрождения религиозных основ мировоззрения представителей русской интеллигенции.

Подводя итог данному разделу, заметим, что в истории науки бывают такие периоды, когда нужно взять паузу. Представляется, что категория «кризис науки» в данном историческом контексте не то чтобы исчерпала свои эвристические функции, но приобрела устойчивый оценочный (хотя и диаметрально противоположный) стандарт, что не способствует рациональному осмыслению интереснейшего периода в истории русской исторической науки.

Исторические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского. Другим представителем Петербургской научной исторической школы стал А.С. Лаппо-Данилевский, на формирование мировоззрения которого сильное воздействие оказал его глубокий интерес к религии и философии. Он с ранней юности сильно и глубоко был проникнут «религиозностью...», постоянно владевшую им мыслью о Боге, неослабном стремлении озарить повседневность образами высшего, вечного, встать под покровительство абсолютного начала». Постоянный, глубоко интимный интерес к идеальному способствовал формированию, в конечном счете, как историка-неокантианца.

Для духовного облика А.С. Лаппо-Данилевского характерной является вера в науку и вера в Бога. Еще будучи молодым человеком, он записывает свои идеи в альбом, хранящий отпечаток духовного богатства автора. «Как ум наш не может постигнуть бесконечности Вселенной, так душа не может осознать абсолютного божества – Бога».

А.С. Лаппо-Данилевский своим творчеством знаменовал преодоление классического позитивизма и становление неокантианства. Уже в ранних работах историк придавал первостепенное значение общим понятиям для уяснения процесса исторического развития.

В одном из лекционных курсов по русской истории (1891–1892 гг.) А.С. Лаппо-Данилевский воспроизводит позитивистскую модель исторического исследования. Изучение истории должно сводиться к:

- сборанию материала;
- его классификации;
- критике;
- объяснению;
- осмыслению.

Русская история, по Лаппо-Данилевскому должна заниматься изучением явлений развития, обнаружившихся в живом взаимодействии духовных, хозяйственных и правовых интересов древнерусского населения. Толкование причинности исторического процесса также вполне вписывается в позитивистский дискурс – ее необходимо разложить на мельчайшие производные. Изучая причинность в соотношении исторических фактов, историк приближается к изъяснению внутреннего содержания явления.

На рубеже веков в русской философской и обществоведческой литературе разворачивается критика норм позитивистской парадигмы. Важным звеном в этой критике, претендующим на подведение определенных итогов, явился сборник статей «Проблемы идеализма» (1902 г.). Московским Психологическим обществом. Позитивистская концепция не устраивала ученых из-за ее догматического отношения к вопросам теории познания и неспособности решить морально-этические проблемы.

А.С. Лаппо-Данилевский представил в сборник небольшую монографию «Основные принципы социологической доктрины О.Конта», раскрыв ограниченность философской системы основоположника позитивизма. Историк обвинил Конта в «грубом реализме», догматическом утверждении тождественности социальных и естественных законов, недоучете значения психологии в истолковании общественной жизни. Свой пафос критики он направил против механической трактовки Контом «живого» исторического процесса.

Исследователь полагал возможным решить противоречия, присущие доктрине Конта, путем сознательного применения психологии к объяснению социальных фактов и обращения к теории познания О.Конта, что, по его мнению, способствовало бы превращению «социальной физики» в «особую науку, отличную от наук физических». Лаппо-Данилевский в своей критике Конта осуждал «не научную положительность его стремлений и инициативу основания новой положительной науки, социологии, а то, что первой он не дал прочного обоснования, а ко второму приступил без обоснованных предпосылок».

Историческая концепция А.С. Лаппо-Данилевского разрабатывалась в целом ряде трудов. («Организация прямого налогообложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований». «Императрица Екатерина II. Очерк внутренней политики», «Русские промышленные и торговые кампании в первой половине XVIII в.», «The Development of Science and Learning in Russia», «Очерк развития русской историографии», «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.» и др.).

Магистерская диссертация А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890

г.) сделала историка известным. Автор руководствовался позитивистской моделью исследования, да и сама избранная проблема, связанная с финансовой, социально-экономической историей была в русле позитивистских интересов. Она была актуальна как с точки зрения интересов современной науки, так и общественной жизни России и Западной Европы.

В первой главе речь идет о распределении податного бремени между отдельными классами населения и подробно разбираются «классы тяглого населения» в их взаимоотношении (крестьянская община, посадская община, влияние правительства на состав тяглой общины, борьба тяглых интересов посадского и сельского населения. Во второй рассмотрены вопросы раскладки податей: о правительственном окладе и способах его составления, о народных переписях, об измерении податных объектов податной единицей, о составлении окладных росписей и сметных списков. Взимание податей составляет тему третьей главы, сосредоточившись на деятельности органов местного самоуправления и областной администрации. В четвертой главе анализируются главнейшие виды как личных повинностей, так и натуральных сборов. Наконец, в пятой главе рассмотрен порядок в распределении поступлений по центральным учреждениям.

В структуре исследования чувствуется ориентация на междисциплинарность – проблемы требовали обращения к историко-юридическим, историко-экономическим, социологическим, источниковедческим сюжетам. Лаппо-Данилевский избрал вопросы хозяйства Московской Руси центральным предметом изучения, финансовую историю России, связав ее с общегосударственной жизнью и в этом заключается особенность его темы, требующая обращения и к историкам-юристам, и к исследованиям финансового характера. Отличительной особенностью работы является широкое применение источников (рукописные материалы из московских архивов Министерства юстиции и Министерства иностранных дел, из Публичной библиотеки в Петербурге, писцовые книги).

В этом труде Лаппо-Данилевский обращается к идее государства как к важному системообразующему фактору народной жизни, как кристаллизации национального самосознания. Уже здесь намечается его глубокий интерес к идейным факторам в истории, что со временем выльется в целенаправленное исследование человеческого сознания. С точки зрения Лаппо-Данилевского уже в XVI в. обрисовываются важнейшие черты государственного строя, но лишь в XVII в. они достигают определенного, устойчивого взаимоотношения, которые дает возможность представить себе известный государственный тип. Развитие великоросской национальности в этот период было односторонним. Оно сказывалось в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, а не в разностороннем историческом движении всей совокупности народных сил.

Идея государства осуществилась в восстановленном правительстве Михаила Романова. Для достижения своих внешнеполитических целей московское государство было вынуждено вести ряд долговременных войн. Все общественные силы привлекались к удовлетворению этих главных потребностей государства, поэтому все население делилось на две группы: на людей тяглых и людей служилых. С точки зрения Лаппо-Данилевского, милитаризм вызывал образования репортационной системы налогообложения.

Выводы, к которым приходит Лаппо-Данилевский могут быть сведены к следующему:

1. До последней четверти XVII в. в Московском государстве не существовало строго определенной и теоретически выработанной системы налогов.

2. Тягловые интересы в XVII в. составляли центр тяжести общественной жизни, как в крестьянской, так и в посадской общине, что обусловило особенный интерес правительства к общине и стремление прикрепить тяглецов к месту.

3. Финансовая система Московского государства носила репартиционный характер.

4. Происходило поглощение частных интересов государственными.

В работе «Идея государства в России» он исследует эволюцию государства в сложнейших переплетениях православной и светской мысли, различных культурных и политических влияний. По Лаппо-Данилевскому, из среды православного духовенства вышли первые доктринеры, рассуждавшие о русском государстве, «они формировали его принципы с православной точки зрения и в соответствии с некоторыми византийскими идеями, в особенности, с понятием о «василевсе», православном наместнике Божиим и самодержце, царствующем во имя Христово и под Его руководством». Религиозная идея о государстве в России, с точки зрения историка прошла некоторую эволюцию и постепенно стала сближаться со светской идеей о государстве. Важным этапом в этом направлении он называет трактат Стефана Яворского, в котором осмысливаются определенные принципы государства на основе естественного права. Данные идеи нашли отражение на практике – Московское законодательство Федора Алексеевича, отмена местничества.

В качестве других факторов, содействовавших секуляризации политической мысли историк называет литературное движение, вышедшее из среды жидовствующих, Возрождение и Реформацию. Благодаря Возрождению практическая философия обособилась от религии и «стала служить более независимым основанием для политических теорий». Влияние на развитие политических идей в Московском государстве проводилось через посредство Польши. Лаппо-Данилевский подчеркивает, что практическая юриспруденция проникала в Россию во многом благодаря связям России с протестантским миром. В связи с этим, он отмечает и оппозицию католической мысли (теория «умеркованного господства» Ю. Крижанича).

Утилитарная идея государства прошла в России несколько стадий развития, прежде чем приобрела светский и политический характер. XVII – начало XVIII вв. характеризуются доктринами, для которых было характерно смешение православия и идей утилитаризма. Доктрина государственного интереса постепенно начинает освобождаться, обособляться от других интересов – религиозных, сословных и т.д. Для Петра Великого характерно светское и утилитарное понимание характера государства и государственного интереса. Он отождествлял понятия «польза государя» и «пользы государства», жестко регламентируя частную жизнь.

В XVIII в. естественное право стало широко распространяться в России в виде двух различных учений:

- теория Гоббса, которую легко было приспособить к самодержавной власти царя – Петр I и Ф. Прокопович;
- теорию Гроция и его последователей, реализованная в «затейке верховников» 1730 г. – князь Д.М. Голицын и В.Н. Татищев.

При всех различиях в интерпретации теории естественного права Лаппо-Данилевский говорил о том, что и Прокопович и Татищев усвоили юридическую идею государства и понимали отношения между государем и подданными как договор, имманентный государству.

Историк рассматривает историю государства в генезисе и выступает по преимуществу как историк культуры и науки. Его интересовали закономерности эволюции мысли. Он подчеркивает случайность и обезличенность этого процесса, фиксирует культурный разрыв между ценностными установками доктрин и уровнем их бытований. В этой общей концепции государства он указывает наиболее динамическую составляющую – отношение между государем и подданными.

В Петровское время государственная власть по-прежнему не давала возможности для развития личного начала и общественных союзов, но она, с точки зрения историка, но новая образованность и оживление хозяйственной деятельности создали духовную и материальную опору для проявления индивидуальной инициативы и самостоятельности.

Во второй четверти XVIII в. правительственная власть ослабла и начали развиваться общественные силы, прежде всего благодаря освоению идей естественного права, полицейского государства, общественного блага. Важнейшим моментом в истории XVIII в. Лаппо-Данилевский считал «прогрессивную деятельность обновленного правительства и зачатки обновленного строя», апогеем развития – либеральные отношения просвещенного абсолютизма к зарождавшемуся русскому обществу, что позже привело у 14 декабря 1825 г.

Историк посвящает несколько работ правлению Екатерины II. Эта эпоха привлекала внимание тем, что здесь он видел истоки идеи эмансипированной личности в русском образованном обществе. К этому же времени он относил и первые проекты формирования русского общественного строя, важнейшим показателем данных процессов является русское право. Отмечая противоречивость царствования Екатерины II, историк подчеркивает «выдающееся его место в прогрессивном ходе нашей отечественной истории», высоко оценивает государственную деятельность императрицы, в которой отразились «передовые особенности своего времени». Екатерина II в первую половину своего царствования пыталась осуществить связь между престолом и гражданами и «народное благосостояние». Результатом деятельности явились «Обозрение» и «Свод» законов», обнаруженные историком среди рукописей московского румянцевского музея.

В начале XX в. Лаппо-Данилевский изучает вопросы крепостного права в правление Екатерины II, исходя из критерия абсолютной ценности государства и его ведущей роли в социальном развитии. Он фиксирует в законодательных документах малейшие изменения юридического статуса крестьян и приводит данные, свидетельствующие об «ограничении» крепостной зависимости (манифест о секуляризации церковных имений), который фактически повлек за собой «освобождение» почти миллиона сельского населения, приравняв их к государственным крестьянам; ограничение помещичьей власти лифляндским ландтагом; предоставление вольницы питомцам Воспитательного дома и запрещение вступать в брак с крепостными людьми и т.д.

Одновременно он фиксирует противоречивость крестьянской политики Екатерины II, отмечая, что императрица дарила своим приближенным деньги для покупки крестьянских душ, характеризует ряд ее указов распространявших крепостную зависимость на малорусские и южнорусские губернии, утверждавших право продажи крестьян без земли помещикам белорусских областей. Лаппо-Данилевский констатирует неизменность существенных принципов крепостного права во о время правления императрицы Екатерины II.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

7. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. М.А. Барг. - М., 1984.
8. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2

9. **Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 2. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2**
10. **Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2**
11. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И. Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4**
12. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е. Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4**

ТЕМА 11

Марксистская историография в России начала XX в.

Историки востребовали раньше, чем философы, марксистскую концепцию, поскольку понимали ее как учение «экономического материализма». Так историки оказались в числе тех, кто заинтересованно поддержал социологические идеи Маркса. При этом самым актуальным для исторической науки был вопрос о степени универсальности и общеобязательности предложенной Марксом теории именно в контексте реального исторического процесса. Актуален был этот вопрос и для отечественной социологии. Так появилось знаменитое письмо Маркса в журнал «Отечественные записки»: «Моему критику угодно было мой очерк истории происхождения западноевропейского капитализма превратить в целую историко-философскую теорию исторического пути народов, роковым образом предначертанного для каждого из них, каковы бы ни были условия его исторического бытия. Но я прошу извинить меня: такое толкование для меня одновременно и слишком почетно, и слишком постыдно».

Н.И. Бухарин в своей автобиографии так высказался о причинах приобщения к марксизму, о причинах выбора именно теории экономического материализма: «Случайно мне в это время подвернулась знаменитая «лекция об Антихристе» Владимира Соловьева, и одно время я колебался, не антихрист ли я», и далее: «Сперва занятия экономической теорией произвели на меня тяжелое впечатление: после «высокого и прекрасного» – «товар – деньги – товар». Но войдя *in medias res* (в самую суть) марксистской теоретики, я почувствовал ее необычайную, логическую стройность. Должен сказать, что, несомненно, именно эта черта повлияла на меня больше всего».

Это признание обнаруживает тот путь, который проходила молодежь вместе с отечественной мыслительной традицией, путь либо от идеализма к марксизму, либо от марксизма к идеализму. В сфере общественно – политической это был период бурной полемики между марксистами и народниками. Как известно, он завершился политическим антагонизмом. От экономического материализма отошли «легальные» марксисты. Но очевидно, марксизм привлекал молодые умы не только своей ярко выраженной логикой, но и устремленностью на соединение теории и практики. Социализм был понят как заложенный в самом бытии естественный результат исторического процесса, естественный предел социального развития.

Оценивая исторические концепции марксистов, в том числе и первых историков-марксистов, нельзя упускать из вида тот факт, что Октябрьская революция совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков. Это не могло не повлиять впоследствии на распространение ленинских исторических концепций. Победа на политическом поприще стала знаком, подтверждающим верность теории. Марксизм получил статус государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой. Поэтапно термин «экономический материализм» вытесняется понятием «исторический материализм», а затем и «диалектический материализм». Марксизм вышел за пределы социологии как положительной науки, ибо охватил собой не просто изучение явлений окружающего мира, но занялся решением общих гносеологических и онтологических вопросов в материалистическом ключе. Логика такова: основа бытия материальна, следовательно, экономика – основа общественного бытия. Диалектика материализма интерпретируется не только как метод мышления, но и как основной закон объективного развития.

Исторические воззрения Г.В. Плеханова. Выступление Г.В. Плеханова (1856–1918 гг.) в 1895 г. под псевдонимом Бельтова положило начало экономического материализма в России. Речь идет о его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Далее были работы «Несколько слов в защиту экономического материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности

в истории» (1898), «Нечто об истории» (1899); в 1908 г. он очень кратко изложил основы своего социологического подхода в работе «Основные вопросы марксизма».

Плеханову присущ резкий полемический тон. Потому, читая его работы, надо с осторожностью воспринимать изложение им взглядов оппонентов. Так, к примеру, по вопросу о роли личности в истории Плеханов полемизировал с якобы присущей субъективной социологии точкой зрения о противопоставлении деятельности критически мыслящей личности и законов общественного развития. В действительности такого противопоставления не было. Речь шла о противопоставлении сознательной целеустанавливающей деятельности стихийному ходу вещей.

Изучение же самих взглядов Плеханова на историю неизбежно должно сопровождаться пониманием пафоса защиты идей экономического материализма. Так и при анализе роли личности в истории Плеханов считает своим долгом подчеркнуть, что марксизм не отрицает сознательного целенаправленного действия людей: «... общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, то есть масс. Необходимость их участия обуславливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей. Таким образом, открывается простор для деятельности отдельных личностей».

Выходит, что личности благодаря данным своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительным, но как сама возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением в нем общественных сил.

Плеханов жестко и определенно формулирует свое кредо марксиста при оценке роли базисных явлений в истории, отводя должное место и географическому фактору: «Свойства географической среды обуславливают собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собой развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений.... Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом, между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие».

Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека». Раз «хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил. Таким образом.... Между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека». Раз «хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил», то «изменяются и взаимные отношения людей в процессе производства, а с ними и человеческая психика». Так меняется способ производства. Такова схема накопления количественных признаков и перехода их в качественные. «Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему». Плеханов обнаруживает некоторую последовательность в действии выявленной закономерности:

- состояние производительных сил;
- обусловленные им экономические отношения;
- социально-политический строй;
- выросший на данной экономической основе;
- определяемая социально-политическим строем;
- психика общественного человека;
- различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики.

Плеханов – крупнейший теоретик марксизма. Он применял теорию экономического материализма к рассмотрению таких «идеологических надстроек» над «экономическим

базисом», как религия, искусство, литература. Особый интерес с этой точки зрения представляет его фундаментальный исторический труд «История русской общественной мысли». Плеханов приступил к его написанию в 1909 г., завершить же так и не успел. Сама структура работы, в которой сначала дается очерк развития русских общественных отношений, а затем раскрывается движение общественной мысли, уже служит пониманию концепции автора.

Общеметодологические установки Плеханова сохраняются и в этом историческом труде. В качестве основного исследовательского метода он называет сравнительный, но подчеркивает, что применение этого метода в его понимании означает выявление не только черт сходства, но и черт отличия одного исторического явления от другого.

Отталкиваясь от традиционного в российской исторической литературе сравнения России и Запада Плеханов считает нужным подчеркнуть, что, «не будучи вполне своеобразным, русский исторический процесс все-таки отличается от французского некоторыми весьма важными чертами. И не только от французского. В нем есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития восточных деспотий». Так Плеханов выбирает вторую точку отсчета. Россия в ее историческом развитии размещается между Западом и Востоком. Колебание ее истории склоняется то в одну, то в другую сторону: «Чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран, – и наоборот».

Исторические эпохи истории России по концепции Плеханова отличаются по их преимущественной родственности Востоку или Западу. Так, Московское царство ассоциируется с Востоком: «Надо думать, что если бы ожила мумия какого-нибудь «холопа» или дьяка, – scribe, как выражаются французские египтологи, – одного из египетских фараонов, скажем XII династии, и совершила путешествие в Московию, то, в противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительного для себя в общественно-политическом быту этой страны. Она решила бы, что отношения москвитян к верховной власти весьма близки к тому, что существовало на ее далекой родине, именно таковы, какими они должны быть в благоустроенной стране».

Разумеется, что при таком подходе вся деятельность Петра и последующая история России – это борьба с азиатчиной, с Россией Востока: «В конце XVII, в XVIII и в XIX столетиях, – не до Р.Х., а после него, необходимо было усвоить культуру европейского Запада или пойти назад, склониться к упадку и разложению». Заимствования с Запада были окружены азиатской обстановкой. Это определяло и ход, и темпы преобразований. И в итоге: «Говорил или не говорил Петр, что Россия со временем должна будет повернуться «задом к Европе», – ясно, что в настоящее время она уже совершенно лишена всякой возможности поступить так».

И все же Плеханов допускал и варианты общественного развития и в обозначенном контексте: «Вся последующая история нашей общественной мысли определится взаимными классовыми отношениями пролетариата и буржуазии. В ходе развития этих отношений на «восточной равнине». Европы опять будут, конечно, свои относительные особенности, которые вызовут относительные особенности духовного развития. Бесплезно гадать теперь как о тех, так и о других».

Что же определяет глубину и характер освоения Россией привносимых влияний? Все привносимые в Россию с Запада формы и идеи определяются в конечном итоге тем содержанием, которое дают им общественные классы России. Так просветительские идеи XVIII в. под влиянием состояния мещанского сословия, которое их восприняло, обернулись мистикой розенкрейцеров.

Размышляя об общественной мысли, выраженной в «изящной» литературе, Плеханов опять ставит проблему зависимости форм общественного выражения от состояния общественных классов: «Но надо помнить, что содержание отстаёт от формы не тогда,

когда литература только еще начинает развиваться, а тогда, когда она уже склоняется к упадку – чаще всего вследствие упадка того общественного класса или слоя, вкусы и стремления которого в ней выражаются».

Итоговый вывод, который находим в предисловии к труду, звучит парадоксально с учетом той системы приоритетов, к которым мы привыкли: «Мой анализ привел меня к тому выводу, что нелогичность, нередко проявляемая русскими идеологами, объясняется в последнем счете логикой западноевропейского общественного развития. Как ни парадоксален на первый взгляд этот вывод, я считаю его совершенно неоспоримым». В конечном итоге в окончательном виде все зависит от состояния и особенностей социальных групп и классов, данных нам историческим развитием. Правда, есть еще и психология эпохи: «Но чтобы правильно судить о тогдашних явлениях, необходимо принимать во внимание психологию тех эпох, к которым они относятся».

Взгляды Плеханова на историю России дали ему основания для заключения о перспективах революционного преобразования, в принципе могущих изменить линию судьбы, намеченную Петром: «Если не будет объективных предпосылок для социалистической революции, то правительство вынуждено будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося лишь те изменения, что вместо «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста».

В.И. Ленин и историческая наука. Не случайно Плеханов был назван и учителем Владимира Ильича Ульянова (Ленина) (1870–1924 гг.). Ленин как вождь и политический деятель достиг величайшего практического успеха. Ленин стал историей. Это предопределило интерес к его историческим концепциям.

Этапы освоения ленинского теоретико-методологического наследия являются самостоятельной научной темой. Тема «В.И. Ленин советская историческая наука» может быть рассмотрена самостоятельно именно в силу того значения, которое имело его теоретико-методологическое наследие на разных этапах развития советской исторической науки, зачастую определяя тенденции этого развития.

Ленин был не только теоретиком, но и практиком общественной жизни, публицистом. Сами социологические и исторические вопросы ставились и решались Лениным в постоянной связи с текущими событиями, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии, тактики и технологии. Потому и основные вехи в изложении его взглядов связаны с общественными реалиями. Так, впервые его взгляды были изложены в связи с полемикой с народниками. В основу его социологии изначально была положена не личность, а социальная группа. Уже на том этапе, выступая солидарно с «легальными» марксистами, он внутренне расходится с объективизмом П.Б. Струве. «В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин формулирует: «Материализм вообще признает объективно-реальное бытие (материю), независимо от сознания, ощущения, от опыта и т.д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение». Защита экономического, теперь исторического материализма приобрела еще одну важную сторону. Это признание старого партийного характера этого учения и вообще всей материалистической философии. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». Третий этап теоретической деятельности Ленина связан с революцией. Здесь возникает тема революции и государства, а также многое другое. И все же в заключении к работе «Государство и революция» он напишет, выразив суть своего жизненного призвания: «Приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать».

В трудах Ленина учение об общественно-экономических формациях неразрывно органически соединено с классовым анализом исторического процесса и партийностью в

его оценке. Он применил к истории России метод, выработанный основоположниками исторического материализма. Ленин видел задачу в том, чтобы, «пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию».

Ленин интегрально и ортодоксально воспринимал марксизм. Потому мы и можем говорить о ленинизме. Речь идет о таких сторонах учения, как материализм и диалектика, экономическое объяснение истории, сведение истории к борьбе классов, теория ценности, учение о социальной революции, о диктатуре пролетариата, коммунизм и интернационализм.

Ленин, применив теорию исторического материализма, пришел к выводу, что русская история развивалась в соответствии с общими закономерностями всемирной истории. Именно потому, что Ленин был, прежде всего, политиком, его интерес к русской истории был достаточно избирателен и коррелировал с его политическими взглядами и методологическими установками.

Впервые в исторической науке Ленин с марксистской позиции проанализировал весь процесс формирования и развития капиталистических отношений в России. Классическим следует в этом отношении считать его труд «Развитие капитализма в России». Сама работа была рождена необходимостью ответить по марксистски на ряд вопросов, связанных с теоретической борьбой с народниками по вопросу о рынке и о развитии капитализма.

Ленин выдвигает свои критерии для определения форм товарного производства, показывает сложное переплетение крепостнических и капиталистических отношений в экономике пореформенной России и приходит к выводу, что Россия – страна капиталистическая. Применение марксистского метода при оценке социально-экономического развития России в конце XIX в. поставило задачу обращения и к более ранним этапам исторического развития для утверждения выявленной закономерности.

Занимаясь проблемами развития и функционирования государственного аппарата, он пытался проследить его становление как общественного института. Кроме того, среди исторических сюжетов его привлекала проблема вызревания внутри феодального строя капиталистических отношений. Ленин отмечал, что основной процесс социально-экономического развития «московского царства» представлял собой закрепощение крестьян – «помещики и монастыри принимали крестьян из разных мест». Однако, по его мнению, в целом степень государственного единства была в то время такова, что «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т.д.».

«Московскому царству» Ленин противопоставлял «новый период русской истории (примерно с XVII века)», который «характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных». Итак, в соответствии с ленинскими взглядами, действительное единство страны, которое возникло на основе роста общественного разделения труда, рыночных связей, возникает лишь в новый период истории, примерно с XVII в., когда наметился рост буржуазных элементов, который выразился, как это было характерно, по его мнению, для начальных этапов генезиса капитализма вообще, в росте торгового капитала.

Вообще представляется интересным, что именно Ленин понимал под «централизованным государством». В 1907 г. он писал о «капиталистическом государстве,

которое централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непреодолимых требований экономического развития». Таким образом, Ленин говорит о различных типах централизации: тех, которые держатся на силе и произволе бюрократии, феодальных, и основанных на экономическом развитии, капиталистических. Но и этот, последний, тип централизации тоже, по Ленину, еще не высший. В 1910 г. Ленин писал о том, что «в России дело идет только еще о создании современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом). Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены». Подлинно централизованное государство возможно только в будущем.

Ленин считал, что при любых условиях централизованное крупное государство «есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству». Эта идея противопоставления самодержавного, чиновничьего, бюрократического государства и централизованного, буржуазного, которое возникает в эпоху падения абсолютизма, просматривается во многих ленинских работах. Вообще следует особо отметить, что Ленин не употреблял применительно к «московскому царству» термин «централизованное государство».

В центре внимания Ленина находились проблемы революционного движения в России. Особое внимание было уделено пролетарскому этапу движения. Ленин дал оценку

предпосылок, характера, движущих сил российских революций. При этом революционные события и процессы в истории рассматривались как мощный творческий импульс. Именно в контексте анализа объективных возможностей революционного преобразования России была оформлена концепция империализма как монополистического капитализма, как высшей стадии капитализма.

«Легальные марксисты» и их взгляды. Термином «легальный марксизм» в историографии принято называть идейно-политическое течение в среде революционной интеллигенции, сторонники которого активно выступали в легальной прессе России второй половины 1890-х – начале 1900-х гг. (отсюда их название). Кризис народничества и голод 1891–1892 гг., показавший необоснованность надежд на общину как основу нового строя, и неспособность самодержавия контролировать экономическую ситуацию в деревне, поставили революционную интеллигенцию перед необходимостью коренной идейной переориентации.

В русской общественной мысли благодаря трудам популяризаторов марксистской теории Н.И. Зибера, Г.В. Плеханова и деятелей группы «Освобождение труда» к началу 1890-х гг. уже был поставлен вопрос о закономерности капиталистического развития России и сделаны выводы о революционной миссии пролетариата. Марксистские идеи изучались в рабочих и студенческих самообразовательных кружках. Влияние марксизма испытало народничество 1880-х гг., однако в 1893—1894 гг. народнические публицисты выступили с критикой «русских учеников Маркса».

В 1894 г. вышла из печати работа П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», ставшая одной из настольных книг русских марксистов, в которой впервые в русской легальной печати излагалась система марксистских взглядов в противопоставлении народническим, в ней показывалось, что развитие капитализма в России – объективная историческая тенденция. Капитализм представлялся Струве средством уничтожения общины как пережитка крепостничества, преодоления отсталости и «некультурности» России, выравнивании общественного неравенства.

В 1896–1897 гг. вокруг журналов «Новое Слово», «Мир Божий» и газеты «Самарский вестник» сложилась группа марксистских писателей и издателей, связанных с социал-демократическими организациями: П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков и

др. С ними тесно сотрудничали Г.В. Плеханов и В.И. Ленин. Центральным событием в идейной борьбе между марксистами и народниками стала дискуссия в Вольном экономическом обществе (Петербург, март 1897 г.), в которой Струве и Туган-Барановский с марксистских позиций доказывали, что полукрепостнические отношения в российской деревне являются тормозом развития общества.

Главным вопросом в полемике стал так называемый «вопрос о рынках». Полемизируя с народниками, считавшими, что неконкурентоспособность русской промышленности на внешних рынках и ограниченность внутреннего рынка ведет к исчезновению ростков капитализма в России, марксисты доказывали, что капитализм создает рынок, прежде всего в кустарном производстве, и имеет в России такие же возможности для развития, как и в США («Критические заметки...» Струве, статьи Ленина «К вопросу о рынках» и др., работа Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве»). В полемике с народниками на конкретном историческом материале (Туган-Барановский, «Русская фабрика», 1898) была показана неизбежность капитализации вширь через окончательное отделение ремесла от земледелия.

Обосновывая значение пролетариата, «легальные» марксисты вслед за Плехановым противопоставляли город и деревню как начала цивилизации и косности, зачастую фаталистически трактовали ход истории и преувеличивали зрелость предпосылок социализма в России, доказывая общность путей ее развития с Западом. Они утверждали неисчерпанность резервов капитализма и необходимость эпохи буржуазной демократии для достижения социалистических целей. «Легальные» марксисты широко использовали выводы современной им науки.

По мере завершения борьбы с народничеством (1896—1898) их теоретическая деятельность была перенесена из области экономики в область философии. Признавая и пропагандируя экономическое учение Маркса, они не являлись последователями его учения в области философии, занявшись поиском этического фундамента социализма. Попытки «легальных» марксистов соединить марксизм с идеализмом стали предметом активной полемики между марксистами.

С 1899 г. началось формирование «критического направления» в марксизме (Струве, Туган-Барановский, Булгаков), выступившего с пересмотром марксистской политэкономии, теории социальной революции и классовой борьбы. Одновременно Струве заявил о необходимости широкого, в том числе идеалистического, обоснования социализма. На рубеже XIX и XX вв. к «легальным» марксистам примкнули Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, А.С. Изгоев и др.

Важной вехой становления движения было приобщение к теории экономического материализма и к идеям К. Маркса. Итогом стала оценка марксизма как религиозной доктрины. Теории Маркса были определены как вариант иудейского хилиазма, когда избранный народ заменяется избранным классом — пролетариатом. Именно из религиозной сущности марксизма проистекает его нетерпимость к инакомыслию. Претензии марксизма на универсальность выводились отечественными мыслителями не из его субъективной стороны, а из объективно-религиозного характера его учения. С этим связывалась и необходимость следовать раз принятым принципам, и вера в социальный катаклизм как необходимость, и слитность цели и средства в самом учении.

Вместе с тем из анализа учения Маркса исходила и высокая оценка его роли в развитии общественного движения в России. Марксизм помог увидеть общественные явления в единстве, преодолеть субъективную социологию, поставить вопрос о развитии капитализма в России. Таким образом, марксизм обеспечил мощнейший рывок в общественной идеологии. Он помог пониманию зависимости социального развития от экономических феноменов, разъяснив значение социальной материи, экономических отношений, общественного хозяйства и социального способа производства. Столь высокая оценка социологии и теории марксизма стала основанием и для характеристики опасных сторон его системы. Опасность виделась в постановке вопроса о цене прогресса,

в стремлении распространить закономерность на область идей, стремлений, идеалов, эмоций.

В этом стремлении выделалась духовная сущность марксизма. П.Б. Струве считал, что в конечном итоге идеи Маркса о классовой психологии являлись «выражением вовсе не действительности, а лишь страстного желания остановить движение мысли на одной его ступени, своей обязательной стройностью и законченностью, производящей какое-то гипнотизирующее действие. Кроме того, в корне его лежит несостоятельная а priori и убийственная одинаково и для теории, и для практики мысль о какой-то единообразной зависимости между практическим и теоретическим мирозерцанием. Такой зависимости нет и быть не может. Связь между научно-философским пониманием, с одной стороны, и практическими воззрениями на общественно-должное, с другой стороны, представляет чрезвычайно важный предмет индивидуальной и социальной психологии».

Преодоление марксизма осуществлялось на базе традиционных философско-религиозных умозрений. Эти умозрения дают основания и для пророчеств относительно результатов принятия марксизма в качестве мировоззренческой основы исторического бытия России: «Очевидно, что на голом классовом интересе можно воспитать новую буржуазию, но нельзя основать великого исторического движения» (Булгаков). В этом же духе выскажется позже Бердяев: «Русский народ, ныне переживающий кровавый бред и неслыханную тиранию, может устроиться, приобрести твердую почву, получить внешние права и свободу, может отдать свои силы строительству и организации цивилизованной жизни и обмещаниться и обуржуазиться».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. М.А. Барг. - М., 1984.
2. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
3. Историография истории России до 1917 г. [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Т. 2. – 382 с. – ISBN 5-691-00953-2
4. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2
5. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4
6. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Изд-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА 12

Становление советской историографии. 1917–1930-е гг.

После прихода большевиков к власти в октябре 1917 года перед советской властью встала задача создания системы научных учреждений, которые послужили бы базой для разработки истории с марксистских позиций. Эта задача решалась по следующим направлениям: создавалась сеть новых научных учреждений, формировалась музейная и архивная системы, учреждались научные исторические общества.

Первым научным учреждением по гуманитарным наукам стала Социалистическая академия общественных наук (САОН), созданная в 1918 году. Первоначально она являлась учебно-просветительским заведением, а научная работа была организована в полной мере с 1921 года. В основу научно-исследовательской работы САОН было положено изучение истории рабочего класса и его борьбы, социально-экономическая тематика, история экономической и общественной мысли, международные отношения. С 1922 года в практику работы САОН вошло обсуждение докладов и сообщений, а с середины 1920-х годов она стала крупнейшим центром советской исторической науки. В 1924 году САОН была переименована в Коммунистическую академию, в которой через шесть лет насчитывалось 800 сотрудников и 700 аспирантов. Большим событием в работе Комкаденции стала Всесоюзная конференция историков-марксистов в конце 1928 – начале 1929 года, на которой обсуждались теоретические и методологические проблемы исторической науки, были заслушаны отчеты о деятельности ведущих научных учреждений, обсуждены перспективы научно-исследовательской работы по истории.

Другим центром изучения истории стал Музей марксизма, созданный при СОАН в декабре 1920 года, вскоре преобразованный в институт Маркса и Энгельса на правах автономного учреждения при САОН и превращенный в самостоятельное учреждение в июне 1922 года. Одной из главных задач этого Института являлся сбор материалов основоположников марксизма. К 1930 году было собрано 55 тысяч фотокопий документов, в том числе около 12 тысяч писем Маркса и Энгельса, 200 тетрадей Маркса с его выписками и т.д. Собирались документы по истории философской, экономической и общественной мысли. По этой проблематике в 1930 году насчитывалось около 15 тысяч подлинных рукописей и 20 тысяч фотокопий. Институт Маркса и Энгельса вел большую издательскую работу. Было опубликовано 29 томов произведений Маркса и Энгельса, работы Фейербаха, Каутского, Лафарга, Гегеля, Плеханова. Он стал центром пропаганды марксизма, издавая «Библиотеку научного социализма», работы классиков политической экономии. Для широкого круга читателей было опубликовано 25 выпусков «Библиотеки марксиста».

В 1924 году был создан институт Ленина, одной из главных задач которого стало издание сочинений В.И. Ленина, а также подготовка Ленинской библиотеки для широкого круга читателей. С 1927 по 1934 год было опубликовано 27 томов Ленинских сборников, включавших черновики сочинений Ленина, его планы, рабочие записи, а в 1932 – 1933 годах завершился выпуск второго и третьего изданий сочинений В.И. Ленина. В ноябре 1931 года Институт Ленина слился с Институтом Маркса и Энгельса и получил название Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ, впоследствии Институт марксизма-ленинизма).

Большой вклад в формирование и развитие марксистской исторической науки внесли коммунистические университеты. Первый из них был создан в Москве в 1919 году (КУ им. Я.М. Свердлова), а в 1930 году их насчитывалось уже около четырех десятков, в которых обучалось свыше 21 тысячи студентов. Создавались они для подготовки партийных и советских кадров, оказав определенное влияние и на подготовку историков-марксистов. Позднее коммунистические университеты были преобразованы в партийные школы.

Огромную роль в подготовке историков-марксистов сыграл Институт красной профессуры (ИКП), созданный в Москве в 1921 году. Его слушателями могли стать по рекомендации ЦК или губкомов ВКП (б) только коммунисты с трехлетним стажем (с 1925 года – с пятилетним), имевшие склонность к научной работе. Доля слушателей из рабочих имела ярко выраженную тенденцию к увеличению: 7 % в 1921 году, свыше 20 % в 1924 году и около 40 % в 1928 году. До 1924 года в ИКП было три отделения: историческое, экономическое и философское, а историческое отделение имело секции русской и всеобщей истории. Обучение длилось три года, а главной формой обучения являлись семинары. Научная специализация начиналась с первого курса. Первый выпуск в 1924 году насчитывал одиннадцать историков, а всего за десять лет работы ИКП было выпущено более ста историков-марксистов.

Дореволюционные исторические общества были закрыты вскоре после революции, а на их месте организовывались новые. В 1920 году было создано «Общество марксистов» в Петрограде, в 1921 году – «Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев», в 1922 году – «Общество старых большевиков», в 1925 году – научное «Общество историков-марксистов». В их задачи входило изучение соответствующих проблем, выступления с докладами, лекциями; организация вечеров-воспоминаний; сбор, изучение и публикация исторических материалов. Они издавали сборники «Каторга и ссылка», «Старый большевик», журнал «Историк-марксист», а также историко-революционную библиотеку. Созданные в Москве исторические общества имели филиалы в других городах страны. Так, «Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев» в 1928 году имело более 50 филиалов, насчитывая в целом почти 2 400 членов; «Общество старых большевиков» располагало в 1933 году 24 отделениями, 11 филиалами и 1 605 членами; число членов в «Обществе историков-марксистов» возросло с 40 человек в 1926 году до 1 100 в 1931 году.

В «Обществе историков-марксистов» работали комиссии по истории революций и вооруженных восстаний, истории пролетариата России, империалистической войны 1914–1918 годов, на заседаниях которых устраивались диспуты. Секции Общества по истории России, стран Запада, истории ВКП (б) издавали «Книги для чтения», предназначенные для широкого круга читателей. «Общество историков-марксистов» были организованы всесоюзные дискуссии «О марксистском понимании социологии» (1929), «Об общественно-экономических формациях» (1929–1930) и другие. Кроме того, члены «Общества историков-марксистов» обсуждали вопросы о месте истории в общеобразовательной подготовке и партийном просвещении, принципы построения учебных программ, методику преподавания истории и другие вопросы изучения истории в вузах и школах.

Исторические общества сыграли немалую роль в сборе материала по истории России, обсуждении концепций ее актуальных проблем, а «Общество историков-марксистов» и в подготовке кадров историков марксистского направления. Однако они были закрыты по разным причинам («Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев» и «Общество старых большевиков» в 1935 году, а «Общество историков-марксистов» в 1936 году), не до конца выполнив поставленные задачи.

Музейная система в СССР сложилась в 1920-х годах, когда была создана сеть музеев исторического направления (исторические, историко-бытовые, историко-художественные, краеведческие, материальные и другие). Их число возросло со 155 в 1917 году до 2 270 в 1930 году. Работой музеев руководило Центральное бюро краеведения, созданное в 1921 году, издававшее в 1923 – 1930 годах журнал «Краеведение».

Формы деятельности музеев были разнообразны: подготовка экспозиций, пропаганда исторических знаний, написание и издание популярных и научных работ по истории. Итогом работы тысяч краеведов стало вовлечение в научный оборот огромного числа разнообразных источников и написание работ по региональной истории, по истории революционного движения, местных партийных организаций, советской власти на местах.

Единой архивной системы в дореволюционной России не было. Первым архивным учреждением в Советской России стал Совет по управлению архивами Петрограда, созданный в 1918 году. В том же году был учрежден Единый государственный архивный фонд, куда после истечения определенного срока поступали на хранение архивы государственных учреждений. руководство этим фондом возлагалось на Главное управление архивным делом (Главархив), являвшийся отделом Наркомпроса. С 1919 года дела губернских и уездных архивов передавались в ведение местных отделений Главархива. Тогда же было отменено право собственности на архивы умерших русских писателей, ученых, художников, композиторов и других представителей творческой интеллигенции, и они составили коллекции материалов в библиотеках, музеях и архивах. В 1929 году был создан Партархив в Москве, а на местах создавались свои партархивы. В 1932 году был учрежден фоно-фото-киноархив, а в 1933 году – Военный архив с филиалами на местах.

Стали готовиться кадры архивистов: с 1918 года – на специальных курсах в Москве и Петрограде. В 1930 году был создан Институт археографии, переименованный в 1932 году в Историко-архивный институт. В Москве издавался журнал «Красный архив», а на местах архивные учреждения публиковали тематические сборники документальных материалов.

Советская власть и историки старой школы. Создание благоприятных условий для развития марксистской исторической науки было одной из главных задач новой власти. Другая задача, тесно связанная с первой, состояла в борьбе с историками старой школы. Реализация этой задачи происходила в разных формах: изгнание интеллектуальной элиты буржуазной науки из Советской России, борьба с историками старой школы, вытеснение буржуазных историков из высших учебных заведений страны.

После ликвидации враждебных политических партий коммунистическое руководство не могло смириться, что в Советской России оставалась независимая мысль, питавшая научный, интеллектуальный и политический плюрализм. «Правда» в 1922 году писала, что «... политиканствующие ученые-профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление Советской власти». Тогда же появились ссылки на мнения рабочих и крестьян, которые будто бы с нетерпением ждали, когда же, наконец, «эти идеологические врангелевцы и колчаковцы будут выброшены с территории РСФСР».

Действительно, многие представители либеральной интеллигенции и буржуазные ученые не собирались переходить на марксистские позиции, так как профессионально сформировались в дореволюционную эпоху, принципиально не признавали марксизма и свершившейся революции, не собирались отказываться от права на независимое мнение.

Инициаторами и организаторами акции высылки интеллектуальной элиты из России являлись В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Ленин в марте 1922 года написал статью «О значении воинствующего материализма», в которой призвал вести систематическую наступательную борьбу с буржуазной идеологией, с «философской реакцией», подведя тем самым идеологическую основу под высылку инакомыслящих ученых из страны. 18 мая того же года в письме к Ф.Э. Дзержинскому он писал уже о необходимости тщательной подготовки этой акции – сборе компромата на профессоров, философов и писателей и предлагал привлечь к просмотру их печатной продукции членов Политбюро ЦК РКП (б) по 2 – 3 часа в неделю, а организацию подготовки акции поручить «толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ». Сам же Ленин еще до выяснения результатов своего задания характеризовал буржуазную интеллектуальную элиту как «явных контрреволюционеров, пособников Антанты, организацией ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи».

Троцкий в интервью жене Джона Рида Луизе Брайант, опубликованном в «Правде» 30 августа 1922 года, говорил: «Высланные элементы ... сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших врагов. И мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас выслать их

зблаговременно». Высылаемые перед отъездом должны были подписать документ, согласно которому они подлежали расстрелу, если они самовольно возвратятся в Россию. За границу было выслано 160 человек, среди которых были и историки.

Кроме того, высылка буржуазных интеллектуалов была изначально задумана как акция для запугивания интеллигенции, оставшейся в Советской России, о чем предельно ясно говорилось в статье «Первое предупреждение», опубликованной в «Правде» 31 августа 1922 года.

Главным полем деятельности историков старой школы являлась Академия наук и изгнать их из нее власть не решалась. Однако для постепенного вытеснения их из Академии и для привлечения хотя бы части академиков на свою сторону в марте 1921 года были созданы научно-исследовательские институты общественных наук при факультетах общественных наук Московского и Петроградского университетов. В числе пяти секций НИИОН были секции древней, средневековой и новой истории России, среди сотрудников которых преобладали специалисты старой школы. В 1924 году все научно-исследовательские институты социально-экономического профиля были объединены в Ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук при факультете общественных наук Московского университета, а в 1926 году это объединение превратилось в самостоятельное учреждение – Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), президентом которой стал М.Н. Покровский.

Перед РАНИИОН была поставлена задача организовать научную работу в различных областях общественных наук, в том числе и по истории. Научно-исследовательская работа по истории была сосредоточена в научных секциях, а преимущественное внимание историков было обращено на изучение социально-экономической истории, истории революций и освободительной борьбы, новейшей отечественной истории. Одно из важнейших направлений их работы состояло в сборе, обработке и публикации исторических источников. РАНИИОН должна была готовить научные кадры, для чего при ней в 1925 году была создана аспирантура и принято 290 аспирантов. Среди выпускников аспирантуры РАНИИОН по истории в 1929 году стали ставшие впоследствии крупными историками: Арциховский, Дружинин, Токарев, Черепнин, Шунков, Манфред и другие.

В 1930 году РАНИИОН была включена в состав Коммунистической академии, поскольку она выполнила свою задачу, подготовив историков-марксистов, в чем участвовала и часть специалистов старой школы. В конце 1920-х годов была изменена и система учреждений Академии наук: ряд ее отделов был ликвидирован, а другие – реорганизованы. Новый Устав АН, принятый в 1930 году, определил ее задачи, приблизив тематику исследований историков к требованиям дня: возникновение и развитие различных общественных институтов и классов, история докапиталистических общественно-экономических формаций, становление и развитие капитализма, формирование пролетариата, колониальная политика царизма и другие темы. Было введено планирование научной работы. Постепенно изменялся состав академиков за счет историков-марксистов.

Историкам старой школы не удалось избежать репрессий, ярким примером чего является «Дело академика С.Ф. Платонова» или «академическое дело», возникшее в конце 1920-х годов. С.Ф. Платонова и других историков обвиняли в создании контрреволюционной организации, ставившей целью свержение советской власти и установление конституционно-монархического строя. Приговор был вынесен коллегией ОГПУ, по которому большинство из 115 обвиняемых были высланы в разные регионы страны, после чего состоялась ротация кадров и в Академии наук.

В университетах после революции работало значительное число профессиональных историков старой школы, отчего перед властью в качестве главной задачи стояло вытеснение их из вузов. Ленин в 1922 году писал: «Почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных

школах и университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу». Однако сделать это было непросто, так как заменить старые кадры было нечем, и все же в этом направлении были предприняты определенные меры: осуществили организационную перестройку высшего образования, ввели новые учебные планы, а университеты были обеспечены необходимыми учебными пособиями, обновлен кадровый состав преподавателей университетов за счет историков-марксистов, предприняты попытки перевоспитания историков старой школы.

Организационная перестройка университетов началась в 1919 году с создания факультетов общественных наук (ФОН) вместо историко-филологических факультетов с экономическим, историческим и юридическо-политическим отделениями.

С 1921 года установился обязательный общенаучный минимум, который должен был сдавать каждый преподаватель университета, в состав которого включали такие дисциплины как развитие общественных форм (формаций), исторический материализм, историю пролетарских революций, политический строй РСФСР и т.п. В том же ключе перестраивалось преподавание в университетах – социология вместо истории. С 1924 года во всех вузах страны вводилось обязательное изучение истории партии и ленинизма. основной формой учебного процесса стали семинары, потеснившие лекционные курсы, что сокращало потребность в высококвалифицированных специалистах, прежде всего, старой школы. Со второй половины 1920-х годов резко сократился срок обучения в вузах, вначале до 3,5, а затем до 2,5 лет. Стал внедряться бригадно-лабораторный метод обучения, а индивидуальные формы работы начали заменяться коллективными. Отменялись экзамены, зачеты, защита дипломных работ.

Специалисты старой школы не вписывались в эту систему. Из них выжили лишь те, кто сумел приспособиться к нововведениям.

Историческая наука в Советской России и СССР в 1917 – 1920-х годах.

Первостепенную роль в развитии советской исторической науки играл Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), являвшийся фактически ее руководителем практически до своей смерти. Общий взгляд на исторический процесс в России он раскрыл в обобщающем труде «Русская история с древнейших времен» в 5 тт. и «Русской истории в самом сжатом очерке» в 3 тт., из которых первая работа была написана до революции, а вторая – в начале 1920-х годов.

В «Русской истории с древнейших времен» Покровский подразделял историю России на пять периодов: 1) первобытнообщинный коммунизм; 2) феодализм; 3) ремесленное хозяйство; 4) торговый капитализм; 5) промышленный капитализм. А в «Русской истории в самом сжатом очерке» он выделял три периода, не упомянув феодализм, а капитализм объединил в одну формацию, подразделив на торговый и промышленный.

В исторической схеме Покровского особое место занимает теория торгового капитализма. Этот термин он заимствовал у сторонников «экономического материализма», в кругу которых он некоторое время находился. Покровский отмечал, что до XVIII века торговля в России носила ремесленный характер, когда русские купцы выступали в роли коробейников. Они не знали прибыли на капитал, а довольствовались тем, что казалось «справедливым вознаграждением» за их труды и хлопоты. В промышленности в это время также господствовало мелкое ремесленное производство. В таких условиях в XVII веке в Россию вторгается западноевропейский капитал, оказывая решающее влияние на экономику страны. Посредником между европейскими коммерсантами и внутренним рынком России становится казна, сконцентрировавшая в своих руках важнейшие статьи экспорта и импорта. Используя капитал, накопленный во внешней торговле, государство перестраивало и промышленность, создавая казенные предприятия, ставшие «первыми образчиками крупной индустрии».

Эта экономическая сторона концепции увязывалась Покровским с политической сферой, с самодержавием, который создавал благоприятные условия для торговли на внешнем рынке и внутри страны, выступая в роли «торгового капитала в шапке

Мономаха». Наконец, в отличие от сторонников «экономического материализма», Покровский в своих работах вскрывал классовые противоречия в русской истории и обратил первостепенное внимание на классовую борьбу на всех ее этапах.

Критика взглядов М.Н. Покровского, начавшаяся в 1929 году, прошла несколько этапов в 1930-е годы, завершившись в конечном итоге разгромом так называемой «школы Покровского».

В новой исторической литературе 1920-х годов разрабатывались наиболее актуальные проблемы отечественной истории с точки зрения марксизма, прежде всего, социально-экономическая проблематика в увязке с теорией общественно-экономических формаций и классовой борьбой.

Обращаясь к истории Киевской Руси, историки-марксисты пытались раскрыть суть общественных отношений в то время, но разошлись в их оценке. Одни историки считали, что разложение первобытнообщинного строя привело к установлению у славян рабовладельческих отношений. Другие, а их было большинство, относили к этому времени зарождение феодальных отношений, наиболее существенную черту которых они видели в крупной земельной собственности и закреплении смердов.

Вопрос о развитии капитализма был исследован в плане выяснения характера российских мануфактур. Одни историки признавали, что они носили капиталистический характер, а другие полагали, что мануфактурное производство в России было основано на крепостном труде, что тормозило развитие капитализма в стране. Проявился интерес историков к русской буржуазии, к купечеству. В работе П.А. Берлина изучались вопросы о формировании торгового и промышленного капитала, о положении русской буржуазии, ее общественных организациях. Б.Б. Кафенгауз обратился к изучению мемуаров русских купцов и их деятельности.

Началось изучение проблемы российского империализма. Возникло два взгляда на него, две концепции: первая – «денационализации» и вторая – «национальной школы». Суть первой состояла в признании слабого уровня развития капитализма в России, его полной зависимости от стран Запада, полукOLONIALном положении России в мире. Содержание концепции «национальной школы» заключалось в следующем: несмотря на значительный приток иностранного капитала в Россию, внутренние накопления в предвоенный период имели преобладающее значение, и в стране складывалась самостоятельная система монополистического капитализма, создавшая предпосылки для социалистической революции.

В конце 1929 года произошло сближение этих позиций и компромиссная точка зрения выглядела так: в стране параллельно шло два процесса развития. С одной стороны, усиливалось влияние российского финансового капитала, а с другой – стремительно нарастала зависимость государственной власти России от иностранного капитала. Итогом дискуссии, состоявшейся в начале 1931 года, стал отказ от тезиса о полукOLONIALном состоянии России, которая была признана страной со средним уровнем развития: иначе в Октябре 1917 года революция не смогла бы победить.

Торговля, товарно-денежные отношения изучались в 1920-х годах в отрыве от сферы производства. Причем большее внимание уделялось внешней торговле (И. Кулишер, И. Любименко) и деятельности наиболее крупных представителей купеческого капитала (С. Бахрушин о госте Никитине, А. Введенский о Строгановых, Е. Заозерская о госте Фотиеве).

Большое внимание марксистские историки уделяли в 1920-е годы истории классовой борьбы и общественного движения в России. В частности, в это время было сформулировано понятие «крестьянская война» путем установления однотипных явлений в движениях Болотникова, Разина, Пугачева (Тхоржевский). Изучение общественного движения в России было персонифицировано. Так, деятельность Радищева не привлекала внимания профессиональных историков, а число названий работ, посвященных 100-летию декабристов, превысило 1 300 наименований, в том числе 7-томный сборник документов

«Восстание декабристов. Следственные дела», мемуары, письма декабристов и другие материалы.

Взгляды историков на движение декабристов разошлись, но 100-летний юбилей прошел под знаком признания их революционности. Появился интерес к изучению петрашевцев: был издан трехтомник «Петрашевцы», их мемуары, материалы «Карманного словаря». Оригинальную трактовку движения петрашевцев дал Л. Райский в работе «Социальные воззрения петрашевцев» (1927). Он считал, что петрашевцы являлись выходцами из мелкопоместных дворян, а в их воззрениях объективно отражались интересы буржуазно-капиталистического развития России.

В связи с 50-летием со дня смерти А.И. Герцена в 1920 году состоялось торжественное заседание. К этому дню была напечатана статья В.И. Ленина «Памяти Герцена», открыты памятники Герцену и Огареву, издавался 22-томный сборник сочинений А.И. Герцена. Однако ленинское понимание Герцена как революционера еще не получило признания советских историков. Покровский считал Герцена «убежденным монархистом», Юровский не включал его в состав социалистов, а Ленин признавал его таковым, но либеральным и мирным.

В.Г. Белинский также не был включен историками в состав революционеров. Оригинально характеризовался Н.Г. Чернышевский. М.Н. Покровский считал его родоначальником большевистской аграрной программы, но в то же время – основателем меньшевистской тактики. В докладе Ю.М. Стеклова о Чернышевском в 1928 году он предстал крупным мыслителем, предвосхитившим идеи марксизма, на полвека опередившим Ленина. Однако большинство историков признавали Чернышевского крестьянским революционером.

В освещении деятельности революционных народников господствовало «мемуарное направление», но появились и работы, в которых особое внимание уделялось идейным вдохновителям этого движения – Бакунину, Ткачеву, Лаврову. Бакунин признавался идейным предшественником большевизма, Ткачев – первым русским марксистом, а Лавров – непоследовательным революционером, усвоившим консервативные взгляды.

Из революционных организаций народников особое внимание уделялось истории «Народной воли». Так, И.А. Теодорович утверждал, что эта организация являлась прямым предшественником большевизма. Итоги дискуссии подвела «Правда» в 1930 году в передовице за 9 апреля, в которой отмечалось, что правильная оценка народофильского движения и его наследия зависит от понимания взаимоотношений пролетариата и крестьянства. В связи с этим были осуждены как недооценка народничества (что это было революционно-демократическое движение), так и преувеличение его роли (как родоначальника большевизма). Это была первая корректировка партией работ историков-марксистов по конкретной проблематике. После этого изучение истории революционного народничества было надолго оставлено историками.

Определенное внимание историков-марксистов привлекала история деятельности группы «Освобождение труда». При ее изучении выявилось две точки зрения. Одни связывали с этой организацией утверждение марксизма в России (Невский), а другие обратились к критике меньшевистских тенденций в ней (Рахметов), которая и была поддержана на Первой Всесоюзной дискуссии историков-марксистов в 1928-1929 годах. Ленинская оценка деятельности группы как времени теоретической подготовки марксизма в России еще не привилась, тем более, что Сталин не благоволил к этой теме.

Не привилась в 1920-е годы и ленинская периодизация освободительного движения в России, а использовалась периодизация, данная Покровским в «Очерках русского революционного движения XIX – XX вв.» (1924). При этом Покровский в основу периодизации положил такой критерий, как «поиск» интеллигенцией революционной массы. Отсюда: первый период – 1820–1870-е годы, когда революционная интеллигенция искала революционную массу, но не нашла ее; второй – 1880-е годы – начало второго

десятилетия XX века – интеллигенция такую массу нашла, но не слилась с ней; третий – Ленские события 1912 года, когда под руководством пролетарской партии возникло сознательное рабочее движение; четвертый – 1912–1917 годы: революция становится подлинно массовым движением, далеко опередившим революционность интеллигенции.

Основными проблемами советской истории, которые изучались в 1920-е годы, были: история Октябрьской революции, Гражданской войны, начало социалистического строительства.

Первые работы по истории Октября принадлежали ее участникам – деятелям партии и Советского государства. По форме это были доклады, речи, статьи, мемуары, издаваемые в связи с очередной годовщиной Октября. Большая роль в изучении этой проблемы принадлежала Истпарту (Комиссии по изучению истории партии) и его более, чем 100 отделениям на местах. На начальном этапе главное направление работы Истпарта состояло в сборе, анализе и издании документальных материалов по истории Октябрьской революции и гражданской войны, подготовка первых работ по этой проблеме.

Одним из первых обобщающих работ по истории Октября была книга С.А. Пионтковского «Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход» (1923). Основные положения этой работы состояли в следующем: незрелость России для революции, стихийность массового движения и слабая организующая роль большевиков; бисоциальность революции: одновременное решение буржуазно-демократических и социалистических задач. Изучали историки и отдельные аспекты Октябрьской революции, особенно роль рабочего класса (Панкратова), крестьянства (Дубровский, Советов (Волгин).

Одной из наиболее крупных работ был двухтомник «Очерки по истории Октябрьской революции», изданный к ее 10-летию. Однако и в них слабо раскрывалась роль большевиков, схематично освещался вопрос перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, особенно – мирный путь развития революции, который был лишь поставлен, но не решен.

Параллельно с историей Октября изучалась и история гражданской войны. В 1922 году Истпарт обратился к местным отделениям, к читателям и редакторам журнала «Пролетарская революция» приступить к сбору материалов, описанию и изучению событий в России 1917–1922 годов. Работу предлагалось вести по определенной программе, но она была, видимо, несовершенной, так как в 1924 году Истпарт призвал уже не увлекаться описанием контрреволюционных восстаний, а сосредоточиться на изучении революционной борьбы масс и деятельности большевистских организаций.

В 1924 году была создана специальная комиссия СНК СССР для сбора материалов о военной интервенции и гражданской войне, особенно о военном ущербе, нанесенном интервентами. В сборе материалов по этим темам участвовало 162 региональных комитета, имевших свои ячейки в уездах и волостях, охвативших в общей сложности более 50 тысяч человек.

В 1928 году Истпартом была опубликована специальная инструкция по составлению хроники Октябрьской революции и гражданской войны с рекомендациями положить в ее основу особую методику обработки источников, составление указателей при издании и т.п.

Благодаря организационной работе, проведенной Истпартом, появилось множество статей и книг по истории гражданской войны, но в них преобладало описание хода военных действий, отсутствовала характеристика социально-экономического и политического положения. Слабо раскрывалась проблема формирования государственных органов в центре и на местах, роль трудящихся масс в борьбе с интервентами и белогвардейцами и роль Коммунистической партии.

С конца 1920-х годов стала возвеличиваться роль Сталина в гражданской войне, начало чему положила статья Ворошилова «Сталин и Красная Армия» (1929).

Ведущее место в проблеме социалистического строительства занял вопрос о НЭПе. Некоторые историки (Гусев) относили ее начало к первому году советской власти, другие игнорировали ее, а воспевали попытку военного коммунизма, как единственно верный способ строительства социализма, оценивая НЭП как отступление к капитализму. С середины 1920-х годов особое внимание обращалось на критику военного коммунизма и изучение отдельных аспектов НЭПа, особенно кооперации.

Изучение многих проблем истории России в 1917 – 1920-х годах сопровождалось их коллективным обсуждением, дискуссиями, которые проводились систематически. Это не случайно, так как марксистское направление исторической науки только складывалось и требовалось выработать оптимальный вариант оценки исторических событий и явлений. Особое внимание в дискуссиях уделялось выработке формационного подхода к истории, чего удалось достичь к началу 1930-х годов. Дискуссии проводились и по проблеме освободительного и революционного движения в России, тем более, что в 1920-е годы было немало юбилейных дат, связанных с ними: 150-летие восстания Пугачева, 100-летие движения декабристов, 20-летие первой российской революции, 10-летие Февральской и Октябрьской революций и другие. Стоит заметить, что в 1920-е годы ленинский взгляд на освободительное движение, прежде всего, на его периодизацию, оценку Лениным революционных деятелей и по другим вопросам еще не возобладал.

Советская историческая наука была, видимо, на верном пути, но культ личности Сталина, сталинизм свернул ее с этого пути.

Сталинизм и историческая наука. К 1930-м годам утверждается марксистское направление в отечественной исторической науке, но именно в это время ликвидируются основные ее наработки, причиной чего стал сталинизм. При этом немалое влияние на историческую науку оказал сам Сталин.

Уже 1920-е годы стали временем ожесточенной борьбы в партии за определение перспектив развития страны по социалистическому пути. Эту борьбу Сталин выиграл и усилил идеологическое воздействие на историческую науку в нужном направлении. В 1928 году был сформулирован тезис об обострении классово-борьбы по мере развития социализма, что облегчало вмешательство вождя в любую сферу жизни страны. Таковы объективные факторы возникновения сталинизма.

Были и субъективные – личностные качества вождя. Бальзам на его душу пролили его соратники в связи с 50-летием Сталина – в декабре 1929 года, когда «Правда» на восьми страницах была заполнена славословием в адрес вождя. Л.М. Каганович в статье «Сталин и партия» писал о нем как о лучшем организаторе партийной жизни со дня возникновения партии и в течение всей ее истории, когда он проводил выдержанную большевистскую политику. К.Е. Ворошилов в статье «Сталин и Красная Армия» воспевал его роль в гражданской войне. Статьи «Сталин и индустриализация», «Твердокаменный большевик», «Стальной солдат большевистской гвардии», авторами которых были Орджоникидзе, Калинин и Ярославский написаны в том же духе.

Затем сам Сталин вмешался в творчество советских гуманитариев, обосновав теоретическую основу исторического развития на новом этапе. На конференции аграрников в конце 1929 года он озвучил тезис о том, что теоретическая работа должна опережать практическую, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма. Сама по себе эта мысль верна, так как историк обычно руководствуется каким-то теоретическим фундаментом при изучении истории. Однако в условиях зарождения культа личности появилась возможность для конструирования нужных Сталину и партии схем развития общества и насильно навязывать их. О последнем Сталин заявил на той же конференции, призывая «расчехвостить» теории правых, подчеркнув непогрешимость сконструированных им теоретических схем. Открывался путь использования административных мер для обеспечения монополии на истину.

В 1931 году Сталин в письме «О некоторых вопросах истории большевизма», направленном в редакцию журнала «Пролетарская революция» поставил перед

историками партии задачу борьбы и партийность в исторической науке, дав «ценные указания»:

- вести борьбу против историков, пытающихся «протащить в нашу литературу контрабандой замаскированный троцкистский хлам»;
- предписал редакции поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, «на большевистские рельсы» и заострить внимание на организации борьбы против фальсификаторов истории.

Эти указания вскоре были распространены на историческую науку в целом: фактически был наложен запрет на изучение тех проблем, с которыми Сталин был знаком и клеймил все, что его не устраивало как шарлатанство, крючкотворство и т.п. Те, кто изучал историю по архивным материалам, были зачислены в «архивные крысы» и в «безнадежных бюрократов». К серьезным историкам стали приклеиваться политические ярлыки, создававшие нетерпимую обстановку в науке. После этого по тем же вопросам, которые поставил Сталин, выступил Л.М. Каганович в Институте красной профессуры.

Объектом проработки стала четырехтомная «История ВКП (б)», вышедшая в 1926–1930 годах под редакцией Ем. Ярославского, в которой говорилось о некоторых ошибках, допущенных Сталиным. Авторы обвинялись в «систематическом искажении и замалчивании роли Сталина в истории нашей партии». Резкая и грубая критика историков-марксистов стала в исторической науке в порядке вещей. Причем, критика некоторых недостатков и ошибок подменялась политическими обвинениями и «разоблачениями», оценкой их как антимарксистских.

Необычайно расширилась популяризация работ Сталина. Темы о нем и его деятельности были включены в планы Академии наук и Коммунистической академии. Его стали причислять к классикам марксизма.

В 1935 году Л.П. Берия выступил с докладом «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», а затем издал книгу по этой же теме. (Подробнее см.: Сухарев С.В. Лицедейство на поприще истории (Берия – апологет культа личности Сталина) / С.В. Сухарев // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 3.). В них была дана разгромная критика прежних работ по истории партийных организаций Закавказья, а все события в них были искусственно связаны с именем Сталина.

Резко снижается роль периодических изданий: одни из них перестали выходить («Красная летопись», «Летопись революции» и другие), а объем других – сокращался; нарушалась периодичность выхода журналов, менялась тематика и характер периодических исторических изданий. Звучат призывы: «очистить науку от враждебных элементов». Из журнала «Пролетарская революция» изгнали тех, кто подвергся критике Сталина за публикацию статьи, вызвавшей его резкую реакцию.

Завершение процесса наступления на историческую науку можно отнести к 1938 году, когда был издан краткий курс «Истории ВКП (б)» – «репрессивный кодекс сталинизма».

Не останавливаясь на характеристике содержания этой книги, можно отметить лишь, что в постановлении ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 года она была названа «незаменимым руководством по овладению большевизмом». Поэтому никакие произвольные толкования по изложенным в ней вопросам не допускались. «Краткий курс» рассматривался как эталон в научной работе в целом. Ненужной стала и историография – оценка работ других авторов по соответствующим темам. Объявленная монополия на истину положила конец плюрализму – разнообразию точек зрения по отдельным проблемам и истории в целом, что было свойственно предыдущему периоду развития марксистской исторической науки. Утверждались стереотипы во взглядах на историю, которые сковывали историческую науку. К гуманитариям, в том числе и к историкам, стали относиться пренебрежительно. Для историков, прежде всего историков партии и истории советского времени, стали почти недоступны архивы, которые к тому же в 1938 году перешли в ведение НКВД. В исторических работах стал преобладать язык цитат, готовых формул, не требовавших

доказательства – догматизм. Так была создана универсальная система, плодившая «белые пятна» в истории.

Итак, сталинизм – это фальсификация теории и истории, насаждение догматизма, начетничества, субъективизма в науке в условиях монополии Сталина и партии на истину, контроль над которой был передан Идеологическому отделу ЦК ВКП (б).

Вместе с тем в сталинское время были осуществлены меры, способствовавшие улучшению гуманитарного образования и исторической науки в СССР.

Реорганизация исторического образования и его влияние на изучение истории. После революции, как известно, история была заменена изучением социологии, обществоведения, что привело к утрате исторических знаний. И это продолжалось более полутора десятилетий.

В январе – марте 1934 года Наркомпрос РСФСР организовал два совещания ученых и школьных учителей истории для того, чтобы определить наиболее эффективные методы совершенствования исторического образования. Тогда же была создана комиссия для разработки предложений по улучшению преподавания истории и подготовке учебных пособий по истории. Комиссия рекомендовала ввести элементарный курс истории СССР в 3–4 классах, а в 5–10 классах начать параллельное изучение отечественной и зарубежной истории. Ставился также вопрос о подготовке учебников по истории, издании специального исторического журнала для публикации материалов о преподавании истории в школе. Были подобраны авторские коллективы для написания школьных учебников по истории и установлен срок их написания – июнь 1935 года.

16 мая 1934 года в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» решающим условием прочного усвоения курса истории учениками признавалось соблюдение хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением их в памяти учащихся. В вузах с 1 сентября 1934 года восстанавливались исторические факультеты вместо факультетов общественных наук.

В июле 1934 года была образована комиссия для просмотра конспектов будущих школьных учебников по истории, а в августе того же года высокопоставленные члены этой комиссии Сталин, Киров и Жданов высказали замечания по конспекту учебника по истории СССР для 8–9 классов – с древнейших времен до вступления СССР в период строительства социализма, подготовленного группой Ванага. В нем, по мнению комиссии, оказалось множество недостатков: что это русская история, а не история СССР, что не подчеркнута колонизаторская роль царизма, русской буржуазии и помещиков, отчего оказались не выясненными истоки национально-освободительного движения, что не выявлена контрреволюционная роль царизма, объединены дофеодальный и феодальный периоды Руси, что не позволило раскрыть разное положение крестьян и другие. Таким образом, с самого начала работа историков над учебниками была поставлена под контроль ЦК ВКП (б) и велась в соответствии с его установками.

Дело с написанием учебников шло туго: для начальных классов учебник по истории появился в августе 1937 года, а для старших – в 1940 году. Первый том учебника по истории СССР для вузов (до конца XVIII века) был опубликован в 1939 году, второй (XIX век) – в 1940 году, а третий до войны не был завершён.

Историки выполнили гигантскую работу, подготовив учебники по истории на базе новой, марксистской идеологии. Именно в процессе работы над учебниками советская историческая наука овладела общей концепцией отечественной истории с позиций марксизма.

Работа над учебниками позволила начать подготовительные работы по написанию многотомных работ по истории СССР: в 1937 году был разработан план пятитомника, в начале 1938 года была опубликована схема первых четырех томов истории России с древнейших времен до Февральской революции 1917 года. Было решено увеличить число

томов с пяти до семи, а накануне войны принято решение увеличить их число до двенадцати, до войны был обсужден и одобрен лишь первый том.

Несколько слов об организационной перестройке исторической науки. До 1936 года исторической наукой в СССР управляли две группы учреждений: институт истории Коммунистической академии в Москве и Отделение истории Академии наук СССР в Ленинграде. Их деятельность объединялась с 1934 года Исторической комиссией. Существование двух научных центров в условиях консолидации историков-марксистов стало ненужным. В феврале 1936 года Коммунистическая академия была ликвидирована, а ее учреждения и институты были переданы Академии наук СССР. В ней был создан Институт истории, вспомогательных исторических дисциплин и другие. В 1940 году в Институте истории работало 79 человек: 6 академиков, 10 членов-корреспондентов, 19 докторов наук, 10 докторантов и 34 аспиранта. Периодическим органом ИИ АН СССР с 1936 года стал журнал «Историк-марксист». Тогда же стал издаваться академический сборник «Исторический архив», а с 1937 года – «Исторические записки».

Большие перемены произошли и в вузовском преподавании. С 1934/35 учебного года были открыты исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, а в последующие годы и в других вузах: в 1939 году – в 15, в 1946 году – в 23 университетах и педагогических институтах.

В 1935 году состоялось Всесоюзное совещание представителей исторических факультетов университетов и пединститутов, на котором обсуждались вопросы о подготовке программ по истории, разработке учебных планов и т.д. С 1936/37 учебного года вводились лекционные курсы, семинары, спецкурсы и спецсеминары, восстанавливались ученые степени и звания, устанавливались штатные расписания, должности и оклады профессорско-преподавательского состава, введены государственные экзамены по марксизму-ленинизму, отечественной и всеобщей истории, экзамены и зачеты по учебным курсам. Кафедры становились центрами педагогической и научно исследовательской работы. С 1938 года вводился пятилетний срок обучения в высших учебных заведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. М.А. Барг. - М., 1984.
2. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2
3. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4
4. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

Тема 13 Советская историография 1940–1970-х годов.

ЦК ВКП (б) и совещание историков в 1944 году. В марте 1944 года ЦК ВКП (б) считал необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы и выработать принципиальный подход к изучению истории. Ставилась задача направить внимание историков в нужное сталинскому режиму русло и принять меры против инакомыслия в исторической науке.

В мероприятиях Управления политической агитации ЦК по улучшению пропагандистской и агитационной работы партийных организаций (31 марта 1944 года) были отмечены отклонения и ошибки историков: преувеличение влияния немецких историков-норманистов с их идеей несамостоятельности происхождения государственности на Руси, сохранение сильного влияния «Школы Покровского», выражавшемся в слабом освещении героического прошлого русского народа, жизни и деятельности выдающихся людей России, подвергалась критике негативная оценка процесса присоединения к России нерусских народов как «абсолютного зла»; отмечалось отступление историков от одного из главных методологических принципов марксизма – классовой борьбы, усиление влияния национализма и державного шовинизма на историков.

Актуальной стала оценка на совещании историков значения «Замечаний» Сталина, Кирова и Жданова, сделанных ими при обсуждении учебников по истории в 1930-е годы, так как их касался практически каждый из выступавших. Можно отметить наиболее выразительные высказывания выступавших о роли, значении указаний высокопоставленных членов комиссии по изучению истории: «Замечания» – важнейшая веха в развитии и возмужании нашей исторической науки» (Аджемян), «Указания – помощь и внимание ЦК облегчают нашу ориентировку в самых трудных и сложных исторических проблемах». Они «поднимают нашу советскую историческую науку на высшую ступень, обогащая теоретически каждого из нас в отдельности и всех вместе» (Панкратова); «"Замечания" положили начало целой и большой эпохе в истории советской науки» (Бахрушин) и т.п.

Все это показывает, что историки уже привыкли к своему подчиненному, приниженному положению и необходимости руководствоваться указаниями партии в своей работе. Редакторский эксперимент 1930-х годов дал свои плоды и прочно вошел в практическую деятельность историков. Яковлев отдал должное и Сталину, признав его «более чем компетентным судьей в оценке нашей работы».

Критическая оценка отдельных работ историков совмещалась на совещании с критикой их авторов, что также являлось характерной чертой историографии истории сталинского времени. Так, по поводу первого в СССР обобщающего труда по историографии истории СССР П.Л. Рубинштейна говорилось: особое внимание привлекла переоценка автором вклада немецких ученых-норманистов в изучении отечественной истории: «Как немец – так на уровне, как русский – так ученик». Ломоносов оценивался Рубинштейном как ученик Шлецера, а последний – на уровне общеевропейской науки – «немецкое светило». Бушуев, критикуя автора «Историографии истории СССР», отмечал, что «... в книге не чувствуется любви к родине, к нашим героям, к нашим деятелям, которые стремились изгнать немцев из Академии наук, которые отрицательно влияли на развитие науки».

О книге А.И. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве XVII века» говорилось, что в отношениях между господами и холопами автор видел наличие глубокой, органической, даже нравственной связи, внутреннюю солидарность их, а выступление холопов против господ – явление редкое. Б.И. Сыромятников заметил, что «Русь от VI до XVII в. – холопые государство, вся администрация состояла из рабов, а войско – из холопов».

Высказывались критические замечания по поводу книги Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого». Критике был подвергнут основной тезис работы – «о средних классах как опоре монархии – совокупность дворянства и буржуазии» и положение об антифеодальных, антидворянских, буржуазных тенденциях политики Петра I. Отмечалось,

что Сыромятников проводит мысль об ограничении крепостного права при Петре I. Все это создавало представление о надклассовости природы монархии Петра I (Н.Л. Рубинштейн).

Ожесточенной критике была подвергнута коллективная монография «История Казахской ССР» (редактор А.М. Панкратова), которую Бушуев охарактеризовал как «антирусскую книгу, написанную наспех».

Были подвергнуты критике работы Е.В. Тарле, особенно «История Крымской войны» и утверждение автора, что «царизм – жандарм Европы».

Большое внимание на совещании было уделено недостаткам организации научной работы в СССР, прежде всего руководства исторической наукой Институтом истории АН СССР. Монополия в руководстве «избранных лиц», отрыв Института истории от региональных и национальных научных центров, кастовость, интриги в стиле работы Института истории, отсутствие коллективизма, единства, сплоченности, издание популяризаторских работ полукомпилятивного содержания при отсутствии монографий, увлечение подготовкой и публикацией многотомников по истории СССР без плана и единой программы и «бригадный метод» их написания; другим историкам негде печататься (накопилось до 700 п.л. рукописного текста), нет научного исторического журнала и другие.

Основные проблемы изучения истории в 1940-е – середине 1950-х годов. В это время можно выделить три этапа развития исторической науки: 1930-е годы, время Великой Отечественной войны и 1945 – середина 1950-х годов.

На первом этапе ведущим направлением являлась работа над учебниками и обобщающими трудами по истории России. Основное направление – изучение феодальной истории, в то время как исследование советского времени и значительной части периода капитализма было фактически парализовано указаниями ЦК ВКП (б).

Главное внимание на втором этапе уделялось военно-патриотической работе, сочетавшейся с разработкой социально-экономической истории, внутренней политики правительства, истории культуры.

На третьем этапе появились монографические исследования преимущественно по вопросам феодальной и капиталистической России с дискуссиями по некоторым проблемам дореволюционной истории и по периодизации истории советского общества в связи с подготовкой вузовского учебника по отечественной истории.

Теперь дадим краткую характеристику изучения основных проблем отечественной истории по формационным периодам.

В 1932–1934 годах обсуждался вопрос о характере общественного строя Древней Руси. Историки пришли к выводу, что у восточных славян первым классовым обществом было феодальное, отчего исследователи обратили первостепенное внимание на изучение генезиса и развития феодальных отношений в стране.

Наибольший вклад в разработку этой проблемы внес Греков Борис Дмитриевич в работе «Феодальные отношения в Московском государстве» (1935), позднее – с 1937 года переиздававшаяся под названием «Киевская Русь». Основное содержание его концепции следующее. В Киевской Руси условий для превращения рабства в господствующий способ производства не было, а патриархальное рабство шло на убыль. Место холопов занимали феодально-зависимые крестьяне, хотя свободные общинники – смерды – составляли большинство сельского населения. Материальную основу Киевской Руси составляло сельскохозяйственное производство, прежде всего, земледелие, а наиболее существенной чертой являлось установление крепостнических отношений. Начало феодализации Руси в первой работе Грекова относилось к IX веку, во второй – к VI–VIII векам.

Греков внес заметный вклад и в изучение крестьянства в двухтомнике «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» (1941, 1952), в истории которого выделял три периода. Первый период – докиевский, когда по мере роста крупного землевладения увеличивалось число зависимых крестьян, происходило разложение общины и рост

челяди. В это время преобладала отработочная рента. Однако большинство крестьян было еще свободно и вело собственное семейно-индивидуальное хозяйство.

Второй период – с XIII века число зависимых крестьян увеличивается за счет челяди и холопов, которых сажали на землю. Вотчинник, являвшийся «государем» в своих владениях, становится опасным для центральной власти.

Третий период – с конца XV века, когда на смену вотчины-сеньории приходит поместье, тесно связанное с рынком, а оброк уступает место барщине, которая становится главной формой ренты. В связи с побегами крестьян государственная власть переходит к закрепостительной политике.

С.Б. Веселовский в работе «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (1947) исследовал различные категории феодалов с XVI века: бояр и вольных слуг, митрополичьего дома, монастырей, помещиков и других, увязывая их изучение с эволюцией земельного законодательства, объединением русских земель, отменой системы кормлений и другими вопросами.

Историки уделяли большое внимание и городу как социально-экономическому центру и как центру борьбы горожан. Так Тихомиров Михаил Николаевич в работе «Древнерусские города» (1946) отмечал, что город – это порождение общественного разделения труда, торгово-ремесленный центр и в то же время – опорный пункт феодального властвования. Уровень развития русских городов не уступал западноевропейскому. Горожане в борьбе с феодалами добились городских вольностей. В городах оформлялись ремесленные цехи, купеческие и другие объединения.

Рыбаков Борис Александрович в книге «Ремесло Древней Руси» (1947) раскрывает техническую и социальную стороны организации ремесла с древнейших времен до XV века, считая, что переход от работы на заказ к производству на рынок определился еще в домонгольский период.

Бахрушин Сергей Владимирович на основе развития ремесла, мелкого товарного производства и торговли в России XVI века пришел к выводу о складывании в то время предпосылок для возникновения всероссийского рынка. Естественно-географическое разделение труда постепенно заменяется общественным, происходит процесс сращивания торгового и промышленного капитала на основе развития мелкотоварного производства.

Привлекли внимание историков и проблема преддверия генезиса капитализма в России. В ходе дискуссии, проходившей на рубеже 1940–1960-х годов, выявились разные точки зрения на нее. Одни историки (Н.В. Устюгов, Е.И. Заозерская, С.Г. Струмилин, Б.Б. Кафенгауз и другие) считали, что в XVII веке наблюдался процесс массового перерастания ремесла в мелкотоварное производство, а последнего – в мануфактуру, в частности, в солеварении, а мануфактура в XVII–XVIII веках являлась капиталистической. Другие исследователи оспаривали мнение о раннем формировании капиталистических отношений в России, а их зарождение относили ко второй половине XVIII века, признавая мануфактуру более раннего времени крепостнической.

Дружинин Николай Михайлович в докладе на X международном конгрессе историков в 1955 году отметил, что, хотя зарождение капитализма в России можно отнести к XVII веку, феодализм в это время еще не исчерпал себя и продолжал развиваться по восходящей линии до 60-х годов XVIII века, когда начался процесс разложения феодально-крепостнических отношений в России.

Расширялось и углублялось изучение петровских реформ. В Институте истории АН СССР была создана «Петровская группа» во главе с А.И. Андреевым, которая издала сборник статей «Петр Великий» в 1947 году. В нем отмечалась необходимость преобразований, исходя из тезиса об отставании России от стран Запада, подчеркивалось внутреннее и международное значение проведенных реформ. О взгляде Б.И. Сыромятникова на петровские преобразования, высказанном им в книге «Регулярное государство Петра I и его идеология», говорилось выше.

В 1930-х – середине 1950-х годов историки уделяли большое внимание изучению военной и внешнеполитической истории России. В довоенный период были проведены научные сессии Института истории по военной тематике, в частности, посвященные 230-летию Полтавской

битвы, изучена история Семилетней войны (Н. Коробков), а Е.В. Тарле опубликовал монографию «Нашествие Наполеона на Россию» (1938) и книгу по истории Крымской войны.

Особенно популярной военной тематика стала в годы Великой Отечественной войны, хотя работы в это время носили научно-популярный характер. Разрабатывались проблемы борьбы с иноземными захватчиками (Ледовое побоище, Грюнвальдская битва, разгром Ливонского ордена, борьба с монголо-татарами, военная реформа Петра I и Северная война, Отечественная война 1812 года и другие).

Публиковались материалы и работы о русских полководцах П.А. Румянцеве, А.В. Суворове, Дмитрие Донском, Минине и Пожарском, Ф.Ф. Ушакове, героях Севастопольской обороны в Крымской войне и другие. Были опубликованы два тома «Истории русской дипломатии» под редакцией Тарле.

Менее успешно изучались проблемы российского капитализма. Так, изучение Крестьянской реформы 1861 года велось преимущественно в плане ее подготовки, борьбы между крепостниками и либералами «за форму и меру уступок крестьянам», раскрывалась законодательная база реформы (П.А. Зайончковский). Что же касается реализации реформы, то она освещалась сквозь призму борьбы крестьян против нее (П.И. Лященко, М.Е. Найденев).

Большое место в исторической литературе этого времени занимало изучение истории промышленности. Были изданы монографии по истории отдельных отраслей промышленного производства: черной металлургии (С.Г. Струмилин), текстильной (К.А. Пажитнов), химической (П.М. Лукьянов) и другие. В основу этих работ легла характеристика стадий капиталистического развития. Особенно большие споры вызвала оценка промышленного переворота в России (1944) Струмилиным, начало которого автор относил к 30-м годам XIX века, и завершение – к 1860-м годам. Оппоненты критиковали Струмилину за переоценку им размеров и значения крупного машинного производства в дореформенной России и относили дату завершения промышленного переворота к более позднему времени.

Изменение классовой структуры российского общества XIX века исследовали А.Г. Рашин, В.К. Яцунский и другие, а история формирования пролетариата стала предметом изучения А.М. Панкратовой.

Серьезное внимание историков уделялось изучению революционного движения и общественной мысли, особенно анализу внутренних факторов, воздействовавших на активизацию революционного движения, что привело к переоценке и односторонней трактовке ряда аспектов этой проблемы. Так, революционное движение и передовая общественная мысль в России отрывались от западноевропейских, а иногда и противопоставлялись им. Получалось, Радищев был выше наиболее радикальных французских просветителей (Г.П. Макогоненко).

Успешно развивалось декабристоведение в работах Н.М. Дружинина, К.Е. Сыроечковского, М.В. Нечкиной. Нечкина в 1955 году опубликовала двухтомник «Движение декабристов». Издавались многотомные сборники документов, в частности – следственные дела декабристов.

Начало революционно-демократического движения историки относили к рубежу 30–40-х годов XIX века. Переоценивалась также глубина размежевания революционных демократов с либералами. Революционные демократы противопоставлялись революционным народникам, которые сближались с либеральными народниками.

Как и ранее, немалое значение имела подготовка к юбилейным датам. Так, к 50-летию Первой революции в России стала издаваться многотомная серия документов (первый том вышел в 1955 году), было опубликовано несколько десятков сборников о революционных событиях на местах и тезисы Института Маркса–Энгельса–Ленина. Юбилейные сессии были посвящены этому событию в Отделении истории Института истории, Академии общественных наук и других научных учреждениях.

Что касается истории советского общества, то она в сталинский период практически не изучалась в связи с тем, что эта сфера научной работы находилась под контролем ЦК ВКП (б). И все же в это время были написаны два тома «Истории гражданской войны» (1935,

1942). В первом томе, охватывавшем события от февраля до октября 1917 года, фактически отрицались факторы, подготовившие Октябрьскую революцию, так как Россия признавалась полуколонией, а царизм – агентом западного империализма. Для победы революции особое значение придавалось размаху революционного движения под руководством партии большевиков.

Во втором томе (сентябрь–ноябрь 1917 года) подчеркивалась особая роль в революционизировании масс двух вождей – Ленина и Сталина, вместо Ленина и Троцкого, как утверждалось ранее.

Во время Великой Отечественной войны главное внимание историков было сосредоточено на ее изучении и рассмотрении истории народов СССР. В 1942–1945 годах была создана «Летопись Великой Ответственной войны», в которой военные действия освещались по сводкам Совинформбюро, изданных в девяти томах. Первым обобщающим исследовательским трудом по истории войны стала коллективная монография «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Одним из авторов и ее редактором был Сталин. Концепция войны, содержащаяся в этой книге, состояла в характеристике 10 сталинских ударов, которые обеспечили Великую Победу, что надолго сохранилось в советской историографии.

Историки, находившиеся во время войны в эвакуации в союзных республиках, приступили к написанию их истории. Первым обобщающим трудом по этой проблематике и объектом для критики стала «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (1943), вышедшая под редакцией А.М. Панкратовой. Ее обсуждению придавалось особое значение, так как эта работа должна была стать образцом для написания подобных книг в других республиках. В качестве недостатка назывался факт завоевания Казахстана Россией, что на первое место поставлена борьба казахского народа за независимость, а не сотрудничество с русским народом, не показано прогрессивное значение вхождения Казахстана в состав России. В связи с этим предписывалось раскрывать не завоевание, а присоединение, добровольное вхождение народов, показывать, прежде всего, то, что объединяет другие народы с русским в составе единого государства, прогрессивное значение этого явления. Однако вышедшие вскоре «Очерки» истории Таджикистана, Башкирии и других республик имели по существу те же недостатки.

Следует отметить, что наиболее крупные работы монографического плана практически по всем темам советского времени носят характер завершающего периода Великой Отечественной войны и послевоенному десятилетию.

Историческая наука в период хрущевской «оттепели». Решения XX съезда КПСС, развенчавшие культ личности Сталина, оказали определенное влияние и на историческую науку. Они в некоторой степени раскрепостили общественную мысль в СССР, что привело к изменениям в подходе к изучению истории.

После XX съезда было принято несколько постановлений ЦК КПСС, создавших организационные предпосылки для перемен в исторической науке: о журналах «Вопросы истории» и «Вопросы истории КПСС» (1957), «Об издании ленинских произведений» (1958), «О некоторых вопросах работы АОН при ЦК КПСС» (1959), «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» (1961) и другие.

В 1957 году была осуществлена реформа вузовского образования: введены типовые учебные планы исторических факультетов, научная специализация, конкурсы на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава.

В 1962 году было созвано Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, в котором участвовало около двух тысяч человек. На нем работали три секции: Истории КПСС, Истории СССР и Всеобщей истории, где обсуждался широкий спектр вопросов по истории, и были определены задачи по совершенствованию ее изучения.

Произошли некоторые изменения и в управлении исторической наукой. В частности, в Институте истории АН СССР были созданы научные советы и научно-исследовательские группы по наиболее актуальным проблемам Отечественной истории: Истории Великой Ок-

тябрьской социалистической революции, Истории социалистического и коммунистического строительства, истории внешней политики и международных отношений, генезиса феодализма и генезиса капитализма, истории исторической науки и другие. Они объединяли силы историков страны для совместного исследования и широкого обсуждения вышеуказанных и других проблем.

Приносила свои плоды и реформа высшей школы: число докторов и кандидатов исторических наук в вузах возросло с 5 880 в 1955 году до 7 795 в 1965, а число преподавателей, занимавшихся научной работой, увеличилось вдвое.

Возросло число периодических изданий по истории: с 1957 года стали издаваться журналы «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», «Вестник мировой культуры», «Советская археология», «Современный Восток», а с 1959 года – «Военно-исторический журнал». Наряду с ними издавались «Ученые записки», «Доклады», «Труды», «Ежегодники» – органы научных учреждений и вузов.

И все же, несмотря на эти организационные меры, качественные изменения в исторической науке были невелики и носили ограниченный характер. Так, например, после XX съезда КПСС был подвергнут критике «Краткий курс истории ВКП (б)», однако сам остов истории, написанный по-сталински, был оставлен без скольких-нибудь серьезных изменений в новых учебниках по истории КПСС. В них, как и ранее, политическая история СССР освещалась как перманентная борьба с «врагами народа», а борьба эта рассматривалась как однозначно позитивная. Утверждалось, что нарушение социалистической законности и массовые репрессии, хотя и нанесли ущерб, но не смогли изменить природу социализма и поколебать ленинские основы партии. Таким образом, «ленинская генеральная линия партии, проводимая Сталиным и по-сталински, оставалась незыблемой. Верхи общества не намеревались пересматривать принципиальные положения истории партии и советского общества.

В этом плане показательна судьба редакции журнала «Вопросы истории» и попытки пересмотра истории, которые предпринимали редакторы.

План пересмотра истории хорошо просматривается в задачах, которые были поставлены редакцией журнала в докладе Бурджалова:

1. Борьба против последствий культа личности Сталина в исторической науке, с догматизмом и фальсификацией истории.

Преодоление недооценки революционного переворота, совершенного марксизмом в развитии социалистической идеи, с одной стороны, а с другой – преодоление оторванности марксизма от предшествовавшей ему революционной мысли. Так, в сталинское время при изучении истории не рекомендовали работу «Три источника и три составные части марксизма», так как Сталин заявлял, что марксизм не имеет предшественников.

Критически пересмотреть и переосмыслить состояние советской исторической науки, выяснить проблемы, которые не изучались или фальсифицировались, то есть – на «белые пятна» в истории.

Серьезнейшее внимание предлагалось обратить на изучение истории исторической науки, в том числе и зарубежной.

Признавалось, что одним из самых действенных методов развития исторической науки должны стать дискуссии, но без оргвыводов Центрального Комитета партии и его указаний до начала обсуждения проблем, как это было ранее.

Историкам рекомендовалось не поддаваться конъюнктуре, а делать свои выводы, опираясь на материалы исторических источников.

Для расширения источниковой базы вносилось предложение открыть архивы, спецхраны в библиотеках, переиздать стенограммы и протоколы всех съездов и конференций компартии, опубликовать те работы Ленина, которые не вошли в 4-е издание его сочинений и подготовить Полное собрание сочинений Ленина.

Однако эти задачи, предложения, рекомендации остались благими пожеланиями, так как постановление ЦК КПСС 1957 года «О журнале «Вопросы истории» не допускало каких-либо

серьезных перемен в исторической науке. Более того, ведущие члены редакции журнала были отстранены от работы. Историческая наука по-прежнему оставалась под бдительным контролем Идеологического отдела ЦК КПСС.

При изучении истории феодального периода основное внимание историки уделяли проблеме генезиса и развития феодализма. Концепция Б.Д. Грекова оставалась незыблемой, но появились некоторые новинки в ее исследовании. Историки, прежде всего, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин предприняли попытку расшифровки терминов, содержащихся в древнерусских источниках, и изменению их содержания в последующее время, результатом чего стало комплексное изучение всех категорий зависимых людей. Активно продолжалось изучение классовой борьбы в Древней Руси М.Н. Тихомировым, В.И. Мавродиным и другими историками.

Всесторонне велось исследование проблемы образования древнерусского государства, особенно Б.А. Рыбаковым. Он подверг критике норманскую теорию, считая, что правление норманов было слишком кратким эпизодом, чтобы оказать существенное влияние на Русь, а уровень развития Руси был довольно высок, отчего процесс образования государственности шел в соответствии с внутренними закономерностями исторического процесса. Рыбаков относил время образования Древнерусского государства к VIII–IX векам, а формирование предпосылок для этого – к более раннему времени.

Впервые была обстоятельно изучена культура Древней Руси в работах Н.Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.» и Б.А. Рыбакова «Сказания. Былины. Летописи», а также Д.С. Лихачевым

Значительно продвинулось изучение процесса образования единого Российского государства. При этом появились разные мнения историков по этой проблеме. Л.В. Черепнин в монографии «Образование русского централизованного государства» (1960) особое внимание уделил социально-экономическим предпосылкам этого процесса, развитию сельского хозяйства, торговли, промыслов. Его основной оппонент А.М. Сахаров отвергал какое-либо влияние торговли, ремесла, городов на процесс образования единого Российского государства, считая, что определяющее, почти монопольное воздействие на него оказывало развитие феодально-крепостнического порядка в стране. Завершение этого процесса Сахаров относил не к концу XV века, как Черепнин, а к XVII столетию.

При характеристике влияния личности на историю особый интерес вызвал Иван Грозный. В 1955 году состоялась дискуссия, на которой С.М. Дубровский призвал покончить с идеализацией Ивана IV, что было присуще историографии предшествующего периода, и признать бессмысленными многие его действия, прежде всего, опричнину. Большинство же выступавших отметило, что в оценке личности надо соблюдать принцип объективности, учитывать плюсы и минусы в ее деятельности. Вместе с тем ряд историков (С.Б. Веселовский, Р.Г. Скрынников) резко отрицательно оценивали опричнину, подчеркивая, что террор опричных сил обрушился и на верхи общества, и на народные массы.

Был поднят вопрос о значении сословно-представительной монархии в политической жизни России (Н.Е. Носов, М.Н. Тихомиров) и сделан вывод о ее заметной роли и в центре (земские соборы), и на местах (земские избы, губные и другие учреждения).

Выступление М.В. Нечкиной в дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма в России в 1955 году вызвало разную оценку историков. Далеко не все были согласны с утверждением докладчика, что с XVII века начинается «нисходящая» стадия феодального общества. Наоборот, ряд историков, например, В.И. Корецкий, утверждали, что с конца XVI века и в XVII столетии крепостнические отношения в России укреплялись и достигли апогея. Вместе с тем, оппоненты Нечкиной согласились с ее тезисом о «восходящей» стадии развития капиталистических отношений, но разошлись по вопросу о времени ее начала.

В 1965 году на Всесоюзной конференции по проблеме «О переходе России от феодализма к капитализму» выделились две группы историков, относившие генезис капитализма к разному времени. Одни – сторонники раннего генезиса капитализма – считали, что этот процесс относится к XVII веку, правда, еще в виде «элементов», связывая его с углублением

общественного разделения труда, превращением ремесла в мелкотоварное производство, а последнего – в мануфактуру. Другая группа историков – сторонники позднего генезиса капитализма – считала, что в XVII – первой половине XVIII века в России еще не было каких-либо серьезных перемен в социально-экономической сфере в сторону капитализма. Наоборот, развитие крепостничества вширь и вглубь глушило ростки новых отношений, а капиталистический уклад в России сформировался во второй половине XVIII века.

Историков по-прежнему привлекала проблема истории классовой борьбы, обсуждение которой началось с выходом в свет статьи А.А. Зимина в 1958 году. Он предложил включить в понятие «гражданская война» все события, происходившие в России в начале XVII века. Значение первой крестьянской войны Зимин связывал с тем, что она задержала введение крепостничества в стране и содействовала колонизации Сибири за счет беглых. Во время дискуссии было дано определение понятия крестьянской войны – это разновидность гражданской войны, когда население раскалывается на лагеря, открыто борющиеся друг с другом, и когда ставится вопрос о власти. В число крестьянских войн в России было включено и движение под руководством Кондратия Булавина в 1707–1708 годах. В связи с крестьянскими войнами был поставлен вопрос о крестьянской идеологии, еретических течениях и их причинах.

При изучении истории капитализма в России исследователи обратились к проблеме развития сельского хозяйства. И.Д. Ковальченко, используя математические методы, выявил ведущие тенденции и развития сельскохозяйственного производства в различных регионах Европейской части России («Русское крепостное хозяйство в первой половине XIX века», 1967). Он отметил, что решающее воздействие на положение крестьян в этот период оказывали товарно-денежные отношения, неодинаково развитые в разных регионах страны и оказывавшие неодинаковое влияние на разные категории крестьян. Более сильное влияние товарно-денежные отношения, по мнению другого историка, В.А. Федорова, оказывали на государственных крестьян Севера и Сибири и на частновладельческих крестьян центрального региона европейской части России. В целом, было признано, что в хозяйствах крестьян первой половины XIX века отчетливо прослеживался генезис буржуазных отношений. Однако историки расходились в оценке удельного веса и роли разных укладов в деревне: полупатриархального, мелкотоварного, полукрепостнического, капиталистического. Различные точки зрения были и в оценке степени развития и соотношения двух форм аграрного капитализма в России во второй половине XIX – начале XX веков – прусского и американского.

Общую картину промышленного развития в России второй половины XIX века раскрыл П.А. Хромов (1963). Основным звеном этой проблемы являлся вопрос о времени промышленного переворота в России. Большинство историков относили начало его к рубежу 1830–1840-х годов, а завершение – к рубежу 1870–1880-х годов. Лучше была изучена техническая сторона промышленного переворота – превращение мануфактуры в фабрику, а социальная его сторона – формирование пролетариата и буржуазии – изучалась неравномерно: история пролетариата – активно, а буржуазии – слабо.

История классовой борьбы и революционного движения занимала центральное место в историографии. В период «оттепели» несколько иначе раскрывали историю крестьянского движения, а активизация исследования этой проблемы в масштабах всей страны, по регионам и категориям крестьян связана с выходом в свет 20-томного сборника «Крестьянское движение в России XIX – начала XX в.» Вовлечение в научный оборот массы новых источников позволило историкам выявить причины крестьянских выступлений (усиление крепостнического гнета и стремление крестьян к свободной экономической деятельности), классифицировать формы борьбы крестьян (активные и пассивные), изучить требования и социальную психологию сельского населения, взгляды крестьянских вольнодумцев.

Об активном изучении истории революционного движения свидетельствовало издание семи сборников «Революционная ситуация в России 1859–1861 гг.» под редакцией М.В. Нечкиной. В них содержался комплексный анализ проблемы: дана оценка экономических предпосылок и

особенностей крестьянского, солдатского, национального движений; деятельности революционных демократов, общества «Земля и воля» 60-х годов XIX века, студенческого и либерального движений, раскрыт «кризис верхов» на рубеже 1870–1880-х годов.

На новую ступень вышло изучение темы революционного народничества, когда был сделан вывод о том, что революционные народники являлись непосредственными продолжателями дела революционеров-демократов, «шестидесятников» (Б.П. Кузьмин). Исследовалась история отдельных организаций народников: «Земли и воли» 1870-х годов (П.С. Ткаченко), народнических кружков и «хождения в народ» (Б.С. Итенберг), «Народной воли» (С.С. Волк и Седов). Отдельные работы были посвящены идеологам народнического движения – П.Л. Лаврову, М.А. Бакунину, Н.Н. Ткачеву.

М.И. Хейфецом и П.А. Зайончковским впервые была изучена вторая революционная ситуация в России – 1870–1880-х годов. Авторы тесно увязывали «кризис верхов» с революционным и либеральным движением, а разошлись они в определении причин «кризиса верхов»: Хейфец связывал его с крестьянским движением, а Зайончковский – с деятельностью «Народной воли».

История борьбы пролетариата изучалась по отдельным регионам страны в многочисленных статьях, в которых раскрывались вопросы о связи рабочего и народнического движений, о борьбе рабочих за улучшение условий труда, о роли рабочей печати, о формах борьбы пролетариата, особенно стачечной, как чисто пролетарской. В конечном итоге история рабочего класса была обобщена в коллективной монографии «Краткая история рабочего движения в России» и в «Очерках истории российского пролетариата».

Довольно основательно исследовались проблемы распространения марксизма в России, деятельность первых социал-демократических групп, а также начало революционной деятельности В.И. Ленина.

На новый уровень было поставлено изучение истории монополистического капитализма в России в работах А.Л. Сидорова, И.Ф. Гиндина, В.И. Бовыкина, К.Н. Тарновского и других, в которых было подчеркнuto, что он достиг заметного развития. Было отмечено также, что формы монополистического капитализма в России были сходны с западными: картели в 1880–1890-х годах, синдикаты – в 1900–1908 годах, тресты и концерны – накануне и в годы Первой мировой войны.

Изучение вопроса о связи государства и монополий позволило сделать вывод о том, что во время войны в России сложилась система государственно-монополистического капитализма, которая создала материальные предпосылки для социалистической революции, в частности, общегосударственное регулирование отдельных отраслей промышленности и централизованное распределение продуктов и сырья. Несмотря на преобладание иностранного капитала в ряде отраслей промышленности и в банковских монополиях, российские монополии не утратили самостоятельности, а иностранный капитал приспособлялся к экономическому развитию России. Не российские монополии зависели от иностранных, а государство – от внешних займов, отчего Россия в отношениях с Западом являлась неравным партнером. Наконец, все исследователи видели особенности экономики России в период империализма в ее многоукладности, в противоречивом сочетании высших форм монополизации в промышленности и отсталости сельского хозяйства. Однако, делали из этого разные выводы: одни считали, что феодально-крепостнические пережитки оказывали сильное воздействие на монополистический капитализм и именно в этом смысле оценивали российский капитализм как военно-феодальный; другие ставили вопрос о необходимости разграничения особенностей монополистического капитализма и особенностей экономики России в целом и считали, что монополистический капитализм в России не отличался от западного, а крепостнические пережитки не являлись особенностями империализма в России. Военно-феодальный империализм они относили к особенностям политической надстройки, связывая их с царизмом, который активно вмешивался в экономическую жизнь страны, а также с агрессивностью внешней политики.

История советского общества в отечественной историографии времени хрущевской «оттепели» исследовалась всесторонне. Естественно, что первостепенное внимание уделялось изучению Октябрьской революции. С образованием в Институте истории АН СССР научного сектора «История Великой Октябрьской социалистической революции» в 1958 году и аналогичных отделов в республиканских академиях наук работа над этой темой была скорректирована. В работах по истории Октября преодолелся иллюстративный метод, а в научный оборот было введено огромное количество новых источников.

При написании истории Октябрьской революции особое место занимала ленинская проблематика, а исследовалась она по двум направлениям: написание трудов, посвященных Ленину как теоретика и вождю революции, и разработка научной биографии вождя, методов его исследовательской работы, особенно в многотомной биографии Ленина и Ленинских сборниках. В результате этой теории о двух вождях революции была отвергнута.

Из обобщающих работ по истории Октябрьской революции стоит отметить сборник статей по этой теме, вышедший в 1962 году под редакцией И.И. Минца, «Очерки Великой Октябрьской социалистической революции» Гапоненко, третий том «Истории гражданской войны» и трехтомник «История Великого Октября» И.И. Минца. В этих и других работах изучались проблемы истории складывания советской государственности и роли государства в социалистических преобразованиях. О насилии социалистического государства не говорилось, а, если и случалось, то ссылались на объективные обстоятельства применения этих мер, которые квалифицировались как ответ на насилие классовых врагов. Кроме того, раскрывались вопросы введения рабочего контроля и его роль, национализации промышленности, развития социалистической революции в деревне и другие. В целом, была разработана «гуттаперчевая» концепция истории Октября, сохранявшаяся в течение остального советского периода лишь с некоторой корректировкой ее.

Исследованию истории гражданской войны способствовало создание координационного центра по ее изучению в конце 1950-х годов в Институте Маркса–Энгельса–Ленина, который и завершил издание многотомной «Истории гражданской войны в СССР» (4-й и 5-й тома, изданные в 1957 и 1969 годах). Вовлечение большого комплекса новых документов позволило раскрыть многие аспекты этой проблемы, хотя главными элементами концепции истории гражданской войны являлось раскрытие роли в ней партии и главного командования Красной армии. Роль Сталина была несколько уменьшена. Не было сколько-нибудь серьезного анализа деятельности белого лагеря. Появились монографии по истории отдельных этапов гражданской войны и иностранной интервенции, военных действиях в различных регионах страны, деятельности Ленина в организации обороны Советской России и создании Красной армии.

Изучение опыта социалистического строительства в СССР в связи с образованием социалистического лагеря приобрело особое значение. Исследовалась история новой экономической политики по трем направлениям: как политика построения социализма, роль партии в ее осуществлении, международное значение НЭПа. В середине 60-х годов эта тема обсуждалась на страницах журнала «Вопросы истории» и «Вопросы истории КПСС», а наиболее значимыми выводами дискуссии явились: подчеркивание преемственности экономической политики весной 1918 года и весной 1921 года, решающее значение вклада Ленина в разработку новой экономической политики, разработку периодизации НЭПа в пределах восстановительного периода и ее перерастание в экономическую политику победившего социализма.

При изучении истории индустриализации занижался исходный дореволюционный уровень промышленного развития России, а приоритетными стали такие аспекты этой проблемы как роль партии в индустриализации страны, ленинское учение о промышленности как материально-технической базе социализма, источники социалистической индустриализации, методы ее осуществления и значение. Многие аспекты проблемы оставались дискуссионными, в том числе и вопрос о времени завершения

индустриализации: одни относили его к началу первой пятилетки, другие – к 1941 году, третьи – к послевоенному времени. Недостатком исторических работ по индустриализации СССР являлось ограничение ее лишь технико-экономической стороной, созданием тяжелой промышленности, подчеркивание коренных отличий социалистической индустриализации от капиталистической, которая начиналась с накоплением капиталов в других отраслях экономики.

В связи с изучением истории индустриализации активизировалась работа историков над проблемой истории рабочего класса: выявлялся его состав, источники пополнения, участие в управлении производством, шефство над деревней, интернациональные связи. Однако в работах по этой теме почти не говорилось об отношении рабочих к своему делу, разве, кроме «маяков», об их быте, социальном и материальном положении.

При изучении истории коллективизации преимущественное внимание обращалось на значение теоретического наследия Ленина, решения съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП (б). Конкретные вопросы коллективизации изучались по двум направлениям: по пути создания обобщающих работ, включая характеристику ее предпосылок, подготовки, основных ее этапов и значения, а также изучение отдельных сторон коллективизации. Недостатками работ (особенно обобщающих) обоих направлений являлись: уделение преимущественного внимания комментированию партийных и государственных документов, зачастую без связи с их реализацией, не раскрывался или затушевывался реальный вклад Сталина в коллективизацию и ее негативные стороны. Однако и те новинки, которые были внесены в коллективную монографию по этой проблеме в 1960-е годы, вызвали неудовлетворение преемников Хрущева, и уже набранная в типографии работа так и не была опубликована.

История Великой Отечественной войны изучалась планомерно и комплексно. Удалось достичь некоторого преодоления шаблонов и догматических представлений сталинского времени. Главное же внимание историков было уделено изучению хода военных действий, вооруженной борьбы с фашизмом на фронте и в тылу. Была издана шеститомная «История Великой Отечественной войны советского народа в 1941–1945 гг.» (1960–1965), в написании которой принимали участие ученые различных научных центров и учебных заведений СССР. В этом издании был рассмотрен весь комплекс аспектов проблемы, при критическом отношении к Сталину, но без разгромной оценки. Однако в этой работе была непомерно преувеличена роль Н.С. Хрущева – очередного партийного лидера.

Впервые была предпринята попытка комплексного изучения истории культуры, как специального объекта исследования. Прежде всего, стоит отметить выход в свет по этой теме обобщающих работ М.П. Кима «Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР» и «Советская культура за 40 лет Советской власти» (1957). Культура в этих книгах рассматривалась в качестве составной части строительства социализма как культурная революция, и подчеркивалась особая роль партии в ее развитии. Из других культурных аспектов первостепенное внимание обращалось на ликвидацию неграмотности в СССР, перестройку системы образования, создание советской науки и искусства, не касаясь морально-этических аспектов проблемы. В это время издавались тематические сборники документов: Ленин о культуре; работы лиц, руководивших культурой или отдельными участками культурного дела – А.В. Луначарского, Н.К. Крупской, М.И. Калинина и других.

Наконец, большое значение приобрело издание обобщающих работ по Отечественной истории. В их написании принимали участие авторы, имевшие наработки, часто монографические, по отдельным проблемам истории России, что придавало работам такого рода научный и достоверный характер. Особое значение из них имела многотомная коллективная монография «История СССР с древнейших времен до наших дней» в двенадцати томах. Стоит, однако, отметить, что к хрущевскому времени относятся лишь первые ее тома, а остальные, прежде всего, по советской истории, были напечатаны во времена «застоя», когда отношение к изучению истории изменилось.

Характерные черты советской историографии в середине 1960-х – первой половине 1980-х годов. С конца 1960-х годов в советской историографии произошли се-

рьезные перемены. Чтобы выяснить их, обратимся вначале к выяснению изменений, происшедших в методе исторического познания, который, как известно, играл решающую роль в смене исторических концепций.

В период «застоя», начавшемся с конца 1960-х годов, избегали глубокого изучения марксизма-ленинизма, ограничиваясь набором цитат из работ классиков этого учения, а осмысление марксистского учения было взято под подозрение. Примером этого может служить расправа над «группой революционного коммунизма», в которую входили саратовские студенты, «задумавшиеся прежде времени». Вина студентов состояла в том, что они предприняли попытку глубоко изучить произведения Ленина, а их лидер – Олег Сенин, студент исторического факультета Саратовского университета, проштудировал все 55 томов Полного собрания сочинений Ленина, а также работы Каутского, Лафарга и других марксистов. К Ленину члены группы никаких претензий не имели, но сопоставляли ход его мыслей с современностью и находили множество расхождений, убеждаясь, что идеи Ленина были во многом не реализованы или искажены. За это и поплатились, получив по 70-й статье УК СССР от трех до семи лет.

Результатом «цитатнического» отношения к марксизму стал возврат к догматизму сталинскому времени. Догматики делят знания на две части: верные и неверные (белое и черное). Догматизм не опасен, пока остается в теории как один из вариантов решения проблемы. Но он становится крайне опасным, когда их носители находятся у власти и жестко проводят свои взгляды в жизнь. Это и произошло в СССР с середины 1960-х годов, когда был осуществлен переход к догматизму сталинского времени и соответствующему отношению к изучению истории. Главный идеолог «застойного времени» М.А. Суслов подверг критике «вольнодумный поворот» Хрущева, приведший к «оттепели» и негативной оценке некоторых сторон сталинизма. Суслов считал мирное сосуществование в идеологии невозможным и признавал сталинский тезис об усилении классовой борьбы при строительстве социализма. Стиль его руководства идеологией – охранительный: запрещение всего, что противостояло сталинизму. В результате произошла стандартизация мысли, что привело к однообразию, одноликости, односторонности духовных ценностей, в том числе и в исторической науке.

Догматизм оказал крайне негативное влияние на изучение истории, особенно советского периода. Можно отметить, что история феодализма и капитализма в России продолжалась активно исследоваться: появилось множество работ по различным аспектам этих проблем, и том числе и монографий, что можно проследить по материалам историографических обзоров, публиковавшихся от одного съезда к другому. В этих работах были и рациональные зерна, и недостатки, и все же негативное влияние ЦК КПСС на историю этих периодов было меньше, чем по советскому периоду. Но и здесь в отдельных случаях невозможно было избежать давления со стороны тех историков, которые находились под крылом Идеологического ведомства партии. Можно привести два примера.

Первый связан с концепцией Киевской Руси Фроянова Игоря Яковлевича, которая коренным образом отличалась от утвердившейся в советской исторической литературе концепции Б.Д. Грекова. Пересмотр ее осуществлялся Фрояновым, по крайней мере, по двум направлениям: во-первых, отмечалась большая значимость на Руси рабовладельческих, хотя и патриархальных, отношений, а во-вторых, формирование феодальных отношений относилось к более позднему времени: вместо IX–X веков – к XII–XIII. Оппоненты Фроянова использовали для критики его концепции все академические исторические издания, в то время как Фроянов был лишен этой возможности до начала перестройки.

Другой пример связан с работой П.В. Волобуева по проблеме Октябрьской революции, вышедшей в 1970 году, в которой он изложил совершенно иной вариант расстановки движущих сил и раскрыл содержание многоукладности экономики в дореволюционной России. И поплатился за это: его концепция была подвергнута жесточайшей критике, а сам он был снят с должности заведующего сектором Института истории АН СССР.

Особенно большим было влияние догматизма на советскую историю. Не раскрывая подробно перемены в изучение ее, можно остановиться лишь на выявлении характерных черт

советской исторической науки времени «застоя», что частично раскрыто в статье: Глебова В. Характерные черты историографии второй половины 60-х – первой половины 80-х годов // Страницы истории КПСС. – 1988. – Вып. 1).

Чрезвычайное обилие исторической литературы по советскому периоду, что привело к ее затовариванию. Так, книги руководителей КПСС и Советского государства, изданные в 1959–1983 годах, оказались невостребованными читателями, в том числе доклады и речи Л.И. Брежнева – 166 наименований общим тиражом в 2 679 371 экземпляр. Такая же судьба постигла и многие исследования советских историков, хотя они публиковались несравнимо меньшим тиражом, нежели партийные издания.

Формирование умозрительных схем изучения тех или иных проблем «наверху», в Идеологическом отделе ЦК КПСС, и комментирование их историками посредством подбора соответствующего источникового материала. Подлинно научное исследование становилось уделом «чудаков» и «неудачников». Примером этого является работа Александра Некрича «1941 год. 22 июня» (1966), в которой он впервые подробно раскрыл причины поражения Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. За это он был исключен из партии, восемь лет работал под жестким контролем, а в 1976 году был выслан из СССР. Примечательно, что, работая в США, в Русском отделении Гарвардского университета А. Некрич написал «Воспоминания историка», работу «Отрешись от страха» (историю исторической науки в СССР в послевоенное время до 1976 года), книги «Наказанные народы» (о депортации народов Кавказа и Крыма в сталинское время) и «Историю Советского Союза. 1917–1985 гг.» На последнюю книгу было около 120 рецензий, из которых только восемь были отрицательными.

Основная часть историков, работавших в «застойное время», писала конъюнктурные сочинения, соответствовавшие заказам партийных идеологов.

3. Для времени «застоя» была характерна максимальная политизация советской истории: стереотипный, унифицированный, односторонний взгляд, который сознательно насаждался средствами массовой информации, при преподавании истории в школах и вузах, через публицистику, художественную литературу и т.п. Под предлогом недопущения «очернительства» от историков требовали, чтобы они не заостряли внимания на ошибках и недостатках, а если историки все же решались на это, то такие суждения отсекались цензорами.

Л.И. Брежнев на XXIII съезде КПСС указал: неукоснительно выполнять решения ЦК КПСС об ответственности редакторов газет и журналов за допущенные ими погрешности, их обязанности поправлять тех, кого «заносит», и проявлять непримиримость к тем, кто порочит нашу советскую действительность. Выступавшие на этом съезде призывали к новому освещению нашей истории в противоположность времени «оттепели», историки должны были отмечать, что партия прошла трудный, но славный путь борьбы и побед, что ошибки у партии были, но они несоизмеримы с достигнутыми успехами.

4. Наступление неосталинизма сопровождалось стремлением восстановить в правах сталинские оценки истории. Возрождалась терминология сталинских лет, заимствованная из «Краткого курса истории ВКП (б)». Шла реставрация сталинизма, ярко выраженная уже с 1966 года, со времени работы XXIII съезда КПСС. Подлинная, объективная история стала не нужна, был создан культ канонизированной, дозированной правды.

Кроме того, любой вопрос советской истории 1970–1980-х годов должен был рассматриваться сквозь призму тезиса о развитии социализме как высшем достижении общественного прогресса.

Исторический процесс рассматривался не только как беспроблемный, но и как непрерывно восходящий и мудроуправляемый.

Неудержимость прогресса истории советского времени предусматривала необходимость жесткого административного вмешательства административно-командной системы. И речь шла не только о влиянии партии, но и о том, что определенные научные направления были монополизированы узкими группами высокопоставленных историков в Отделе науки ЦК

КПСС, Институте истории АН СССР, в университетах. Они и превратились в официальных историографов, задержав разработку объективного хода истории. Поворот в этом наступил с середины 60-х годов, когда была опубликована статья Трапезникова в «Правде» 8 октября 1965 года и в заявлении-статье трех крупных советских историков 30 января 1966 года.

В «застойный период» особое значение приобрело написание обобщающих трудов: многотомная «История СССР с древнейших времен до наших дней», История рабочего класса, крестьянства, 12-томная «История Великой Отечественной войны», «История Коммунистической партии Советского Союза» в пяти томах и другие. Это был лучший способ выполнения заказа «сверху». Такие труды не имели авторского лица (по советскому периоду), отличались серостью, компилятивностью. В них обходились острые вопросы истории. Выводы во многом определялись заранее и были однозначно бескомпромиссными – мысль в последней инстанции. Эти труды были избавлены от критики, так как возглавлялись «пышными редколлегиями», получавшими за свою работу ордена и медали.

Историки и издательства ориентировались верхами на юбилейные кампании, которые впустую растрчивали силы множества специалистов, не принося практически никакой пользы, так как мысли и выводы по проблемам юбилейных дат не выходили за пределы тезисов ЦК КПСС, приуроченных к этим датам. Вред же эти формализованные мероприятия и кампании наносили серьезный. Особенно популярными и проводимыми ежегодно были юбилеи, посвященные Октябрьской революции и Ленину. Идеи Ленина, подобранные в духе «застойного времени», возводились в абсолют. Поэтому-то тогда сформировался и утвердился идеальный образ В.И. Ленина, никогда не ошибавшегося, законинированного, хрестоматийно благополучного.

Для исторической литературы по советскому периоду, особенно 1970-х годов, была и особая источниковая база. Поскольку особого осмысления материала не требовалось, ограничивался доступ историков в архивы. Издавались сборники документов по официально разрешенным темам.

Огромное число исторических работ, содержащих иные взгляды на историю, прежде всего иностранных авторов, оказались в спецхране, доступ в который историкам ограничивался. Иностранная литература в спецхране выдавалась лишь «специалистам» по критике буржуазных фальсификаторов. Труды по этой теме писались по единому сценарию, в котором предусматривалось огульное порицание зарубежных советологов.

В период «застоя» научные конференции проводились преимущественно по дореволюционной истории России, а по советской – по юбилейным датам, на которых коллективной проработке подвергались те, кто высказывал взгляды, отличавшиеся от официальной точки зрения на проблему, нередко с негативными последствиями.

Оценка советской историографии времени «застоя» прозвучала в постперестроечный период, когда была предпринята попытка пересмотра Отечественной истории, особенно советского времени, и она была неоднозначной.

Их оппоненты смотрели на советскую историческую науку иначе. Юрий Нагибин отмечал, что «близкая нам история нашего общества еще не написана. А то, что выдается за историю – сочетание фальсификации с замалчиванием, сплошные "белые пятна"». Пожалуй, самую резкую оценку советской историографии дал Юрий Афанасьев: «Нет и не было в мире народа и страны со столь фальсифицированной историей как наша. Это прежде всего касается советской истории. Полуправда нас измучила, довела до нервного истощения»

Таковы две крайности: одни, спасая честь собственного мундира, допускали некоторую корректировку взглядов на историю, а другие считали необходимым пересмотреть историю советского времени коренным образом. Время, когда историки выражали свои взгляды на историю, было переломным (перестройка), а их высказывания носили непримиримый характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.
2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.
3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. М.А. Барг. - М., 1984.
2. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2
3. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4
4. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

ТЕМА14-15

Отечественная историография на рубеже XX-XXI вв.

Перемены в СССР и Российской Федерации, произошедшие после 1985 года, вызвали к жизни альтернативные оценки многих проблем истории советского периода. Накал политических страстей в оценке современности служил основой и для определения подходов к изучению истории. Особое внимание было обращено на исследование послеоктябрьского периода истории нашей страны. Можно выделить отдельные периоды пересмотра истории, а критерием периодизации может стать выделение той силы, которая играла главную роль в ее переосмыслении в то или иное время.

Первый период можно назвать подготовительным. Инициаторами переосмысления истории стали писатели. Основным видом литературы являлись повести, романы, выведшие из тайников, которые были опубликованы с началом перестройки. Среди них «Белые одежды» В. Дудинцева, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Печальный детектив» В. Астафьева, «Новое назначение» А. Бека и многие другие. Под их воздействием шла подготовка общественного мнения, психологии народа к тем переменам, которые предстояло осуществить. Опыт прошлого предупреждал о жестокости коммунистического эксперимента и звал к тем переменам в общественной жизни, которые бы прервали его.

Параллельно с этим профессиональные историки выдавали «на-гора» массу литературы по стандартам «застойного времени».

Два направления. Оба не научны, но литераторы будили мысль и звали к переменам, в то время как историки продолжали идеализировать советское прошлое. Результаты труда последних оставались невостребованными и скапливались на складах или шли в нагрузку к ставшим популярными художественным произведениям. Первый период охватывал, примерно, время с 1985 по 1987 год.

Второй период – с 1987 по 1989 год, начало которого связано с публикацией доклада М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» по поводу 70-летнего юбилея Октябрьской революции. При всей осторожности и ограниченности пересмотра истории в докладе, он все же стал фактом, а расширение гласности позволило использовать предоставленный партией шанс для переосмысления советского прошлого. Но и в этот раз в бой за пересмотр истории советского времени вступили не историки, а публицисты. Основным видом литературы стала острокритическая, в сущности, антикоммунистическая статья, а период этот можно назвать публицистическим. Публицист искал в истории примеры негативных деяний коммунистов с 1917 года до современности. Выбор тем тесно увязывался с политической борьбой перестроенного времени, а раскрытие их было связано с изложением альтернативных вариантов отдельных проблем советской истории. Благодаря публицистике многие факты и события послеоктябрьского времени впервые становятся достоянием общества. Необычайный рост тиражей периодических изданий, в которых публиковались статьи нового направления, свидетельствовал о верности избранного публицистами метода подачи материала и его содержания, об одобрении его читателями. Вместе с тем стоит отметить определенную тенденциозность в анализе событий и фактов, слабость и односторонность источниковой базы. И все же публицисты сыграли положительную роль в изучении советской истории, обеспечив плюрализм мнений, а их статьи стали важным средством ломки многих стереотипов в советской истории, содействовали раскованности мысли исследователей и подготовки их к разработке проблем с позиции нового мышления. Другая оценка вклада публицистов как «очернителей истории», «диверсии против нашего Отечества» исходила из правого крыла коммунистического лагеря.

Волна публицистики по исторической тематике стала возможной потому, что большинство населения страны было негативно настроено к литературе советского времени, вышедшей в застойное время, к беспроblemному изображению жизни в СССР, изложению материала лишь в поступательной плане: от успеха к успеху.

Лишь часть историков-профессионалов, обладавших публицистическим даром, приняла участие в пересмотре советской истории, продукция которых публиковалась на страницах журналов и газет, переизданная позднее в сборниках статей: «Страницы советского общества», «Страницы истории КПСС», «Историки отвечают на вопросы», «Иного не дано», «Переписка на исторические темы» и другие. Основное внимание историков было сосредоточено на изучении проблемы сталинизма и роли Сталина. Немалую роль в пересмотре истории и расширении источниковой базы сыграли переизданные сочинения репрессированных и долгое время остававшихся в забвении «врагов народа» – видных политических деятелей: Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, Г.И. Зиновьева и других, послуживших базой для поисков альтернативных вариантов развития страны. Историки-профессионалы в этот период предпринимали попытки сопоставить свои взгляды по наиболее важным проблемам советской истории и определить свои задачи на заседаниях «круглых столов» и на научных конференциях. Большую роль в этом сыграла и редакция журнала «Вопросы истории», организовавшая встречу историков и литераторов в 1988 году, на которой был сформулирован круг задач в переосмыслении истории, частично реализованных.

Появление леворадикальной исторической публицистики вызвало резкую реакцию правых, «ястребов» из КПСС, о чем свидетельствовала статья Н.А. Андреевой «Не хочу поступаться принципами», поддержанная Е.К. Лигачевым, и его резкая оценка переосмысления истории, позиция Идеологического отдела ЦК КПСС. В.А. Медведев на встрече с историками в сентябре 1989 года подчеркивал, что классовый подход должен оставаться главным в исследовании истории и в критике ее «очернителей». На этой основе в конце 1989 года состоялся альянс Идеологического ведомства ЦК КПСС с «историками-академиками», когда можно было говорить о совпадении взглядов на пересмотр советской истории руководства партии и представителей академической исторической науки.

Этим объясняется появление статьи Ю. Кукушкина и А. Манькина «Октябрь и мы» в «Правде» за 4 ноября 1989 года, в которой они признавали необходимым сохранить идеологический подход к истории, искать «систему ценностей построенного в стране социализма» с тем, чтобы не допустить «утраты оптимизма», что, по их убеждению, «углубит трудности» и утвердит общество «в бессмысленности прожитых страной 70-ти годах». Историки же, по их мнению, должны стать «важной конструктивной силой общества в делах обновления социализма». Однако на этот раз былой автоматизм партийных указаний не сработал, причиной чего стала окончательная утрата монополии КПСС на истину.

В начале третьего периода, с 1990 года, историко-публицистическое и официальное направления историографии претерпели некоторые изменения. Так, если коллективной монографии «Во главе строительства нового общества. Исторический опыт деятельности КПСС в переходный период», изданной АОН при ЦК КПСС в 1988 году, в полной мере был присущ догматический подход «застойного» времени, то в «Кратком очерке истории советского общества. 1917–1945 гг.», опубликованном в журнале «История СССР» в 1989 году, была предпринята попытка пересмотра некоторых проблем советской истории, признание ряда ошибок партии в историческом процессе. И все же трудно было ожидать сколько-нибудь серьезного изменения концепции от историков-профессионалов, заведших историческую науку в застой и кризис.

Примерно с 1991 года ведущим стало демократическое направление исторической науки. Главной формой литературы была статья в исторической периодике, прежде всего в журналах «Вопросы истории», «Родина», «История СССР» (с 1992 года – «Отечественная история»), «Диалог» и другие. На их страницах появляются статьи по тем проблемам, пересмотр которых ранее сдерживался «верхами»: роли В.И. Ленина в истории после Октября, Октябрьской революции, красному террору, белому движению, судьбах политических партий, выступлениях крестьян, рабочих, казаков против советской власти, репрессивной политике партии и тому подобное. Затронуты были проблемы «оттепели» и «застоя». Особое значение имели сборники статей: «Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии», «Брежнев Л.И.: Материалы к биографии», «Погружение в трясину. (Анатомия

застоя)», воспоминания-раздумья лиц, близких к правящим кругам в 1950-х – начале 1980-х годов: Г.А. Арбатова «Затянувшееся выздоровление» (1953–1985 гг.)», Р. Медведева «Личность и эпоха: политический портрет Л.И. Брежнева», Ф. Бурлацкого «Вожди и советники», воспоминания Н.С. Хрущева, опубликованные в разных изданиях, и другие. То есть пересмотр исторических концепций советского времени приобрел всеобщий характер. Особенностью исторической литературы третьего периода является более спокойный тон изложения, за исключением, пожалуй, «Огонька» – лидера леворадикального публицистического направления, хотя и в нем наметился переход от фактологического характера статей, присущего его деятельности во втором периоде, к обобщающему. Изменилась методика подачи материалов, когда порой одновременно публиковались мнения историков разных направлений по одной и той же проблеме, нередко российских и зарубежных авторов. Расширились и связи редакций журналов с читателями. Впервые в нашей стране издаются работы «советологов», в том числе и бывших отечественных историков, оказавшихся за пределами своей Родины не по своей воле. Расширяется и разнообразится источниковая база исторических трудов. И все же основная часть архивного материала и запрещенная для пользования историческая литература, хранившаяся в спецхране, оставались недоступными для большинства исследователей, отчего издаваемые работы по советской истории едва ли можно назвать в полной мере научными.

Положительный сдвиг произошел после августовских событий 1991 года. Стали открываться архивы, более доступным стал спецхран. Появляются статьи профессиональных историков, основанные на новых архивных материалах, подтверждавшие в основном «очернительные» варианты раскрытия проблем советской истории публицистами. Коренные сдвиги в пересмотре истории советского периода могут произойти лишь после смены поколений историков, когда появятся исследователи, свободные от идеологической зашоренности и стереотипов раскрытия прошлого. И, если это станет возможным, наступит длительный, трудоемкий четвертый период переосмысления советской истории.

И все же кратко рассмотрим основные направления пересмотра отечественной истории в целом в третий период, определим основные контуры этого пересмотра.

В этот период наметилось изменение метода изучения истории: вместо диалектико-материалистического метода с его формационным подходом, основательно скомпрометированного, наметился переход к цивилизационному методу, которым, правда, еще не удалось овладеть в полной мере.

Для ускорения разработки новых концепций Отечественной истории были использованы наработки российских отечественных и зарубежных историков. С этой целью было широко использовано репринтное переиздание трудов многих отечественных исследователей, особенно второй половины XIX – начала XX века, в том числе и прежде всего корифеев российской историографии С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Появились переводные на русский язык издания зарубежных историков, преимущественно по советскому периоду. И те, и другие исследователи использовали для изучения истории цивилизационный подход, раскрывая исторический процесс в России комплексно.

Был восстановлен плюрализм мнений на отечественную историю. Именно различие взглядов историков на те или иные проблемы, их сопоставление может поднять процесс усвоения исторического материала на должную высоту и превратить исторические знания подлинную науку.

В третьем периоде появились работы современных историков, написанные по-новому и по разным периодам истории России. Однако это в основном статьи или учебные пособия разного рода для абитуриентов, учащихся школ или студентов вузов и средних учебных заведений. Появились работы и о деятельности исторических деятелей, преимущественно монархов и их ближайшего окружения, чаще всего переизданные репринтным способом, а также работы современных историков о деятелях советского времени.

Особое внимание историков постперестроечного времени было уделено проблемам реформирования России на разных этапах ее истории. Так, в 1999 году была опубликована

монография А.Б. Каменского «От Петра 1 до Павла I. Реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа)», которая положила начало изучения комплексного преобразования страны в XVIII столетии. Такие же работы появились и по другим периодам истории России. Стоит отметить, что исторической литературе такого рода была свойственна заметная ориентация на зарубежную историографию и определенная переоценка влияния Запада на реформирование России, слабое внимание к изучению экономики страны и ее преобразованию. Проблемы реформирования России и СССР активно обсуждались на научных конференциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Бобкова, Е.Ю.**, Постсоветская историография истории СССР [Текст]. / Е.Ю. Бобкова. – М.: Изд-во Нобель Пресс, 2012 – 140 с. – ISBN: 978-5-458-55047-5.

2. Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 552 с. – ISBN: 978-5-9916-3303-1.

3. **Наумова Г.Р.**, Историография истории России [Текст] : учеб. пособие. / Г.Р. Наумова. – 4-е изд., стер. – М. : ИЦ Академия, 2011. – 272 с. – ISBN: 978-5-7695-8334-6.

б) дополнительная литература

1. **Барг М.А.**, Категории и методы историографической науки. [Текст]. М.А. Барг. - М., 1984.

2. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. [Текст] / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с. – ISBN 5-7511-1556-2

3. **Дементьев, И.П., Патрушев, А.И.** Историография истории нового и новейшего времени [Текст] : Учебное пособие для вузов. / И.П. Дементьев, А.И. Патрушев – М.: Простор; ЧеРо, 2000. – 214 с. – ISBN: 5-900451-22-4

4. **Наумова, Р.Г., Шикло, А.Е.** Историография истории России. [Текст]. / Р.Г. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Ид-во Академия 2008. – 686 с. – ISBN 978-5-7695-4084-4

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ТЕМА 1	
Введение в историографию Отечественной истории	4
..	
ТЕМА 2	
Этапы становления и развития историографии древней Руси (IX–XV вв.).....	10
ТЕМА 3	
Русская историография XVI–XVII вв., особенности развития.....	18
ТЕМА 4	
Становление и развитие исторической науки в России XVIII в.	25
ТЕМА 5	
Историография Российской истории середины XVIII в.....	31
ТЕМА 6	
Просветительская историография во второй половине XVIII в.....	39
ТЕМА 7–8	
Российская историография первой половины XIX века.....	45
ТЕМА 9	
Российская историческая наука второй половины XIX в.	54
ТЕМА 10	
Отечественная историография на рубеже XIX–XX вв.....	61
ТЕМА 11	
Марксистская историография в России начала XX в.....	70
ТЕМА 12	
Становление советской историографии. 1917–1930-е гг.....	78
ТЕМА 13	
Советская историография 1940–1970-х годов.....	90
ТЕМА 14-15	
Отечественная историография на рубеже XX–XXI вв.....	105